Г. З. БЕСѢДОВСКІЙ

НА ПУТЯХЪ КЪ ТЕРМИДОРУ

ПАРИЖЪ 1931

Г. З. БЕСѢДОВСКІЙ

НА ПУТЯХЪ КЪ ТЕРМИДОРУ

Изъ воспоминаній
бывшаго совѣтскаго дипломата

Издательство «МИШЕНЬ» 9, Rue de l'Éperon
ПАРИЖЪ MCMXXXI

Глава I

МОСКВА

Свое назначеніе въ Токіо совѣтникомъ посольства я принялъ съ чувствомъ тревоги. Дальній Востокъ былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ. Къ тому же, мнѣ приходилось ѣхать туда въ острый моментъ: революціонныя событія въ Китаѣ развивались, и даже для непосвященныхъ становилось ясно, что то или иное отношеніе Японіи къ китайской революціи можетъ сыграть рѣшающую роль.

Меня предупреждали въ центральномъ комитетѣ коммунистической партіи, что совѣтскій посолъ въ Японіи, Коппъ, будетъ скоро отозванъ и что мнѣ придется продолжительное время исполнять обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Такая перспектива напугала меня еше больше, и я серьезно подумывалъ, какимъ образомъ ускользнуть отъ поѣздки въ Японію, тѣмъ болѣе, что въ это время открывалась возможность поѣхать полпредомъ въ Мексику, гдѣ работа была очень простой, а жизнь пріятной, и гдѣ не надо было нести почти никакой политической отвѣтственности, ибо, по существу, не было никакой политической работы. Но мнѣ заявили, что Мекси-

ка предназначена для пословъ инвалидовъ, и что мнѣ, въ виду моей молодости и активности (мнѣ тогда не было еще полныхъ тридцати лѣтъ) рѣшили дать одно изъ самыхъ отвѣтственныхъ назначеній.

Мое назначеніе совѣтникомъ въ Японію вызвало мутную волну зависти и недоброжелательства среди чиновниковъ Наркоминдѣла. Особенно неистовствовалъ завѣдующій отдѣломъ англо-романскихъ странъ, Каганъ. Этотъ странный субъектъ, пріѣхавшій въ 1920-мъ году въ Москву изъ Америки, куда онъ бѣжалъ въ свое время, не желая идти на военную службу, выдалъ себя за политическаго эмигранта, получилъ партійный стажъ съ 1917-го года, и вскорѣ благополучно устроился подъ крылышкомъ Литвинова, питавшаго стихійныя симпатіи къ проходимцамъ и жуликамъ. Одинъ изъ работниковъ Наркоминдѣла, секретарь посольства въ Японіи, Вольфъ, хорошо знавшій Кагана по Америкѣ, увѣрялъ меня впослѣдствіи, что въ числѣ американскихъ профессій Кагана значилась и торговля живымъ товаромъ. Я оставляю это утвержденіе на совѣсти Вольфа, но, признаться, когда я впервые увидѣлъ физіономію Кагана, я подумалъ, что онъ могъ бы съ успѣхомъ играть бандитовъ въ американскихъ фильмахъ. Оказалось, что Кагану до смерти хотѣлось поѣхать совѣтникомъ въ Японію, и что уже имѣлось постановленіе коллегіи Наркоминдѣла объ его назначеніи, но политбюро не утвердило Кагана, выдвинувъ мою кандидатуру. Чичеринъ немедленно воспользовался этимъ, чтобы провалить «литвиновца» Кагана, и я, помимо своей воли, на короткій періодъ времени былъ зачисленъ въ группу «чичеринцевъ». Каганъ отомстилъ мнѣ, начавъ кампанію клеветы и лжи, а заодно выдвинувъ тра-

диціонное обвиненіе въ кадетизмѣ. Но въ то время я еще пользовался неограниченнымъ довѣріемъ политбюро, поэтому обвиненіе въ кадетизмѣ не достигло цѣли. Впрочемъ, даже въ составѣ нынѣшняго политбюро имѣется бывшій участникъ группъ кадетской молодежи, Микоянъ. Когда, во время борьбы съ оппозиціей, это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ (Микоянъ, конечно, умолчалъ о немъ въ своей анкетѣ), Сталинъ рѣзко пресѣкъ всякіе разговоры на эту тему, заявивъ: «Намъ нѣтъ дѣла до того, кѣмъ былъ раньше Микоянъ, разъ онъ теперь стойкій ленинецъ и твердый революціонеръ»...

Получивъ назначеніе, я явился съ визитомъ къ Чичерину.

— Вамъ придется работать въ чрезвычайно трудной обстановкѣ, — сказалъ онъ. — Полпредъ, товарищъ Коппъ, разошелся съ линіей партіи и линіей Коминтерна въ дальневосточныхъ дѣлахъ. Онъ затрудняетъ работу Карахана, саботируя соглашеніе съ Японіей, которое развязало бы намъ руки въ Китаѣ. Коппъ будетъ скоро отозванъ, и вамъ придется довольно долго просидѣть повѣреннымъ въ дѣлахъ. Я надѣюсь, что съ вашими способностями вы сумѣете быстро оріентироваться въ обстановкѣ. Пока же, въ качествѣ предварительныхъ указаній, примите во вниманіе слѣдующее: политическая жизнь Японіи проходитъ въ борьбѣ двухъ крупныхъ концерновъ — Мицубиши и Мицуи, отражаясь въ борьбѣ двухъ основныхъ клановъ — Чосіо и Сацума, сухопутной арміи и морского вѣдомства. Первый кланъ намъ враждебенъ. Онъ желаетъ расширить базу японскаго вліянія на азіатскомъ континентѣ — въ Китаѣ, Манчжуріи и на совѣтскомъ Дальнемъ Востокѣ. Второй кланъ вынужденъ счи-

таться съ неминуемымъ въ будущемъ японо-американскимъ столкновеніемъ, въ которомъ флоту придется играть рѣшающую роль. Отсюда поиски нефтяной базы, пекинская конвенція 1925-го года съ нами о сахалинскихъ нефтяныхъ концессіяхъ и гарантія, съ нашей стороны, японскаго тыла въ случаѣ столкновенія съ Америкой. Теперешній премьеръ-министръ Вакатсуки и министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Сидехара, — сторонники Мицубиши и Сацума, поэтому, я не думаю, что вы встрѣтите большія затрудненія въ своей работѣ. Помните, однако, что военное вѣдомство въ Японіи играетъ большую роль, ибо военный министръ назначается императоромъ лишь изъ числа кандидатовъ, выдвинутыхъ кланомъ Чосіо, и премьеръ-министръ имѣетъ относительное вліяніе на политику военнаго министерства и генеральнаго штаба. Военный министръ часто расходится съ премьеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Надо, поэтому, внимательно наблюдать за дѣятельностью военныхъ круговъ. . .

Я поставилъ Чичерину вопросъ о китайскихъ дѣлахъ. Онъ началъ отвѣчать съ явнымъ раздраженіемъ, показывая, что ему не хочется давать мнѣ директивъ по китайскимъ дѣламъ.

— Прочтите доклады товарища Карахана, а затѣмъ побесѣдуйте съ Уншлихтомъ. Онъ назначенъ предсѣдателемъ «китайской комиссіи при политбюро». Китайскія дѣла играютъ теперь такую роль, что Наркоминдѣлъ не можетъ позволить себѣ роскоши давать вамъ непосредственныя директивы, — кисло сказалъ Чичеринъ.

Я остался чрезвычайно неудовлетвореннымъ примитивнымъ схематизмомъ чичеринскихъ указаній. По такой

общей схемѣ можно было, пожалуй, написать короткую статью для «Правды», но вести практическую работу въ качествѣ руководителя посольства было трудновато. . .

Однако, я получилъ вскорѣ болѣе точныя указанія отъ Мельникова, завѣдующаго отдѣлюмъ Дальняго Востока въ Наркоминдѣлѣ. Мельниковъ, бывшій есаулъ Забайкальскаго казачьяго войска, прекрасный знатокъ Китая и Японіи, несмотря на свою молодость и «сомнительное» соціальное происхожденіе, игралъ гораздо большую роль въ китайскихъ дѣлахъ, чѣмъ добровольно устранившійся Чичеринъ. Это обстоятельство было подчеркнуто назначеніемъ Мельникова членомъ китайской комиссіи политбюро, въ которой онъ занималъ крайній лѣвый флангъ, искупая этимъ свои есаульскіе погоны. Но въ практическомъ пониманіи дальневосточной политики Мельниковъ, несомнѣнно, былъ далеко впереди и Карахана, и Чичерина, и даже Коппа.

— У насъ съ японцами нѣсколько плоскостей треній, — сказалъ мнѣ Мельниковъ. — Первая: конкуренція Владивостока съ Дайреномъ. Это — вопросъ тарифной политики КВжд. Мы заинтересованы въ направленіи потока грузовъ изъ Сѣверной Манчжуріи на востокъ, на Владивостокъ. Японцы хотѣли бы направить его на югъ, на Дайренъ. Правленіе КВжд, въ которомъ мы фактически распоряжаемся безконтрольно, установило спеціальные, повышенные тарифы на южномъ, 5-мъ, участкѣ Харбинъ — Чанчунъ (Куаченцзы), тѣмъ самымъ искусственно загораживая южное направленіе потока грузовъ. Понятно, японцы взбѣшены этимъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ ставятъ вопросъ о пониженіи тарифа на южномъ участкѣ КВжд. Вторая плоскость треній — японское же-

лѣзнодорожное строительство въ Манчжуріи. Посмотрите на карту, и вы увидите прекрасно разработанную сѣть стратегическаго и коммерческаго охвата КВжд. Особенно опасны двѣ линіи: Таонаньфу — Цицикаръ, съ продолженіемъ къ Сахалину, и Гиринъ — Дунъ — Хуа, съ продолженіемъ къ Сейсину. Первая линія пересѣкаетъ КВжд, обходя знаменитую хинганскую стратегическую петлю у разъѣзда Бухеду и выходя въ тылъ нашего Приморья у Благовѣщенска. Вторая идетъ почти параллельно КВжд, конкурируя съ ней въ коммерческомъ отношеніи и создавая удобную коммуникаціонную линію для японскаго проникновенія съ востока. Мы пытались нѣсколько разъ протестовать въ Токіо противъ японскаго желѣзнодорожнаго строительства въ Манчжуріи, но изъ этихъ протестовъ ничего не вышло. Японцы выдвигаютъ доводы, что дороги строятъ не они, а Чжанъ-Цзо-Линъ, они же только даютъ средства и инженеровъ. При этомъ они добавляютъ, что мы можемъ дѣлать тоже самое. Послѣдній доводъ имѣетъ, конечно, чисто риторическій характеръ, такъ какъ имъ прекрасно извѣстно, что желѣзнодорожное строительство намъ не по карману. Во всякомъ случаѣ, въ одномъ намъ удалось имъ помѣшать: въ пересѣченіи КВжд Таонаньфу — Цицикарской линіей. Пересѣчь КВжд безъ нашего разрѣшенія они никакъ не могутъ, и здѣсь мы ихъ ущемили. Линія дошла до Ананьчи, не дотянувшись до КВжд. Правда, у японцевъ имѣются средства обойти и это наше сопротивленіе: они могутъ построить туннель подъ КВжд, не пересѣкая ее на поверхности. Такой выходъ юридически нарушалъ бы права КВжд, но фактически далъ бы японцамъ возможность разрѣшить вопросъ безъ прямого столкновенія съ администраціей

КВжд. Все дѣло, разумѣется, въ стоимости такого туннеля: онъ долженъ стоить нѣсколько десятковъ милліоновъ іенъ, и, надо надѣяться, японцы не захотятъ выбросить такую громадную сумму денегъ.

— Третья плоскость треній — вопросъ о Чжанъ-Цзо-Линѣ. Этотъ старый хунхузъ явно начинаетъ подбираться къ нашимъ позиціямъ на КВжд. Правда, Караханъ здорово задразнилъ его своей авантюрой съ Го-Сунь-Линомъ, котораго онъ выдвинулъ противъ Чжанъ-Цзо-Лина въ самый острый моментъ борьбы послѣдняго съ гоминцзюномъ (народная армія) во главѣ съ Фынъ-Ю-Сяномъ. Караханъ надавалъ этому несчастному Го-Сунь-Лину кучу обѣщаній, которыхъ онъ не исполнилъ, а Го-Сунь-Линъ расплатился за эти обѣщанія своей головой и головой своей жены, бывшей ученицы коммерческаго училища въ Харбинѣ, которая была посредницей въ нашихъ переговорахъ. Правда, Караханъ пытался сдержать свои обѣщанія. Онъ требовалъ отъ политбюро продвиженія нашихъ войскъ въ Баргу и къ Цицикару, въ тылъ генералъ-губернатору Хей-Лунъ-Цзянской провинціи, генералу У-Цзюнъ-Шену, двинувшему свою кавалерію во флангъ Го-Сунъ-Лина и тѣмъ рѣшившему судьбу битвы при Синь-Минь-Фу. Я поддерживалъ его, такъ какъ достаточно было двинуть два-три полка, чтобы гнать китайцевъ до самаго Муксена, но въ политбюро струсили передъ японцами, рѣшивъ, что они непремѣнно вмѣшаются и полѣзутъ съ нами въ драку. Чжанъ-Цзо-Линъ сдѣлалъ выводы изъ нашей нерѣшительности, арестовалъ Иванова, управляющаго КВжд, а теперь ведетъ планомѣрную работу вытѣсненія насъ съ желѣзной дороги. Во время ареста Иванова снова всталъ вопросъ о нашемъ наступленіи на

Харбинъ. Караханъ рѣзко требовалъ наступленія. Ворошиловъ готовъ былъ поддержать его, но нашъ старикъ (Мельниковъ кивнулъ въ сторону кабинета Чичерина) снова струсилъ, и заставилъ политбюро предложить Коппу предварительно «прозондировать» Японію, какъ она отнесется къ нашему наступленію на Харбинъ. Коппъ отвѣтилъ, что въ случаѣ появленія нашихъ войскъ въ районѣ Харбина, японцы оккупируютъ Чаньчунь и двинутъ къ Харбину одну дивизію. Политбюро струсило и панически отступило передъ Чжанъ-Цзо-Линомъ. Я лично думаю, что Коппъ либо перетрусилъ, либо просто совралъ, чтобы насолить Карахану, съ которымъ у него личные счеты, но политбюро, подъ вліяніемъ информаціи Коппа, рѣшило отозвать войска съ манчжурской границы. Послѣ этихъ инцидентовъ Чжанъ-Цзо-Линъ ненавидитъ насъ отъ всей души, и воспользуется первымъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы выгнать насъ изъ КВжд. Вотъ почему мы начали ставить передъ японцами вопросъ о замѣнѣ Чжанъ-Цзо-Лина другой фигурой. Можно посадить его сына, Чжанъ - Сюэ - Ляна, или начальника штаба, Янъ-Ю-Тина, или его брата, Гиринскаго дубаня, Чанъ-Цзо-Сяна, а, въ крайнемъ случаѣ, мукденскаго губернатора, Мо-Де-Хуя. Японцы упираются, но, дѣло въ томъ, что нѣкоторые очень вліятельные японскіе круги, въ томъ числѣ и генеральный штабъ, терпѣть не могутъ Чжанъ-Цзо-Лина, пытающагося ограничить японскую экспансію въ Манчжуріи. Правда, Гаймусіо (японское министерство иностранныхъ дѣлъ) твердо поддерживаетъ Чжанъ-Цзо-Лина, и вамъ придется, конечно, заявлять при каждомъ удобномъ случаѣ, что пребываніе Чжанъ-Цзо-Лина въ роли мукденскаго правителя — одно изъ непре-

одолимыхъ препятствій къ полной стабилизаціи японо-совѣтскихъ дружественныхъ отношеній.

— Помимо этихъ треній, — продолжалъ Мельниковъ, — есть въ нашей дипломатической игрѣ съ Японіей и козыри. Первый козырь — японскія рыболовныя предпріятія на Камчаткѣ и у Приморья. При крайней бѣдности Японіи матеріальными рессурсами, эти рыболовные промыслы имѣютъ для нея большое значеніе, въ то время, какъ мы, по сути дѣла, лишены возможности нормально ихъ эксплоатировать. Частные промышленники съ нашей стороны работать почти не могутъ, а Далькрайсоюзъ и Дальгосрыбтрестъ заражены бюрократической мертвечиной. Конечно, мы не можемъ уступать японцамъ безпредѣльно и въ рыболовныхъ дѣлахъ, такъ какъ тогда эта приманка потеряетъ свое значеніе, но для дипломатическаго маневрированія рыболовныя дѣла доставляютъ достаточный просторъ. Второй нашъ козырь — японскія лѣсныя концессіи въ Приморьи. Переговоры съ Ріоріо-Суйсанъ-Куміай почти закончены. Японцы получаютъ нѣсколько большихъ лѣсныхъ участковъ, и вамъ надо будетъ связаться съ кругами, заинтересованными въ лѣсныхъ дѣлахъ.

— Наконецъ, нашъ основной козырь — угольныя и, особенно, нефтяныя концессіи японцевъ на Сахалинѣ. Во главѣ нефтяной концессіи стоитъ адмиралъ Накасата. Во главѣ угольной — бывшій японскій генеральный консулъ въ Москвѣ, Каваками, японскій делегатъ во время переговоровъ съ товарищемъ Іоффе. По нашимъ свѣдѣніямъ, японцы возлагаютъ большія надежды на нефтяную концессію, которая, по мысли морского генеральнаго штаба, должна явиться нефтяной базой японскаго флота въ

случаѣ войны съ Соединенными Штатами. Согласно подписаннымъ нами въ свое время условіямъ, японцы имѣютъ право на производство развѣдки въ 1000-верстной полосѣ, кромѣ той нефтяной площади, которая имъ уже отведена. Мы пока торгуемся съ ними и не даемъ имъ этихъ новыхъ 1000 квадратныхъ верстъ, такъ какъ, имѣйте въ виду, на востокѣ никогда нельзя спѣшить, даже съ исполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Но, понятно, мы отдадимъ имъ эти 1000 квадратныхъ верстъ, а, можетъ быть, и больше. Все зависитъ отъ китайскихъ дѣлъ, — закончилъ Мельниковъ.

Послѣ разговора съ Мельниковымъ, я провелъ нѣсколько дней за чтеніемъ переписки Карахана и Коппа съ Чичеринымъ, и Чичерина съ политбюро и Уншлихтомъ. Прочелъ я также нѣсколько докладовъ совѣтскаго генеральнаго консула въ Мукденѣ, Краковецкаго. Обстановка моей будущей работы начала принимать весьма конкретныя очертанія. Я видѣлъ впереди непреодолимыя трудности, но, одновременно съ этимъ, чувствовалъ, что мнѣ придется достаточно много поработать для защиты государственныхъ интересовъ страны на Дальнемъ Востокѣ. Въ этомъ сознаніи я находилъ увѣренность, что мнѣ удастся справиться съ новой, трудной работой...

Какъ-то во время чтенія одного изъ докладовъ Карахана раздался телефонный звонокъ. Литвиновъ просилъ меня зайти къ нему въ кабинетъ.

Я зашелъ. Приглашеніе нѣсколько удивило меня. По установившемуся внутри Наркоминдѣла распредѣленію обязанностей, Литвиновъ былъ совершенно изолированъ отъ какого бы то ни было отношенія къ азіатской части работы Наркоминдѣла. Когда Чичеринъ уходилъ въ от-

пускъ, политбюро передавало эту часть работы Наркоминдѣла члену коллегіи послѣдняго, Аралову, очень милому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, недалекому человѣку. Литвиновъ обижался и дулся, но въ политбюро ему резонно замѣчали, что ввиду его острой личной вражды къ Карахану, оставленіе его въ качествѣ руководителя азіатской работой Наркоминдѣла вызвало бы немедленно тренія съ пекинскимъ полпредствомъ, во главѣ котораго стоялъ Караханъ.

Политбюро, повторяю, поступало резонно, такъ какъ при интриганскихъ наклонностяхъ Литвинова и при его неразборчивости въ средствахъ при сведеніи личныхъ счетовъ, неминуемо должна была начаться борьба между пекинскимъ полпредствомъ и Наркоминдѣломъ, въ которой всякія соображенія отступили бы передъ одной цѣлью: во что бы то ни стало подсидѣть Карахана.

Литвиновъ началъ бесѣду со мной съ... протокола о присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи. Какъ извѣстно, этотъ протоколъ былъ подписанъ четырьмя державами: Франціей, Англіей, Италіей и Японіей. Согласно тексту протокола, онъ входитъ въ силу послѣ ратификаціи его тремя державами изъ числа подписавшихъ протоколъ. Литвиновъ довелъ до моего свѣдѣнія, что между СССР и Японіей существуетъ **секретное** соглашеніе, въ силу котораго Японія обязалась не ратифицировать бессарабскаго протокола раньше его вхожденія въ силу, т. е. раньше, чѣмъ онъ будетъ ратифицированъ тремя изъ подписавшихъ его четырехъ державъ. Ко времени нашей бесѣды, т. е. къ началу мая 1926-го года, бессарабскій протоколъ былъ ратифицированъ только Англіей и Франціей. Италія и Японія еще не ратифицировали его, и Наркомин-

дѣлъ принималъ рядъ мѣръ къ воспрепятствованiю такой ратификацiи. Литвиновъ заявилъ, что на Италiю онъ вполнѣ полагается (онъ блестяще ошибся въ своихъ предположенiяхъ, такъ какъ Италiя вскорѣ ратифицировала протоколъ) и что онъ проситъ меня сдѣлать демаршъ въ японскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, съ цѣлью добиться завѣренiя, что Японiя **ни въ какомъ случаѣ** не ратифицируетъ бессарабскаго протокола. Правда, протоколъ входитъ въ силу и безъ четвертой ратификацiи, но все же отсутствiе таковой явилось бы сильнымъ ударомъ по моральному престижу этого протокола.

Покончивъ съ протоколомъ, Литвиновъ началъ разспрашивать меня, успѣлъ ли я ознакомиться съ дѣлами и каково мое мнѣнiе о нашей дальневосточной политикѣ. Я отвѣтилъ чрезвычайно сдержанно, что не считаю себя еще вправѣ высказать опредѣленное мнѣнiе, такъ какъ не успѣлъ ознакомиться съ достаточной полнотой съ такимъ сложнымъ вопросомъ, какъ наша дальневосточная политика. Тогда Литвиновъ внезапно прорвался. Онъ заговорилъ быстро, съ несвойственной ему горячностью:

— Основная язва нашей дальневосточной политики — это Караханъ. Онъ ничего не смыслитъ въ той работѣ, которая ему поручена, и стремится изо всѣхъ силъ выслужиться передъ этой подозрительной шпаной, Бородинымъ, свалившимся намъ на голову прямо изъ кулисъ чикагской биржи, гдѣ онъ подвизался подъ фамилiей Грузенберга. Бородинъ ведетъ себя въ Китаѣ, какъ диктаторъ. Онъ непосредственно сносится съ политбюро отдѣльнымъ шифромъ, присланнымъ ему по распоряженiю Сталина, причемъ не считаетъ нужнымъ посвящать Карахана въ свои распоряженiя и въ тѣ крупныя и мелкiя

интриги, которыя онъ ведетъ внутри Гоминдана, какъ главный эмиссаръ Коминтерна въ Китаѣ... Караханъ терпѣливо сноситъ все это ради одной кислой похвалы Сталина, написавшаго ему на-дняхъ, что онъ «доволенъ вашей гармонической работой съ товарищемъ Бородинымъ». Выслуживаніе Карахана передъ Бородинымъ доходитъ до крайняго неприличія. Нѣсколько времени тому назадъ Бородинъ пріѣзжалъ къ намъ въ Москву изъ Китая. Ѣхалъ онъ черезъ Внѣшнюю Монголію, черезъ Уланъ Баторъ (Ургу) и Верхнеудинскъ. И вотъ, Караханъ телеграфно далъ распоряженіе нашимъ желѣзнодорожнымъ органамъ, чтобы Бородина отвезли спеціальнымъ **экстреннымъ поѣздомъ.** Бородинъ катилъ, въ сопровожденіи своего секретаря, въ поѣздѣ изъ четырехъ вагоновъ, а теперь Рудзутакъ требуетъ съ Наркоминдѣла тридцать тысячъ рублей за эту увеселительную прогулку. Я заявилъ, что пока я замнаркомъ, я не заплачу ни копѣйки: пусть снимаетъ подштанники съ этого прохвоста Бородина, а заодно и съ Карахана. Изъ смѣты Наркоминдѣла мы платить не можемъ, у насъ такихъ параграфовъ нѣтъ...

— Бородинъ пріѣзжалъ къ намъ съ требованіемъ новыхъ субсидій на китайскія дѣла. Онъ представилъ въ политбюро докладъ, подписанный имъ совмѣстно съ Караханомъ, съ требованіемъ отпустить 50 милліоновъ долларовъ, 50 тысячъ винтовокъ, 500 пулеметовъ и 75 орудій. Ослы изъ политбюро два дня подрядъ обсуждали этотъ докладъ. Наркомфинъ пришелъ въ дикій ужасъ: черезъ пару лѣтъ мы останемся безъ всякихъ валютныхъ резервовъ. Вызвали Георгія Васильевича (Чичерина). Онъ, конечно, не явился, такъ какъ въ дни засѣданій

политбюро по китайскому вопросу у него всегда обостряется колитъ. Я пришелъ вмѣсто него, и заявилъ въ самомъ категорическомъ тонѣ, что больше ни копѣйки давать нельзя, что нѣтъ никакой гарантіи за вѣрность Фынъ-Ю-Сяна, и, что въ результатѣ всей нашей помощи Фыну, мы создадимъ въ Пекинѣ сильное правительство съ превосходной арміей, которая выгонитъ насъ черезъ нѣсколько лѣтъ изъ Манчжуріи, а затѣмъ захватитъ наше Приморье. Сталинъ пришелъ въ ярость и сказалъ, что я ничего не смыслю въ діалектикѣ дальневосточной политики, что Фыну мы помогали при условіи легализаціи имъ коммунистическаго движенія въ Китаѣ, которое на опредѣленной стадіи смахнетъ Фына и сдѣлается гегемономъ въ китайской революціи. Въ результатѣ всѣхъ этихъ разглагольствованій, политбюро постановило «предложить заинтересованнымъ наркоматамъ разсмотрѣть заявку тов. Бородина и удовлетворить ее въ предѣлахъ 30%. Т. Уншлихту наблюсти за исполненіемъ». У меня прямо сердце болѣло при мысли, что мы заплатимъ этому мошеннику Фыну пятнадцать милліоновъ долларовъ. Наркомфинъ все же отправилъ ему, черезъ Бородина съ Тарахномъ, три тысячи кредитныхъ бумажекъ по пять тысячъ долларовъ. Все это выброшенныя на вѣтеръ деньги.

— Я надѣюсь, — закончилъ Литвиновъ, — что Коппъ передъ своимъ отъѣздомъ дастъ вамъ правильную информацію о положеніи на Дальнемъ Востокѣ и что вы будете продолжать его линію. Я обѣщаю вамъ, въ случаѣ необходимости, свою поддержку. Можете писать мнѣ диппочтой, если понадобится, частныя письма. Не забудьте только ставить помѣтку: «Совершенно секретно. Только лично», и ставьте пять сургучныхъ печатей. Мой секре-

тарь, тов. Дивильковскій, вполнѣ надежный человѣкъ, но я предпочитаю не держать никого въ курсѣ своей частной переписки.

Я пришелъ въ состояніе полнаго недоумѣнія, выслушавъ Литвинова. Очевидно, желаніе продолжать активную интригу противъ Карахана было сильнѣе въ немъ всякихъ соображеній осторожности, и онъ счелъ возможнымъ попытаться завербовать меня на свою сторону, несмотря на мою, совершенно незаслуженную, впрочемъ, репутацію «начинающаго чичеринца». Я чувствовалъ, что Литвиновъ во многомъ правъ, но, признаюсь, питалъ такую глубокую антипатію къ Литвинову, что не счелъ нужнымъ реагировать на его инициативу. Я постарался скомкать разговоръ и перевелъ его на другія рельсы, заговоривъ о штатахъ, кредитахъ, хозяйственныхъ расходахъ токійскаго полпредства и т. п.

Литвиновъ былъ, явно, разочарованъ. Онъ ожидалъ все же, что я приму его предложеніе и замѣню ему Коппа въ интригѣ противъ Карахана. Мое нежеланіе принять участіе въ наркоминдѣловской склокѣ явно раздражало его. Онъ продолжалъ разговоръ въ сухомъ, оффиціальномъ тонѣ, немедленно заявилъ мнѣ, что ввиду отъѣзда посла, кредиты на представительство будутъ урѣзаны и что я, исполняя обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ, буду получать окладъ, не какъ повѣренный, а какъ совѣтникъ полпредства. Я невольно улыбнулся этой мести. Натура мелкаго лавочника, разсердившагося на непокладистаго приказчика, черезчуръ явно проступала черезъ наркомовскія черты Литвинова.

Съ этого дня Литвиновъ сдѣлался моимъ заклятымъ врагомъ. Черезъ пару дней послѣ визита къ Литвинову,

меня вызвали въ центральный комитетъ партіи въ секретаріатъ Сталина.

Сталинъ удѣлилъ мнѣ всего тридцать минутъ. Онъ началъ съ довольно грубой брани по адресу Коппа, затѣмъ перешелъ на китайскія дѣла, сказавъ, что китайская революція начинаетъ переходить на совѣтскія рельсы и что единственная опасность, угрожающая китайской революціи, это — вооруженная интервенція Англіи. Однако, Англія не рискнетъ начинать вооруженной интервенціи безъ содѣйствія и участія Японіи. Слѣдовательно, ключъ къ нормальному безболѣзненному развитію китайской революціи лежитъ въ позиціи Японіи. «Ваша задача, — сказалъ Сталинъ, — во что бы то ни стало помѣшать объединенной англо-японской интервенціи въ Китаѣ въ случаѣ дальнѣйшаго развитія китайской революціи. Маневрируйте как хотите, но, помните, что вы отвѣчаете за успѣхъ».

Я попытался, хотя бы приблизительно, установить предѣлъ «маневрированія», задавъ Сталину шуточный вопросъ: а что, если японцы потребуютъ сѣверную половину Сахалина и Владивостокъ, какъ цѣну своего нейтралитета въ китайскихъ дѣлахъ... Сталинъ серьезно и даже угрюмо посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Я не дипломатъ и не беру на себя давать вамъ практическія указанія. Если въ Пекинѣ будетъ совѣтское правительство, то, для его спасенія отъ интервенціи, мы можемъ отдать японцамъ не только Владивостокъ, но и Иркутскъ. Все зависитъ отъ соотношенія силъ въ каждый отдѣльный моментъ революціи. Брестъ-Литовскъ будетъ еще повторяться въ разныхъ комбинаціяхъ. Въ китайской революціи онъ можетъ такъ же понадобиться, какъ и въ россій-

ской. Я хочу дать лишь одинъ совѣтъ: говорите съ японцами поменьше и телеграфируйте намъ почаще. И не думайте, что вы умнѣе всѣхъ», — раздраженно закончилъ онъ. . .

Сталинская бесѣда не очень меня просвѣтлила. Встрѣча съ Уншлихтомъ ничего къ ней не прибавила. Я видѣлся и съ покойнымъ Іоффе, тогда работавшимъ въ главконцесскомѣ. Іоффе уговаривалъ меня не ѣхать въ Токіо, оставаться въ Москвѣ и работать въ главконцесскомѣ, во главѣ котораго стоялъ Троцкій. Онъ сказалъ, что, въ случаѣ моего согласія, будетъ поставленъ въ политбюро вопросъ о моемъ назначеніи въ члены президіума главконцесскома. Я, было, заколебался, но въ главконцесскомѣ уже начинала чувствоваться мертвечина, и отъ работы въ немъ я отказался.

Ознакомившись съ оффиціальной частью работы полпредства, надо было, по установившейся традиціи, ознакомиться и съ неоффиціальной частью. Я началъ съ коминтерна. Тамъ мнѣ сообщили, что представителемъ коминтерна и профинтерна въ Японіи является торговый представитель, Янсонъ. Корейская агентура коминтерна работаетъ на автономныхъ началахъ, подъ руководствомъ совѣтскаго генеральнаго консула въ Сеулѣ, Шарманова. Ввиду специфическихъ условій японской обстановки, полной нелегальности партіи, а, главное, опасности политическихъ осложненій, въ случаѣ провала, торгпреду Янсону предложено соблюдать максимальную осторожность въ работѣ и встрѣчаться только лишь съ двумя-тремя абсолютно надежными членами центральнаго комитета японской коммунистической партіи и Хіо-Ги-Кай (объединенія лѣвыхъ профессіональныхъ союзовъ, въ от-

личіе отъ Родо-Содо-Мей, объединенія умѣренныхъ союзовъ). Въ Москвѣ придавали большое значеніе дѣятельности японской коммунистической партіи и Хіо-Ги-Кай, считая, что, въ крайнемъ случаѣ, можно будетъ ослабить интервенцію въ Китаѣ, организовавъ революціонныя выступленія, стачки и даже крестьянскія возстанія. Японскимъ коммунистамъ предлагалось обратить особое вниманіе на резервистовъ, призываемыхъ на учебный сборъ, и на флотъ. Въ Москвѣ мнѣ сообщили съ большой гордостью, что въ японскомъ флотѣ существуютъ три прекрасно законспирированныхъ коммунистическихъ ячейки.

Особо стояла дѣятельность корейскихъ коммунистовъ, которой руководило генеральное консульство въ Сеулѣ. Для непосредственнаго руководства корейскимъ коммунистическимъ движеніемъ изъ Москвы была командирована въ Сеулъ, въ качествѣ переводчицы, кореянка, подъ фамиліей ⁂. Ея помощникомъ былъ кореецъ ⁂. Они организовали по всей Кореѣ сотни комсомольскихъ ячеекъ и умѣло использовали для своихъ цѣлей даже національное движеніе зажиточныхъ корейскихъ круговъ. Въ Москвѣ мнѣ сообщили, что между токійскимъ и сеульскимъ эмиссарами коминтерна, Янсономъ и Шармановымъ, идетъ открытая склока изъ-за распредѣленія финансовыхъ средствъ. Всего на Японію ассигновывалось 120.000 долларовъ въ годъ, и Сеулъ требовалъ въ свое распоряженіе половину этой суммы, указывая, что количество ячеекъ въ одной Кореѣ больше, чѣмъ во всей Японіи вмѣстѣ съ Формозой. Пятницкій пытался, было, поручить мнѣ «арбитражъ» въ этомъ дѣлѣ и роль примирителя двухъ эмиссаровъ, но я благоразумно уклонился отъ это-

го порученія, не желая обречь себя доносительству и со стороны Янсона, и со стороны Шарманова.

Посѣтилъ я иностранный отдѣлъ ГПУ. Тамъ мнѣ сообщили, что въ Токіо пока нѣтъ постояннаго представителя ГПУ или, такъ называемаго, резидента, и что функціи резидента временно исполняетъ секретарь генеральнаго консульства въ Токіо, Сверчевскій. Дѣятельностью Сверчевскаго въ Москвѣ были крайне недовольны. Онъ присылалъ совершенно безграмотные политическіе доклады, а заодно кучи глупѣйшихъ доносовъ на всѣхъ сотрудниковъ, по самымъ вздорнымъ поводамъ. Мнѣ дали прочитать одинъ «политическій» докладъ Сверчевскаго, гдѣ онъ тянулъ какую-то канитель о «полярныхъ точкахъ тихоокеанскаго политическаго дифференцированія», а заодно, его доносъ на перваго секретаря полпредства, завѣдывавшаго прессъ-бюро, Астахова, имѣвшаго неосторожность, въ присутствіи Сверчевскаго, произнести фразу: «Дуракъ красному радъ». На этомъ основаніи Сверчевскій обвинялъ его въ «затаенномъ ношеніи контръреволюціонныхъ и заднихъ мыслей». Трилиссеръ, читая этотъ доносъ, хохоталъ до слезъ и, въ видѣ оправданія Сверчевскаго, сказалъ, что онъ бывшій псаломщикъ...

Глава II

ТОКІО

7-го мая 1926 года сибирскій экспрессъ уносилъ меня изъ Москвы въ Токіо...

Въ токійскомъ полпредствѣ полнымъ ходомъ шла совершенно невѣроятная склока, главными дѣйствующими лицами въ которой являлись полпредъ Коппъ и военный атташе, латышъ Янель, красный генштабистъ.

Я засталъ склоку въ «развернутомъ» видѣ, и не зналъ ея «истоковъ». Передавали, что начало склоки положила жена Янеля, красивая молодая дама, обидѣвшаяся на Коппа за недостаточно внимательное отношеніе къ ея «правамъ дипломатической дамы». Надо отдать справедливость Коппу: въ грубости онъ не уступалъ своему другу, Литвинову. Когда ему приходилось занимать мѣсто въ посольскомъ автомобилѣ съ нашими «дипломатическими дамами», онъ, почти демонстративно, разваливался на заднемъ сидѣніи, предоставляя дамамъ занимать страпонтены. Во время посѣщенія одного изъ раутовъ, устраивавшихся иностранными дипломатами, Коппъ подвергъ такому «галантерейному» обхожденію мадамъ Янель, —

очень самолюбивую и властную особу. Съ этого момента м-мъ Янель сдѣлалась заклятымъ врагомъ Коппа. А такъ какъ военный атташе находился подъ башмакомъ своей жены (несмотря на три ордена краснаго знамени, полученные имъ за дѣйствительно безумную храбрость), то вражда м-мъ Янель къ полпреду немедленно превратилась въ склоку между военнымъ атташе и посломъ.

Какъ всегда бываетъ, наиболѣе горячее участіе въ склокѣ приняла дамская половина полпредства, полностью ставшая на сторону Янель противъ Коппа. Жизнь посольства была совершенно отравлена. Сотрудники глядѣли другъ на друга звѣрями, устраивали другъ другу гадости, писали доносы. Представитель ГПУ, Сверчевскій, плавалъ въ этой обстановкѣ, какъ рыба въ водѣ. Онъ принималъ доносы отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, поощрялъ, какъ могъ, доносителей, и выступалъ на общихъ собраніяхъ ячейки съ громовыми филиппиками противъ «носителей фраковъ, цилиндровъ и вообще бѣложилетниковъ». (Янель, какъ военный атташе, ходилъ въ формѣ, всѣ же остальные совѣтскіе дипломаты въ торжественныхъ случаяхъ надѣвали, какъ положено, фраки). Такъ какъ одной изъ опоръ Коппа былъ секретарь посольства Аустринъ, то противъ него былъ устроенъ настоящій заговоръ, и, когда онъ мирно диктовалъ очередной докладъ машинисткѣ въ своемъ кабинетѣ, къ нему ворвался вдругъ Сверчевскій, въ сопровожденіи одного изъ сотрудниковъ посольства, жениха машинистки, ревновавшаго ее къ Аустрину ,и поднялъ скандалъ съ обвиненіемъ Аустрина въ томъ, что онъ диктовалъ машинисткѣ на черезчуръ близкомъ разстояніи отъ ея плеча, и что это есть «злостное использовываніе служебнаго положенія въ половыхъ

цѣляхъ»... Въ такой обстановкѣ вопросъ былъ вынесенъ на общее собраніе ячейки и дебатировался въ продолженіи нѣсколькихъ дней, причемъ ячейка вынесла компромиссную резолюцію: «Признавая фактъ черезчуръ близкаго нахожденія т. Аустрина отъ машинистки во время диктованія доклада, считать недоказаннымъ, что это произошло на почвѣ использовыванія имъ своего служебнаго положенія». Если принять во вниманіе, что Аустринъ былъ женатъ, а машинистка, очень милая и порядочная дѣвушка, собиралась выходить замужъ, легко себѣ представить, съ какимъ остервененіемъ обсуждали эту резолюцію кумушки изъ полпредства и торгпредства. Что же касается Сверчевскаго, онъ не удовлетворился рѣшеніемъ ячейки и послалъ объ этомъ дѣлѣ спеціальный пространный докладъ Трилиссеру, настаивая на преданіи Аустрина суду.

Одновременно съ «тыловыми» атаками на Коппа, Янель началъ противъ него и «лобовую» атаку, обвиняя его въ «невѣріи» (это слово тогда только начало входить въ моду) въ китайскую революцію, въ переоцѣнкѣ Чжанъ-Цзо-Лина, въ недооцѣнкѣ роли гоминдана и т. д. Эти обвиненія также разбирались въ ячейкѣ, одновременно съ вопросомъ объ «использовываніи служебнаго положенія въ половыхъ цѣляхъ», заносились въ общія резолюціи, и все это рагу изъ гоминдана, приправленное сексуальными преслѣдованіями Сверчевскаго, отправлялось въ Москву, въ центральный комитетъ коммунистической партіи. Тамъ приняли соломоново рѣшеніе — убрать Янеля, а заодно и Коппа...

Естественно, что я засталъ Коппа въ подавленномъ настроеніи. Возня съ Янелемъ, расхожденія съ политбю-

ро, ссора съ Караханомъ и опала, которой онъ подвергся, не могли не произвести на него тягостнаго впечатлѣнія. Онъ готовился къ отъѣзду, передавая мнѣ дѣла на ходу. Онъ ввелъ меня съ исчерпывающей полнотой въ курсъ реальныхъ совѣтско-японскихъ отношеній, дополнивъ и расширивъ общія указанія Чичерина, а заодно подвергнувъ ихъ и всю нашу дальневосточную политику уничтожающей критикѣ.

— Наша основная линія на Дальнемъ Востокѣ, — сказалъ мнѣ Коппъ, — сводится сейчасъ къ тому, чтобы всякими средствами раздувать китайскую революцію, радикализируя ее до возможнаго максимума, и выбивая англичанъ изъ Китая, съ созданіемъ прямой угрозы Индіи. При этомъ забываютъ, что Китай не созрѣлъ даже до радикальныхъ формъ буржуазной демократіи, а говорятъ уже о поднимающихся требованіяхъ совѣтизаціи китайской революціи. Забываютъ и о томъ, что стихійное движеніе китайскихъ массъ на опредѣленной стадіи угрожаетъ не только англійскимъ, но и японскимъ, американскимъ и другимъ интересамъ. Японцы будутъ стараться, конечно, возможно искуснѣе маскировать свою интервенцію, въ случаѣ если такая произойдетъ; они, конечно, будутъ тянуть, и едва ли пойдутъ на совмѣстную интервенцію съ англичанами, но будутъ защищать до конца свои интересы въ центральномъ Китаѣ и ни въ коемъ случаѣ не допустятъ проникновенія революціоннаго движенія сѣвернѣе Великой Китайской стѣны.

— Они въ Москвѣ (говоря о политбюро, Коппъ все время пользовался словомъ «они») больше всего боятся англо-японскаго соглашенія о Китаѣ. Страхи напрасны. Послѣ разрыва англо-японскаго союза въ 1922-мъ году

и начала постройки Сингапурской базы, англичанъ ненавидятъ въ Японіи. Здѣсь были въ восторгѣ, когда событія въ Кантонѣ подорвали хозяйственную мощь Гонконга. И даже въ настоящій моментъ, когда движеніе перебросилось въ центральный Китай, гдѣ японцы имѣютъ большіе интересы, въ Токіо отнюдь не расположены поддерживать англичанъ какими либо **совмѣстными** выступленіями. Японія черезчуръ бѣдна, и не уступитъ, поэтому, ни одной іены изъ вложенныхъ ею въ Китаѣ капиталовъ. Она будетъ защищать свои концессіи до конца, но фактъ вытѣсненія англичанъ изъ центральнаго Китая могъ бы быть только пріятнымъ Токіо, такъ какъ японцы могли бы автоматически подхватить потерянныя англичанами позиціи. Другое дѣло, если они вздумаютъ всерьезъ совѣтизировать Китай. Съ этимъ Токіо примириться никакъ не можетъ, ибо совѣтизированный Китай означалъ бы смертельную угрозу для Японіи и перспективу потери ею манчжурскихъ и шаньдунскихъ позицій. Въ такой постановкѣ вопроса они, конечно, заставятъ японцевъ дѣйствовать энергично, ибо одно дѣло пріемлемая для Японіи любая форма буржуазной государственной власти въ Китаѣ, даже самая крайняя лѣвая форма этой власти, и совсѣмъ иное дѣло — совѣтизація Китая, т. е., будемъ говорить прямо, анархія, распадъ Китая, всеобщая рѣзня и невозможность вести съ Китаемъ какую бы то ни было торговлю. Я думаю, что и въ этомъ случаѣ Токіо будетъ дѣйствовать независимо отъ англичанъ, такъ велико здѣсь озлобленіе и за разрывъ англо-японскаго союза, и за англо-американскую кампанію противъ японскаго водворенія въ Шаньдунѣ. Но я считаю, что главная опасность не въ этомъ. Совѣтизація Китая лопнетъ безъ всякой

интервенціи иностранныхъ державъ. Однако, пекинское правительство будетъ долго помнить наше участіе въ этой совѣтизаціи. Что вы думаете, это секретъ: посылка нами десятковъ милліоновъ рублей и оружія въ Китай? Или поддержка нами явнаго прохвоста Фынъ-Ю-Сяна? Или злополучная авантюра съ Го-Сунъ-Линомъ? Караханъ кричитъ на весь Пекинъ, что иностранцевъ надо выгнать изъ Шанхая, ибо шанхайская концессія была дана китайцами «подъ штыками и пушками имперіалистовъ». А какъ же тогда быть съ нашимъ хозяйничаньемъ на КВжд?.. Что, китайцы пустили Россію въ Манчжурію изъ любви къ Витте?.. Правда, этотъ оселъ, Караханъ, когда Максимъ Максимовичъ (Литвиновъ) привелъ ему этотъ аргументъ, возразилъ, что на КВжд Россія попала не подъ давленіемъ штыковъ, а благодаря взяткѣ, данной Ли-Хунъ-Чану, но вѣдь это годится для младенцевъ и кавказскихъ ишаковъ. Развѣ, основывая свою концессію въ Китаѣ, Англія не платила взятокъ всякимъ мандаринамъ, вродѣ Ли-Хунъ-Чана? Да что тамъ КВжд, а захватъ Муравьевымъ-Амурскимъ китайскихъ земель во второй половинѣ XIX вѣка, задолго послѣ образованія первыхъ англійскихъ концессій въ Китаѣ? Что, это лучше «шанхайской грабиловки», какъ принято теперь выражаться въ политбюро. А предложите-ка имъ отдать Китаю назадъ то, что захватилъ Муравьевъ, что они запоютъ? Они думаютъ, что китайцы малолѣтнія дѣти и ничего не понимаютъ, что имъ можно безъ конца морочить голову всякими глупыми баснями. Это попросту, въ лучшемъ случаѣ, наивность Карахана, и кое-что похуже со стороны Бородина. Я не удивлюсь, если когда-либо выяснится, что Бородинъ былъ агентомъ-провокаторомъ. Та полити-

ка, которую онъ проводитъ въ Китаѣ и подъ которой они торопятся ставить свою подпись, объективно представляетъ собой чистѣйшую провокацію. А, можетъ быть, эта политика и субъективно провокаціонная. Но, во всякомъ случаѣ, въ Китаѣ насъ начинаютъ ненавидѣть. Сюда пріѣзжалъ Пауль Шефферъ, который разсказывалъ мнѣ много интереснаго, какъ мѣняются отношенія къ намъ въ китайскихъ кругахъ, и не только въ реакціонныхъ, но и въ передовыхъ. Китайцы не хотятъ быть кроликами для опытовъ Бородина и коминтерна. Здѣшній китайскій посланникъ какъ-то сказалъ мнѣ, что Китай имѣлъ уже совѣтскую систему въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. и что въ результатѣ столѣтняго совѣтскаго управленія въ Китаѣ тамъ вымерло отъ голода 90% населенія. Посланникъ добавилъ при этомъ, что Россія можетъ, конечно, если она того желаетъ, продѣлать полностью аналогичный опытъ, но что Китай вторичнаго опыта продѣлывать не станетъ...

Коппъ познакомилъ меня съ нѣсколькими иностранными дипломатами, въ томъ числѣ съ деканомъ дипломатическаго корпуса, германскимъ посломъ Зольфомъ, и съ руководителями японскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Зольфъ отнесся ко мнѣ съ теплымъ вниманіемъ, и мнѣ зачастую впослѣдствіи приходилось обращаться и къ нему, и къ его совѣтнику, фонъ-Борху, теперешнему германскому посланнику въ Китаѣ, съ просьбами о совѣтахъ и указаніяхъ. Въ трудной и незнакомой мнѣ обстановкѣ Зольфъ и фонъ-Борхъ оказали мнѣ не разъ дружескую помощь, и я сохранилъ о нихъ самыя лучшія воспоминанія. Фонъ-Борхъ, прослуживши въ Китаѣ много лѣтъ въ качествѣ германскаго консула въ разныхъ

городахъ, прекрасно разбирался въ китайской обстановкѣ. Онъ зналъ всѣхъ видныхъ китайскихъ генераловъ, со всѣми ихъ слабостями, зналъ линіи интересовъ Китая и главнѣйшихъ державъ, степень ихъ экономической и политической заинтересованности, и бесѣды съ нимъ, часто продолжавшіяся два-три часа, представляли для меня глубокій интересъ.

Изъ другихъ иностранныхъ дипломатовъ я познакомился близко съ итальянскимъ посломъ, графомъ дела Торре-ди-Лаванья, и его совѣтникомъ, барономъ Джовании-ди-Джіура, съ датскимъ посланникомъ, Кауфманомъ, съ польскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, маіоромъ Іенджеевичемъ, съ норвежскимъ посланникомъ, Гренвельдомъ, и рядомъ другихъ дипломатовъ. Дипломатическая колонія въ Токіо жила своей замкнутой жизнью, занимаясь, главнымъ образомъ, спортомъ, и мало интересуясь политикой. На лѣто всѣ посольства оставляли Токіо, выѣзжая въ горную мѣстность Куруизаву, гдѣ можно было отдохнуть отъ невыносимой жары и духоты, и лѣтомъ 1926-го года, въ самый разгаръ китайскихъ событій, только два посольства полностью оставались въ Токіо, слѣдя за обстановкой — совѣтское и англійское. Всѣ остальные выѣхали за нѣсколько сотъ километровъ отъ Токіо и спокойно играли въ теннисъ или устраивали гонки на парусныхъ яхтахъ.

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ я близко познакомился и сразу же подружился съ вице-министромъ, Кацуджи Дебучи, нынѣ японскимъ посломъ въ Вашингтонѣ. Г. Дебучи, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ блестящихъ японскихъ дипломатовъ. Прекрасно образованный, владѣющій въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ, хорошо

знающій Европу, Америку и Китай, онъ представляетъ собой законченный типъ японскаго дипломата, съ широкимъ умомъ и разностороннимъ опытомъ. Не скрою, что я находился подъ сильнымъ вліяніемъ ума, эрудиціи и таланта г. Дебучи, и мнѣ зачастую было чрезвычайно трудно не соглашаться съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ которыхъ, вслѣдствіе инструкцій Наркоминдѣла, мнѣ приходилось вести съ нимъ дискуссію. Сила логическихъ выводовъ г. Дебучи была, поистинѣ, изумительна, и я иногда былъ буквально восхищенъ яркимъ блескомъ его аргументаціи. Со своей стороны, г. Дебучи, вѣроятно, питалъ ко мнѣ чувства личной симпатіи, и мы встрѣчались съ нимъ довольно часто въ японскихъ ресторанахъ, гдѣ, одновременно съ изученіемъ тайнъ японской гастрономіи, я имѣлъ случай выслушивать объясненія г. Дебучи по цѣлому ряду вопросовъ японской международной политики. Благодаря этимъ бесѣдамъ, я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасно оріентировался въ японскихъ дѣлахъ и иногда приводилъ этимъ въ изумленіе доктора Зольфа, пробывшаго въ Японіи около семи лѣтъ. Конечно, г. Дебучи невольно нѣсколько подчинялъ меня своему пониманію въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, но все же я не могъ не быть ему благодарнымъ за то вниманіе, которое онъ удѣлялъ мнѣ, несмотря на свою перегруженность дѣлами...

Въ іюнѣ 1926-го года Коппъ уѣхалъ изъ Токіо въ Москву, и я остался повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Приходилось въ срочномъ порядкѣ входить въ работу. На очереди стоялъ рядъ большихъ и малыхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не терпѣло никакого отлагательства.

Руководящій персоналъ полпредства стоялъ, без-

спорно, на высотѣ требованій. Оба первыхъ секретаря, Кузнецовъ и Астаховъ, прекрасно знали Японію, говорили по-японски и по-англійски, имѣли обширныя знакомства въ Токіо. Два вторыхъ секретаря, Вольфъ и Аустринъ, были прекрасными канцелярскими работниками, съ чисто европейской дисциплинированностью, отчетливостью въ работѣ и прямо нѣмецкой аккуратностью. Вопросами этикета и протокола вѣдалъ атташе посольства, Левитъ, съ совершенно непонятной для меня настойчивостью изучавшій эти безконечно скучные вопросы. И, наконецъ, какъ увѣнчаніе верхушки посольства, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи драгомана, профессора Спальвина, одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ японскаго языка, литературы и обычаевъ страны. Профессоръ Спальвинъ былъ женатъ на симпатичной японкѣ, вдовѣ, первый мужъ которой былъ заколотъ кинжаломъ на улицѣ Токіо, послѣ русско-японской войны, такъ какъ его почему-то обвиняли въ японской прессѣ въ подозрительномъ знакомствѣ съ тогдашнимъ русскимъ военнымъ атташе въ Токіо.

Основнымъ работникомъ посольской верхушки былъ первый секретарь, Кузнецовъ, происходившій, кажется, изъ духовнаго званія. Это былъ бывшій студентъ-технологъ, попавшій впервые въ Японію во время міровой войны въ качествѣ пріемщика снарядовъ. Въ 1918-мъ году Кузнецовъ вступилъ въ коммунистическую партію и, благодаря прекрасному знанію Дальняго Востока, былъ направленъ на работу въ Наркоминдѣлъ во восточному отдѣлу. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ переговорахъ съ японцами въ Чаньчунѣ и Дайренѣ, работалъ въ качествѣ перваго секретаря въ Пекинѣ, подписалъ съ Чжанъ-Цзо-Линомъ соглашеніе о КВжд, такъ называемый Мукденскій

протоколъ 1924 года, и былъ генеральнымъ консуломъ въ Мукденѣ. Кузнецовъ прекрасно подходилъ для работы на Дальнемъ Востокѣ: всегда выдержанный, корректный, внимательный, говорящій по-китайски и по-японски, онъ умѣлъ находить дорогу ко взаимному пониманію. Мнѣ разсказывали, что одно время Чжанъ-Цзо-Линъ былъ буквально влюбленъ въ Кузнецова и предлагалъ ему оставить совѣтскую службу и перейти на службу мукденскаго правительства.

Первый секретарь, Астаховъ, происходилъ также изъ духовнаго званія, будучи родомъ изъ Донской области. Это былъ чрезвычайно нервный человѣкъ, временами стоявшій на грани нормальности. Онъ очень интересовался Японіей, изучилъ японскій языкъ, хорошо зналъ внутреннюю японскую жизнь. Въ своихъ взглядахъ на совѣтскую дальневосточную политику Астаховъ, какъ, впрочемъ, и Кузнецовъ, полностью раздѣлялъ линію Коппа и не стѣсняясь критиковалъ Карахана и политбюро.

Ознакомившись съ работой персонала полпредства, я рѣшилъ, что очередной задачей является удаленіе Сверчевскаго. Этотъ дуракъ не могъ, конечно, помѣшать мнѣ вести ту линію въ работѣ посольства, которую я найду правильной, такъ какъ при своей глупости и политической безграмотности, онъ не былъ даже способенъ понять линію посольства. Но онъ чрезвычайно терроризировалъ всѣхъ сотрудниковъ посольства своими доносами и выступленіями въ ячейкѣ и на общихъ собраніяхъ, внося деморализацію и склоку, начавшую, было, утихать послѣ отъѣзда военнаго атташе Янеля. Вдобавокъ, онъ повторялъ янелевскія словечки объ «оппортунизмѣ» и ликвидаторствѣ токійскаго полпредства въ китайскомъ во-

просѣ», называлъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, Кузнецова и Астахова «поповскимъ отродьемъ» (какъ бывшій псаломщикъ, онъ питалъ, вѣроятно, къ священникамъ своего рода профессіональную антипатію), а, главное, явно пытался создать блокъ съ эмиссаромъ, торгпредомъ Янсономъ. Между тѣмъ, мнѣ было ясно, что для веденія **своей** линіи въ работѣ надо создать обстановку полной сплоченности въ посольствѣ. Кузнецовъ посвятилъ меня въ хитрую механику внутренней дипломатіи. Онъ разсказалъ, что когда Коппу во время Го-Сунъ-Линскаго возстанія было предложено Москвой произвести зондажъ въ Токіо для выясненія, какъ отнесутся японцы къ появленію красной арміи на КВжд, Коппъ вызвалъ къ себѣ его, Кузнецова, и сказалъ, что никакого серьезнаго зондажа онъ производить не будетъ, а дастъ въ Москву отвѣтъ о результатѣ зондажа, составивъ этотъ отвѣтъ такимъ образомъ, чтобы «напугать **ихъ** и удержать отъ безсмысленной авантюры». И, дѣйствительно, Коппъ сообщилъ въ Москву, что появленіе совѣтскихъ войскъ въ районѣ КВжд будетъ сочтено японцами за casus belli, въ то время, какъ зондажъ Кузнецова выяснилъ, что японцы будутъ считать за casus belli лишь появленіе красной арміи въ районѣ южнаго участка КВжд, и что они отнесутся совершенно спокойно къ появленію совѣтскихъ войскъ въ другихъ пунктахъ совѣтской Манчжуріи. Я прекрасно понималъ, что мнѣ, подобно Коппу, придется не разъ обманывать «ихъ», чтобы имѣть возможность избѣжать повторенія безобразовскихъ авантюръ въ Манчжуріи. Присутствіе Сверчевскаго съ его секретными агентами среди сотрудниковъ посольства могло стѣснить меня; пришлось использовать нѣкоторыя слабости Сверчевскаго и сооб-

щить о нихъ въ Москву, потребовавъ его удаленія. Въ этомъ мнѣ помогъ новый военный атташе, бывшій поручикъ Сѣрышевъ, и вскорѣ Сверчевскій, не пользовавшійся большимъ авторитетомъ и въ своемъ собственномъ вѣдомствѣ, былъ срочно отозванъ въ Москву и отправленъ «для борьбы съ контрабандой». Пріѣхавъ въ Москву, онъ, конечно, написалъ на меня длиннѣйшій доносъ въ центральную контрольную комиссію. Я пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить объ этомъ доносѣ «Верховному Суду». Быть можетъ, онъ пригодится для одного изъ заочныхъ «показательныхъ» процессовъ надо мной.

Вслѣдъ за Сверчевскимъ, пришла очередь Янсона. Янсонъ питалъ ко мнѣ глубочайшую ненависть, вызванную кровной обидой, что я, а не онъ, былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Впрочемъ, Янсонъ имѣлъ объективныя причины быть недовольнымъ. Онъ былъ старымъ коммунистомъ, бывшимъ политическимъ каторжаниномъ (на Карѣ), еще въ 1918-мъ году работалъ въ Наркоминдѣлѣ; былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ опереточной дальневосточной республики, въ качествѣ предсѣдателя совѣтской делегаціи подписалъ торговый договоръ съ Италіей и договоръ, возстановившій отношенія между Италіей и СССР. Естественно, что Янсонъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что я буду играть роль руководителя совѣтской политики въ Японіи, а онъ останется на роли торгпреда и эмиссара коминтерна. Янсонъ избралъ очень остроумный методъ борьбы со мной. Его жена, секретарь ячейки, поручала мнѣ, въ принудительномъ порядкѣ, выступать докладчикомъ на собраніяхъ ячейки. Одновременно она назначала, какъ правило, Янсона содокладчикомъ, и Янсонъ регулярно яростно кри-

тиковалъ мои доклады, изобличая меня въ «невѣріи и эсеровскихъ бредняхъ» и т. п. грѣхахъ. Сначала эта исторія меня просто смѣшила, но вскорѣ я рѣшилъ положить ей конецъ, такъ какъ по посольству уже ползли смутные слухи о «разногласіяхъ между полпредомъ и торгпредомъ», а досужіе дамскіе язычки болтали разный вздоръ, что разногласія, молъ, идутъ по линіи «женскаго вопроса», обвиняя меня въ излишнихъ симпатіяхъ къ секретарю ячейки, м-мъ Янсонъ, очень красивой, но совершенно несносной 27-лѣтней особѣ, изъ неудавшихся епархіалокъ. М-мъ Янсонъ обладала всѣми манерами ломовыхъ извозчиковъ, вплоть до виртуозной брани, которую она уже начинала, пока заочно, отпускать по моему адресу, сопровождая ее эпитетами, вродѣ «сволочной мальчишка», «выскочка», «наркоминдѣловскій щенокъ». Вскорѣ представился случай избавиться отъ Янсона. На фабрикѣ музыкальныхъ инструментовъ въ Хамамацу нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ продолжалась забастовка Я зналъ, что Янсонъ финансируетъ забастовку черезъ лѣвые профессіональные союзы, хотя онъ считалъ нужнымъ отрицать это въ разговорахъ со мной. Какъ-то одинъ изъ сотрудниковъ торгпредства сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ изъ кабинета Янсона, послѣ окончанія занятій, быстро вышелъ одинъ изъ лидеровъ Хіо-Ги-Кая. Въ тотъ же самый день бухгалтерія торгпредства отмѣтила выдачу Янсону десяти тысячъ долларовъ. Не прошло двухъ-трехъ дней, какъ въ японской прессѣ появились сообщенія о финансированіи забастовки въ Хамамацу совѣтскимъ торгпредствомъ. Называли суммы, весьма близкія къ тѣмъ, которыя были дѣйствительно израсходованы Янсономъ на забастовку.

Я потребовалъ отъ Москвы отзыва Янсона, указывая на его полное неумѣніе вести конспиративно работу. Заодно я обратилъ вниманіе на то, что въ японской обстановкѣ малѣйшая неосторожность въ работѣ эмиссара коминтерна или представителя ГПУ можетъ вызвать большой политическій скандалъ, вплоть до разрыва отношеній. Въ связи съ этимъ я предлагалъ вообще не назначать больше эмиссара коминтерна въ Токіо.

Изъ Москвы пришелъ отвѣтъ, что они согласны съ моими предложеніями. Янсонъ будетъ отозванъ, а руководство японской коммунистической партіей перейдетъ къ эмиссару коминтерна и профинтерна въ Шанхаѣ, Войтинскому, что совершенно гарантируетъ полпредство въ Токіо отъ провала и отъ упрековъ въ руководствѣ изъ полпредства въ Токіо коммунистическимъ движеніемъ въ Японіи. Однако, агентура въ Сеулѣ останется въ «свернутомъ видѣ», такъ какъ «по ходу развитія китайской революціи можетъ оказаться необходимымъ поставить въ порядокъ дня возстаніе корейскихъ рабочихъ и крестьянскихъ массъ». Мнѣ сообщали, что работа ГПУ въ Японіи будетъ направляться изъ Харбина тамошнимъ резидентомъ ГПУ и что должность резидента ГПУ при посольствѣ въ Токіо временно уничтожается.

Янсонъ вскорѣ уѣхалъ изъ Токіо, также, какъ и Сверчевскій.

Однако, до отъѣзда Сверчевскаго, мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ дѣломъ, которое онъ велъ. Сверчевскій заявилъ мнѣ, что ему удалось вступить въ контактъ съ атаманомъ Семеновымъ, черезъ одного изъ адъютантовъ Семенова. Этотъ адъютантъ явился къ Сверчевскому и заявилъ, что атаманъ Семеновъ склоненъ начать

тайные переговоры съ совѣтскимъ правительствомъ о возвращеніи въ СССР. Но онъ, Семеновъ, не хочетъ возвратиться просто, какъ амнистированный преступникъ. Онъ желаетъ возвратиться, какъ герой. Поэтому онъ предлагаетъ слѣдующія условія: 1) по возвращеніи, онъ получитъ командованіе крупной войсковой единицей (дивизія, корпусъ), 2) пока что, ему будетъ выдано 25.000 долларовъ, 3) на эту сумму онъ организуетъ отрядъ изъ бывшихъ офицеровъ, поступитъ съ ними на службу къ Чжанъ-Цзо-Лину, или къ Чжанъ-Цзунъ-Чану, или Сунъ-Чуанъ-Фану и, въ соотвѣтствующій моментъ, перейдетъ на сторону Гоминьцзюна (народной арміи).

Сверчевскій разсказывалъ мнѣ съ восторгомъ объ этихъ «переговорахъ». Онъ считалъ, что дѣлаетъ міровое дѣло, перетягивая Семенова на совѣтскую сторону. Мнѣ эта исторія очень не понравилась. Прежде всего, было трудно, почти невозможно, установить личное отношеніе Семенова къ «переговорамъ». Сначала Сверчевскій утверждалъ, что къ нему въ посольство является адъютантъ Семенова. Затѣмъ онъ сообщилъ, что видѣлся также лично и съ Семеновымъ. Добиться отъ него толку было почти невозможно. Между тѣмъ, изъ японскихъ круговъ до меня стали доходить свѣдѣнія, что семеновское окруженіе пускаетъ слухи среди японскихъ промышленниковъ и торговцевъ, что вскорѣ предстоитъ сближеніе Семенова съ совѣтскимъ правительствомъ, и что Семеновъ сможетъ тогда, благодаря своему вліянію, выхлопотать богатѣйшія концессіи для японскихъ предпринимателей на совѣтской территоріи. Пока же, подъ эти концессіи, семеновскіе адъютанты получаютъ авансы у легковѣрныхъ японцевъ, до сихъ поръ не разбирающихся въ слож-

ной для нихъ обстановкѣ политической борьбы на русскомъ Дальнемъ Востокѣ.

Я понялъ, что игра Сверчевскаго съ Семеновымъ, въ которой обѣ стороны, несомнѣнно, пытаются надуть другъ друга, можетъ закончиться скандальнымъ судебнымъ процессомъ, въ которомъ полпредство будетъ запутано чуть ли не въ качествѣ соучастника въ явно мошенническихъ сдѣлкахъ съ несуществующими концессіями. Поэтому я предложилъ Сверчевскому немедленно прекратить «переговоры» съ семеновскимъ адъютантомъ. Сверчевскій былъ крайне раздраженъ моимъ приказомъ, но я настоялъ на немъ въ самой категорической формѣ, заявивъ, что всю «матеріальную отвѣтственность» за возможные иски обманутыхъ японцевъ я возлагаю на него, Сверчевскаго. Курьезно, что эта матеріальная отвѣтственность, очевидно, какъ непонятное слово, больше всего напугало Сверчевскаго, все имущество котораго состояло изъ копны густыхъ волосъ и пары поношенныхъ брюкъ. «Переговоры» Сверчевскаго съ Семеновымъ были прекращены. . .

Послѣ отъѣзда Коппа, я открылъ несгораемый шкафъ въ посольскомъ кабинетѣ и нашелъ забытое Коппомъ досье, съ копіей личной телеграммы Сталина и частной перепиской Коппа съ Литвиновымъ. Досье было небольшое, но, прочитавъ его, я лишній разъ ужаснулся отъ той картины внутренней борьбы въ наркоминдѣлѣ, которую я нашелъ въ этой перепискѣ.

Прежде всего, телеграмма Сталина Коппу. Я прочелъ ее нѣсколько разъ и содержаніе, буквально, врѣзалось въ мою память. Она гласила слѣдующее: «Товарищу Коппу отъ Сталина. До меня дошли свѣдѣнія, что вы въ самыхъ

рѣзкихъ выраженіяхъ отзываетесь о Караханѣ и о проводимой имъ политикѣ въ Китаѣ. Вы не стѣсняетесь называть эту политику авантюризмомъ, а самого Карахана авантюристомъ и проходимцемъ. Имѣйте въ виду, что Караханъ проводитъ въ Китаѣ не свою личную политику, а выполняетъ директивы политбюро. Впрочемъ, намъ извѣстно, что вы находитесь въ скверныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Караханомъ, но мы предупреждаемъ васъ, что продолженіе попытокъ сводить личные счеты съ Караханомъ на вопросахъ первостепенной государственной важности вызоветъ примѣненіе къ вамъ самыхъ суровыхъ мѣръ». Кромѣ этой телеграммы, я нашелъ четыре письма изъ переписки Литвинова съ Коппомъ. Письма были написаны отъ руки, такъ какъ оба друга имѣли всѣ основанія не довѣрять своимъ секретнымъ машинисткамъ.

Копія чрезвычайно длиннаго письма Коппа къ Литвинову имѣла для меня колоссальный интересъ, такъ какъ полностью освѣщала позицію Коппа въ китайскомъ вопросѣ и въ японо-совѣтскихъ дѣлахъ. Это письмо обнаруживало въ Коппѣ умнаго политика, съ хорошо развитымъ чувствомъ реальности, въ противовѣсъ тѣмъ фантастически преступнымъ утопіямъ, которыя уже начинали, съ легкой руки Бородина, черезъ куцые мозги Сталина, доминировать въ нашей дальневосточной политикѣ.

«Вы хотите знать мое мнѣніе по совокупности вопросовъ нашей дальневосточной политики, — писалъ Коппъ Литвинову. — Вотъ оно: японо-совѣтскія отношенія являются производной двухъ функцій — размежеванія нашихъ интересовъ съ японскими въ Манчжуріи и Монголіи, и нашей политики въ собственномъ Китаѣ, т. е. къ югу отъ Шаньхай-Гуаня, отъ Великой стѣны. Въ пер-

вой области мы должны были установить passez-moi le mot — разграниченіе сферъ вліянія. Конечно, идіотики изъ «инстанціи» (напомню читателямъ, что словомъ «инстанція» принято обозначать политбюро) повѣсили бы меня за ... (здѣсь слѣдовало неудобоприводимое выраженіе), если бы я вздумалъ предложить имъ такую «имперіалистическую» формулу, но, по сути дѣла, умнѣе этого ничего не придумаешь. Вы, конечно, помните секретную русско-японскую конвенцію о Монголіи, подписанную, кажется, въ 1915 году, барономъ Мотоно. Тамъ шла рѣчь о разграниченіи по меридіану 116° 16'. Если бы мы могли, въ томъ или иномъ видѣ, придерживаться этой конвенціи, японцы были бы въ восторгѣ. Одновременно надо подписать тарифное соглашеніе между КВжд и ЮМжд (южно манчжурской желѣзной дорогой, принадлежавшей японцамъ по Портсмутскому договору) и прекратить пришибеевскія выходки Иванова и Карахана противъ Чжанъ-Цзо-Лина... Въ одномъ изъ докладовъ Карахана, копію котораго я недавно прочелъ, онъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ, именуетъ Чжанъ-Цзо-Лина «бывшимъ хунхузомъ». Точно мы-то большіе аристократы въ прошломъ. И откуда только берется у этого осла такая идіотская чванливость. Говоря о Чжанъ-Цзо-Линѣ, я невольно вспоминаю и выраженіе о немъ «Главнаго» (Сталина): Чжанъ-Цзо-Линъ — это китайскій «Колчакъ», поэтому мы враги съ нимъ. Какъ будто «Колчакъ» не есть діалектическое понятіе, въ своемъ антитезѣ предполагающее совѣтскую власть, которая пока все же въ Китаѣ еще не водворилась. Пусть называетъ Чжанъ-Цзо-Лина кѣмъ угодно — «Китайскимъ Калитой» и даже «Китайскимъ Толмачевымъ, внезапн[illegible]ившимся Николая Романова», но называть

его «китайскимъ Колчакомъ» это означаетъ, лишній разъ показать свое убожество и полную марксистскую безграмотность.

«Что касается нашей политики въ собственно Китаѣ, то здѣсь, съ японской точки зрѣнія, слѣдуетъ различать двѣ стороны (я оставлю въ сторонѣ Шаньдунъ, гдѣ японцы, со времени займовъ Нисихара, имѣютъ специфическіе интересы, нѣсколько напоминающіе ихъ манчжурскіе интересы) — нашу политику въ южномъ Китаѣ и нашу политику въ центральномъ Китаѣ. У насъ въ Москвѣ, очевидно, не имѣютъ никакаго представленія о японскихъ капиталахъ, вложенныхъ въ центральномъ Китаѣ. По моимъ приблизительнымъ подсчетамъ, они уже доходятъ до суммы въ полмилліарда іенъ. Вы понимаете, что на этой цифрѣ количество уже начинаетъ переходить въ качество и что соціально классовый характеръ японскихъ интересовъ въ центральномъ Китаѣ ставитъ передъ Японіей рядъ особыхъ требованій, перекрещивающихся съ основными линіями нашей политики. Въ отношеніи южнаго Китая японцы будутъ проявлять глубочайшее безразличіе: ихъ интересы въ немъ ничтожны. Мнѣ кажется, что здѣсь кантонское правительство могло бы использовать противъ англичанъ французскіе интересы. Индо-Китай является непосредственнымъ сосѣдомъ кантонскаго правительства и, мнѣ кажется, можно было бы заинтересовать Парижъ въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ Кантономъ. Помнится, Раковскому было поручено прозондировать въ этомъ духѣ французское правительство, но я не знаю, какіе результаты далъ этотъ зондажъ.

«Теперь перейдемъ къ китайскимъ дѣламъ внѣ «японскаго разрѣза». Я чувствую, что назрѣваетъ рѣзкій пе-

реломъ въ нашей тактикѣ, и очень боюсь, что этимъ переломомъ мы похоронимъ и свое вліяніе въ Китаѣ и перспективы китайской революціи. Еще Ильичъ установилъ, что національно-буржуазныя революціи на Востокѣ имѣютъ свои особые пути и что самымъ радикальнымъ путемъ является типъ, такъ называемой, «кемалистской революціи». Помните, когда турецкіе коммунисты вздумали углублять движеніе Кемаля, турецкая полиція топила ихъ въ мѣшкахъ въ Трапезундѣ. Кто-то въ политбюро вздумалъ ставить вопросъ о необходимости протеста передъ Кемалемъ по этому поводу. Ильичъ грубо оборвалъ его (кажется, это былъ Сталинъ). Теперь же здѣсь, въ Китаѣ, гдѣ экономика далеко позади турецкой, гдѣ пашутъ деревяннымъ плугомъ и ѣздятъ на доисторическихъ двухколесныхъ повозкахъ, они хотятъ углублять революцію, переводя ее на «соціалистическія рельсы». Это — Бедламъ, смѣшанный съ какими-то биржевыми расчетами Бородина. Я боюсь еще и другого: «соціалистическія рельсы» китайской революціи могутъ извратить и затруднить процессъ хозяйственнаго оздоровленія СССР. Не только потому, что передъ нами встаетъ угроза интервенціи, ибо англичане не изъ тѣхъ, кому можно безнаказанно отдавливать мозоли. Но еще и потому, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, переводить на «соціалистическія рельсы» китайскую революцію и оставить нашу собственную революцію на нэповскихъ рельсахъ. Чѣмъ мы хуже китайцевъ. У насъ, вѣдь, уже пашутъ сохой, а не деревяннымъ плугомъ.

«Надѣюсь скоро увидѣться съ вами лично, дорогой Максимъ Максимовичъ, и поговорить о многомъ, чего не напишешь даже диппочтой. Но иногда, когда я думаю, что

въ такой критическій моментъ во главѣ наркоминдѣла стоите не вы, а этотъ старый трусъ и сталинскій лизож. . . Г. В. (инициалы Чичерина), становится страшно за наше будущее. Думаю все же, что когда-нибудь это измѣнится, и тогда я буду однимъ изъ первыхъ, кто будетъ радъ работать въ качествѣ вашего помощника».

Кромѣ этого письма, я нашелъ **оригиналы** полученныхъ Коппомъ трехъ писемъ Литвинова. Одно письмо было посвящено спеціально Чичерину. Въ немъ Литвиновъ сообщалъ, что послѣ своего избранія въ центральный комитетъ коммунистической партіи, Чичеринъ сдѣлался еще трусливѣе на засѣданіяхъ политбюро, и не смѣетъ буквально пикнуть, боясь, что на слѣдующемъ партійномъ съѣздѣ его не выберутъ въ ЦК. Трусость Чичерина дошла до того, что, боясь послѣдствій карахановско-бородинской дѣятельности въ Китаѣ, но не смѣя, въ то же время, возражать политбюро, онъ притворился больнымъ, и свыше мѣсяца отлеживается на диванѣ своего кабинета, принимая въ такомъ видѣ иностранныхъ дипломатовъ.

Китайская же политика перешла цѣликомъ къ спеціальной комиссіи политбюро, подъ предсѣдательствомъ Уншлихта, котораго Литвиновъ называлъ въ своемъ письмѣ «тупоумнымъ фармацевтомъ». Литвиновъ высказывалъ самыя глубокія опасенія по поводу «уншлихтовской» политики. Онъ боялся, что эта политика приведетъ къ вооруженному столкновенію на Дальнемъ Востокѣ и къ краху совѣтской власти.

Второе письмо Литвинова было посвящено спеціально Карахану, «авантюристу» и «проходимцу», «бездарному журналисту» и «никчемному дипломату», «плева-

тельницѣ Бородина», «вѣрному лакею прихожей политбюро» и т. д. Литвиновъ писалъ Коппу, чтобы онъ всѣми силами старался повредить, черезъ Японію, карахановской «дипломатической распутинщинѣ», создавъ у японцевъ впечатлѣніе, что если они возьмутъ твердый тонъ въ своей прессѣ по поводу карахановской дѣятельности въ Пекинѣ, Москва уберетъ Карахана. Отъ себя Литвиновъ добавлялъ, что, въ случаѣ острой кампаніи японской прессы противъ Карахана, онъ беретъ на себя написать докладную записку въ политбюро по поводу нашего «донкихотскаго авантюризма» въ Китаѣ и угрозы войны съ Японіей, причемъ увѣренъ, что «они» въ этомъ случаѣ струсятъ, уберутъ Карахана (а заодно и Бородина).

Въ третьемъ письмѣ Литвиновъ хвалилъ Коппа за его дѣятельность, а заодно сообщалъ, что Коппу слѣдовало бы лично пріѣхать въ Москву, чтобы сдѣлать докладъ въ политбюро и напугать «ихъ». Онъ сообщалъ при этомъ, что хлопоты Коппа о назначеніи перваго секретаря посольства Кузнецова совѣтникомъ не увѣнчались успѣхомъ, но что ему пришлютъ совѣтникомъ т. Бесѣдовскаго, «одного изъ нашихъ молодыхъ и подающихъ надежды красныхъ дипломатовъ».

Чтеніе этихъ «частныхъ» писемъ Литвинова вызвало во мнѣ чувство глубочайшаго омерзенія. Я прекрасно зналъ о литвиновско-чичеринской склокѣ, меня самого уже успѣли записать въ одну изъ борющихся группъ. Но я все же не могъ предполагать, что склока зашла такъ далеко и что въ пылу драки жонглируютъ вопросами принципіальнаго характера въ угоду той или иной персональной комбинаціи внутри наркоминдѣла. Чувство стыда

охватило меня при мысли, что я работаю въ такомъ почтенномъ учрежденіи, съ такими нравами. Это чувство было настолько сильнымъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ я не сѣлъ въ поѣздъ и не уѣхалъ назадъ въ Москву. Зная Литвинова и его склонность къ интригамъ, я ни минуты не сомнѣвался, что въ своемъ стремленіи подсидѣть Карахана, онъ руководился лишь стремленіемъ свести старые личные счеты. Однако, сводя личные счеты, Литвиновъ, помимо своей воли, защищалъ ту линію нашей политики, которая представлялась мнѣ болѣе правильной, и. . . я бросилъ въ каминъ переписку Коппа съ Литвиновымъ. Если бы я былъ дѣйствительно карьеристомъ, какъ, по приказу Сталина, именовалъ меня жалкій клоунъ Катаньянъ, кривлявшійся на подмосткахъ сталинскаго балагана на Спиридоновской 30, называемаго верховнымъ судомъ, я могъ бы сдѣлать тогда, въ 1926-мъ году, блестящую карьеру, давъ этимъ письмамъ другое употребленіе, напримѣръ, пославъ ихъ въ подарокъ Уншлихту и «Главному». Они сумѣли бы оцѣнить по достоинству такой благородный жестъ, и Катаньянъ, прокуроръ при ГПУ, лучше кого-либо другого знаетъ, какъ оцѣнивались гораздо болѣе скромные жесты. Онъ знаетъ, какъ при его молчаливомъ одобреніи, Ягода выкрадывалъ архивы отвѣтственнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей совѣтскаго союза и передавалъ ихъ Сталину, какъ украли предсмертное письмо Іоффе, какъ перехватывали и передавали Сталину частную переписку Рыкова, Бухарина, и какъ . . . обокрали Крупскую, вытащивъ частныя письма Ленина. И, если бы я хоть на минуту сдѣлался карьеристомъ, я былъ бы теперь не эмигрантомъ въ изгнаніи, а кривлялся бы, вмѣстѣ съ Катаньяномъ, на подмосткахъ

сталинскаго балагана на Спиридоновской 30, или, вмѣстѣ съ Ягодой, занимался бы кражей писемъ изъ кармановъ неостывшихъ труповъ людей, передъ которыми еще вчера эта банда шакаловъ тряслась въ лихорадкѣ подхалимства и чиновничьей угодливости. . .

Между тѣмъ, надо было какъ можно скорѣе знакомиться съ работой, съ языкомъ, со страной. По совѣту профессора Спальвина, я поселился близъ Токіо, въ небольшомъ городкѣ Камакура, на берегу Тихаго океана. Я снялъ японскій домикъ съ бумажными стѣнами, разгуливалъ въ японскомъ костюмѣ, въ деревянныхъ туфляхъ «гэта». Ежедневно я зазубривалъ нѣсколько десятковъ іероглифовъ, такъ что черезъ пару мѣсяцевъ могъ свободно разбираться въ цѣломъ рядѣ надписей. Въ Японіи, какъ извѣстно, наряду съ іероглифами, существуютъ двѣ слоговыхъ азбуки — ката кана и хира гана. Газеты и серьезныя книги печатаются іероглифами. Дѣтская литература катаканой. Книги для женщинъ хираганой. Одолѣть чтеніе газетъ очень трудно: для этого надо знать нѣсколько тысячъ іероглифовъ. Однако, хроника въ газетахъ печатается параллельно іероглифами и хираганой, чтобы дать возможность читать этотъ отдѣлъ по возможности болѣе широкому кругу лицъ. Катакану и хирагану я одолѣлъ безъ особаго труда (каждая изъ нихъ имѣетъ нѣсколько десятковъ знаковъ, причемъ у хираганы эти знаки очень причудливы и съ трудомъ поддаются запоминанію. Недаромъ одинъ миссіонеръ назвалъ хирагану «письменами діавола»). Это дало мнѣ возможность коекакъ разбираться въ газетной хроникѣ и, вмѣстѣ съ сыномъ, читать сказки для дѣтей, сразу же поразившія меня богатствомъ фантазіи и многообразіемъ идей. Страна

производила на меня чарующее впечатлѣніе. Каждый разобранный мною іероглифъ доставлялъ мнѣ такое наслажденіе, какого я не зналъ ни до моего пріѣзда въ Японію, ни послѣ отъѣзда изъ нея. Порою меня охватывало странное чувство: мнѣ казалось, что я возвратился къ себѣ домой, послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ путешествія, и заново обучаюсь своему родному языку. Это было странное для меня чувство. Начавъ изучать японскій языкъ, я ловилъ себя на томъ, что, произнося японскія фразы, я не просто выражаю ту или иную мысль, а получаю глубокое наслажденіе отъ звуковъ, отъ комбинацій словъ. Это не было просто удовольствіе отъ изученія иностраннаго языка. Я владѣю нѣсколькими языками, которые давались мнѣ очень легко, но никакого удовольствія при ихъ изученіи я не получалъ. Японскія же фразы доставляли мнѣ такое удовольствіе, какое получаетъ человѣкъ, вспомнившій, наконецъ, забытое имъ слово. Благодаря этому, непонятному мнѣ и сейчасъ, явленію, изученіе мною японскаго языка шло съ такой быстротой, что нѣкоторые японцы впослѣдствіи подозрѣвали меня въ томъ, что я уже раньше, до пріѣзда въ Токіо, владѣлъ японскимъ языкомъ и только притворялся, что не зналъ его. . .

Городъ Камакура, въ которомъ я поселился, былъ когда-то, въ XII вѣкѣ, столицей Японіи. Отъ этого періода и отъ среднихъ вѣковъ въ немъ осталось много памятниковъ и храмовъ, среди нихъ, такъ называемый, Дай Бутсу, храмъ «Великаго Будды», помѣщающійся внутри гигантской статуи Будды. Часто бродилъ я среди обломковъ старины, иногда профессоръ Спальвинъ на ходу читалъ мнѣ свои, всегда блестящія, разъясненія-лекціи, и меня охватывало чувство все растущаго восхищенія пе-

редъ трудолюбіемъ японскаго народа, его способностями, его умѣніемъ устраивать свою жизнь на мельчайшемъ клочкѣ земли, на который не то, что куренка, а даже воробья, выгнать некуда. Это восхищеніе переходило въ прямое сочувствіе и симпатію, и когда мнѣ впослѣдствіи приходилось вести нудные переговоры о краболовныхъ или рыболовныхъ дѣлахъ, за пунктами рыболовныхъ конвенцій и временныхъ соглашеній я видѣлъ желтыя лица японскихъ крестьянъ, поѣдающихъ твердую, какъ камень, высушенную рыбу, отъ которой въ страхѣ шарахнулся бы въ сторону самый голодный оборванецъ съ Хитрова рынка. И я часто самовольно, отлично зная, что будетъ жесточайшій нагоняй изъ Москвы, уступалъ въ переговорахъ. . .

Иногда я мысленно прикидывалъ въ головѣ бюджетъ крестьянскаго хозяйства и рабочаго. Одежда 5 рублей въ годъ, обувь — 40-50 коп., отопленіе — ничего, жилище съ бумажными стѣнами — нѣсколько десятковъ рублей. Для меня становились ясными пути экономическаго роста этой непонятной страны — безъ своего сырья, безъ нефти, безъ угля, безъ желѣза, вышедшей на передовыя линіи міровой экономики. Я видѣлъ процессъ почти законченной электрофикаціи Японіи, настоящей электрофикаціи, безъ фокусъ-покусовъ Кржижановскаго. Часто гдѣ-нибудь на опушкѣ бамбуковой рощи я входилъ въ маленькую заброшенную деревню. Въ бумажномъ домикѣ я видѣлъ бронзово-смуглую полуголую фигуру сморщеннаго старика на колѣняхъ, методически отбивавшаго тактъ маленькимъ молоточкомъ. Онъ отгонялъ злыхъ духовъ такъ же, какъ это дѣлали его предки въ такомъ же домикѣ, въ той же деревнѣ тысячу лѣтъ тому назадъ,

какъ дѣлали, быть можетъ, его отдаленные предки на малайскихъ островахъ 3-5 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но надъ нимъ, надъ этимъ сморщеннымъ старикомъ, призракомъ временъ, когда греки шли осаждать Трою, — молочно-бѣлымъ свѣтомъ горѣла... электрическая лампочка...

Глава III

ТОКІО

(Продолженіе)

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Токіо произошли первыя недоразумѣнія съ Японіей на почвѣ краболовныхъ и рыболовныхъ дѣлъ. Эти недоразумѣнія сразу ввели меня въ курсъ «текущихъ» японо-совѣтскихъ треній. Краболовный промыселъ японскихъ предпринимателей въ дальневосточныхъ водахъ чрезвычайно выросъ за послѣдніе годы. Не довольствуясь береговой ловлей, японцы перешли къ глубинной ловлѣ сѣтями въ открытомъ морѣ. Уловъ крабовъ шелъ не только для внутренняго потребленія Японіи, но и въ значительной степени, въ консервированномъ видѣ, шелъ на лондонскій рынокъ, давая, сравнительно, большую валютную выручку, что представляло большой интересъ для Японіи, всегда чрезвычайной озабоченной равновѣсіемъ своего расчетнаго баланса. Однако, японскіе крабопромышленники не желали считаться съ 12-мильной полосой русскихъ территоріальныхъ водъ, заявляя, что совѣтская Россія, въ результатѣ

такъ называемаго «керзоновскаго ультиматума» 1923-го года, приняла требованіе англичанъ о 3-мильной зонѣ территоріальныхъ водъ и что, поэтому, японцы не желаютъ быть въ менѣе привиллегированномъ положеніи, чѣмъ англичане. Слѣдствіемъ этого разногласія явился фактъ появленія японскихъ краболовныхъ судовъ въ 12-мильной зонѣ.

Краевыя совѣтскія власти въ Хабаровскѣ чрезвычайно взбудоражились этимъ фактомъ. Предсѣдатель Хабаровскаго исполкома, Янъ Гамарникъ, засыпалъ меня шифрованными телеграммами (я имѣлъ шифръ съ Хабаровскомъ, Владивостокомъ, сѣвернымъ Сахалиномъ и Камчаткой, помимо шифра съ Москвой), требуя «энергично протестовать противъ открытаго разбоя японскихъ крабопромышленниковъ». Москва, въ свою очередь, требовала того же, настаивая на прямой угрозѣ захватомъ краболовныхъ судовъ. Я отлично понималъ, что такой «бумъ» не приведетъ къ цѣли, такъ какъ никакого флота въ нашихъ дальневосточныхъ водахъ не было, и достаточно было японцамъ послать пару миноносокъ для охраны своихъ краболововъ, чтобы всѣ угрозы Яна Гамарника превратились въ глупое помахиваніе картоннымъ мечемъ. Надо было дѣйствовать иначе. Дѣло въ томъ, что глубинная ловля крабовъ въ открытомъ морѣ больно задѣвала интересы японскихъ промышленниковъ, получившихъ для ловли крабовъ на концессіонныхъ началахъ береговые участки. Эта категорія японскихъ промышленниковъ была гораздо вліятельнѣе хищниковъ, ловившихъ крабовъ въ открытомъ морѣ, и я быстро нашелъ среди нихъ связи и, черезъ нихъ, началъ давить на японское правительство, добиваясь запрещенія глубинной ловли крабовъ. Но здѣсь

моя работа была грубо испорчена воинственнымъ Яномъ Гамарникомъ. Онъ снарядилъ два утлыхъ суденышка, поставилъ на нихъ нѣсколько малокалиберныхъ пушекъ, назвалъ ихъ громкимъ именемъ «канонерки берегового охраненія» и распорядился захватывать японскихъ краболововъ. Захваченныя суда приводились во Владивостокъ, гдѣ команду сажали въ тюрьму, а корабль объявляли конфискованнымъ. Послѣ первыхъ же случаевъ захвата японцы отправили въ наши воды миноносецъ, который захватилъ совѣтскія «канонерки», высадилъ ихъ команду на пустынный берегъ, а канонерки бросилъ въ открытомъ морѣ на произволъ судьбы. Вслѣдъ за миноносцемъ хлынула стая краболовныхъ судовъ, начавшихъ ловить крабовъ не только въ 12-мильной, но и въ 3-мильной полосѣ. Это привело Москву въ состояніе полной паники. Чичеринъ засыпалъ меня тревожными телеграммами, настаивая на немедленной уступкѣ японцамъ въ вопросѣ о территоріальныхъ водахъ, съ тѣмъ, что они немедленно уберутъ свой миноносецъ. Я невольно улыбался, читая эти паническія телеграммы. Слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ посылки «непобѣдимой Армады» Яна Гамарника къ полной капитуляціи Чичерина.

Не внявъ паническимъ директивамъ своего начальства, я избралъ компромиссное рѣшеніе. Я довелъ до свѣдѣнія Дебучи, что мы не можемъ измѣнить своей формальной точки зрѣнія въ вопросѣ о ширинѣ зоны территоріальныхъ водъ. Мы по прежнему придерживаемся формально 12-мильной зоны, но, принимая во вниманіе спеціальную заинтересованность Японіи въ крабной ловлѣ, органы морского надзора получатъ секретный циркуляръ не трогать японскихъ краболововъ внѣ 3-мильной

зоны. Я предупредилъ Дебучи, что этотъ циркуляръ будетъ **секретнымъ**, и что, если въ японской прессѣ появятся свѣдѣнія объ уступкѣ Москвы въ вопросѣ о зонѣ территоріальныхъ водъ, я буду категорически опровергать такія свѣдѣнія, какъ неправильныя, ибо мы въ этомъ вопросѣ формально не уступаемъ, а лишь допускаемъ **временное** изъятіе для японскихъ краболововъ. Дебучи былъ вполнѣ удовлетворенъ этой уступкой, и совѣтскія «канонерки» получили снова возможность крейсировать въ совѣтскихъ водахъ.

Вслѣдъ за рыболовными инцидентами начались инциденты со сдачей въ аренду рыбныхъ участковъ на совѣтскомъ берегу. Согласно разработаннымъ Дальрыбой (такъ назывался совѣтскій органъ надзора за рыбной ловлей) правиламъ, рыбные участки сдавались съ торговъ, причемъ торги происходили слѣдующимъ образомъ: передъ торгами Дальрыба устанавливала въ секретномъ засѣданіи цѣны на каждый участокъ. Соискатели — японскіе промышленники и совѣтскіе хозяйственные органы — подавали заявленія, указывая цѣны въ закрытыхъ конвертахъ. Эти конверты затѣмъ открывались во время торговъ, и тѣ соискатели, которые предложили цѣну, превышавшую обозначенную въ запечатанномъ конвертѣ Дальрыбы, получали въ свое распоряженіе участки. Первый же опытъ торговъ далъ крайне плачевные для японцевъ результаты. Совѣтскіе соискатели, какъ по наитію, предлагали цѣны, подходившія къ условіямъ секретнаго конверта Дальрыбы. Японцы начали протестовать, указывая, что порядокъ, при которомъ одно совѣтское государственное учрежденіе сдаетъ въ аренду участки другому, государственному же, учрежденію ставитъ япон-

скихъ промышленниковъ въ невыгодное положеніе. При этомъ японцы намекали на извѣстный для нихъ фактъ, что цѣны на участки назначаются на засѣданіи Хабаровскаго исполкома, и что на этомъ засѣданіи принимаютъ участіе не только представители Дальрыбы, но и представители тѣхъ хозяйственныхъ организацій, которыя выступаютъ потомъ въ качествѣ конкурентовъ японскихъ промышленниковъ на торгахъ. Въ этихъ условіяхъ странное совпаденіе предложеній совѣтскихъ соискателей съ цифрой, указанной въ секретномъ конвертѣ Дальрыбы, получало вполнѣ понятное разъясненіе. Пришлось уступить японскимъ претензіямъ и не допускать къ торгамъ совѣтскіе государственные хозяйственные органы. Со своей стороны, японцы согласились, чтобы въ распоряженіе этихъ органовъ было передано безъ торговъ 20% рыболовныхъ участковъ. Остальные 80% шли на торги съ участіемъ японскихъ промышленниковъ, съ одной стороны, и совѣтскихъ частныхъ гражданъ и кооперативныхъ организацій, съ другой. Однако, этотъ порядокъ вызывалъ постоянныя тренія, такъ какъ съ совѣтскими кооперативными организаціями повторялать та же исторія, что раньше съ государственными хозяйственными органами: ихъ предложенія непонятнымъ образомъ какъ разъ подходили къ условіямъ секретнаго конверта Дальрыбы. Весной и лѣтомъ 1926-го года, во время торговъ на селедочные участки, результатъ торговъ далъ плачевные для японцевъ послѣдствія: они не получили ни одного участка. Это было ужъ слишкомъ, и въ японской прессѣ началась самая неистовая кампанія съ требованіями къ правительству дѣйствовать силой. Я, съ своей стороны, требовалъ отъ Москвы положить предѣлъ мелкому жульничеству Яна Га-

марника. Словъ нѣтъ, положеніе совѣтскаго Дальняго Востока было тяжелымъ, но, поскольку были взяты опредѣленныя обязательства, ихъ надо было сдержать. Попытки же отыграться чисто жульническими пріемами только компрометировали въ Японіи, въ глазахъ самыхъ расположенныхъ къ сближенію съ Москвой круговъ, самую идею сближенія. Бороться съ этимъ мелкимъ жульничествомъ было не легко. Яна Гамарника поддерживалъ секретарь Дальневосточнаго комитета коммунистической партіи, Кубякъ, впослѣдствіи народный комиссаръ земледѣлія, всесильный ставленникъ Молотова. Гамарникъ съ Кубякомъ пытались оказывать на меня давленіе, пугая меня партійнымъ воздѣйствіемъ. Началась рѣзкая телеграфная переписка. Переписка шла шифромъ, и поэтому оставляла обѣимъ сторонамъ достаточно полную свободу въ выборѣ выраженій. Вскорѣ изъ Хабаровска посыпались доносы на меня въ Москву. Въ этихъ доносахъ меня обвиняли въ «недопустимой мягкости и въ нежеланіи бороться съ хищными требованіями японскихъ имперіалистовъ». Я, съ своей стороны, возражалъ, указывая, что принятыя на себя международныя обязательства надо выполнять, и что жульничество въ международныхъ отношеніяхъ недопустимо, тѣмъ болѣе, что жульничество проявляется въ копѣечныхъ вопросахъ селедочныхъ торговъ. Кубякъ, очевидно, рѣшилъ терроризировать меня по партійной линіи. Какъ-то я получилъ отъ него телеграмму съ требованіемъ получить визу для члена областной контрольной комиссіи, Ременникова, ѣдущаго, по его порученію, для обслѣдованія «партійной жизни въ токійской ячейкѣ и для чистки». Я отвѣтилъ Кубяку, что никакихъ визъ членамъ контрольной комиссіи доставать не буду,

такъ какъ прiѣздъ Ременникова дастъ поводъ японской прессѣ начать кампанiю противъ посольства: Ременниковъ былъ извѣстенъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ агентъ коминтерна. Одновременно я потребовалъ отъ Москвы, пославъ телеграмму лично Сталину, призвать Кубяка къ порядку, пригрозивъ своимъ отъѣздомъ, если меня будутъ нервировать. Въ это время я началъ вести разговоры съ Дебучи относительно пакта о ненападенiи, и Сталинъ, придававшiй этимъ разговорамъ очень большое политическое значенiе, категорически потребовалъ отъ Кубяка «не нервировать товарища Бесѣдовскаго, выполняющаго порученiя центральнаго комитета большой политической важности». Кубякъ оставилъ меня въ покоѣ.

Между тѣмъ и по сути дѣла я считалъ рыболовную политику хабаровскихъ властей совершенно неправильной. Какъ разъ въ этомъ пунктѣ я не видѣлъ никакого имперiализма со стороны Японiи. Населенiе страны ежегодно росло на 1 миллiонъ человѣкъ. Между тѣмъ база расширенiя пищевыхъ рессурсовъ почти отсутствовала. И въ то же время подъ бокомъ у Японiи лежали обширныя совѣтскiя воды, съ рѣдкимъ прибрежнымъ населенiемъ. Возможностей хозяйственно освоить рыбныя богатства этихъ водъ почти не было. Японцы предлагали чрезвычайно высокую арендную плату. Въ этихъ условiяхъ широкая разработка ими дальневосточныхъ рыбныхъ промысловъ могла бы стать основой быстраго хозяйственнаго роста края, являясь заодно также и основой широкаго хозяйственнаго сотрудничества съ Японiей. Но Янъ Гамарникъ съ Кубякомъ противились этому изъ узко-партiйныхъ соображенiй. Они писали въ Москву, что японскiе промышленники привозятъ съ собой деше-

вые японскіе товары, прорывая систему монополіи внѣшней торговли, и что появленіе этихъ товаровъ производитъ отрицательное политическое впечатлѣніе на крестьянъ, получающихъ товары втридорога отъ совѣтскихъ хозяйственныхъ организацій. Поэтому, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы всяческими путями тормазить проникновеніе японцевъ, хотя бы это и задерживало хозяйственный ростъ края. Въ такомъ стремленіи хабаровскія власти проявили много мелкой изобрѣтательности, не переставая, впрочемъ, встрѣчать съ моей стороны самое упорное сопротивленіе. Дѣло дошло въ 1927-мъ году до того, что Янъ Гамарникъ жаловался на партійной конференціи въ Хабаровскѣ на меня, будто я хочу «изъ Токіо генералъ-губернаторствовать надъ совѣтскимъ Дальнимъ Востокомъ». Поводомъ къ этой жалобѣ послужилъ слѣдующій фактъ. Во время торговъ на рыболовные участки у японцевъ отобрали одинъ изъ лучшихъ участковъ № 203, дававшій уловъ въ нѣсколько милліоновъ пудовъ прекрасной кеты. Японское Общество Ничиро Гіогіо Кабусини Кайся пожаловалось мнѣ. Я, не запрашивая Хабаровска, заявилъ японцамъ, что участокъ будетъ имъ отданъ назадъ, и тотчасъ же далъ телеграмму въ Москву и Хабаровскъ, сообщая, что мною дано такое обѣщаніе и что надо либо его сдержать, либо дезавуировать меня и отозвать въ Москву. Хабаровскъ пришелъ въ бѣшенство. Но Сталинъ распорядился сдержать мое обѣщаніе, заявивъ, что «нельзя дезавуировать Бесѣдовскаго въ моментъ, когда онъ ведетъ отвѣтственнѣйшіе переговоры, удерживающіе Японію отъ интервенціи въ Китаѣ». Японцы получили обратно участокъ № 203.

Часто вспыхивали инциденты съ японскимъ прави-

тельствомъ по поводу коммунистической пропаганды, которая велась среди японскихъ рабочихъ, пріѣзжавшихъ на сезонныя работы на рыбные промысла. Формально японцамъ трудно было протестовать: пропаганда шла на совѣтской территоріи. Но хабаровскія власти дѣлали все, чтобы возможно сильнѣе раздражать японское правительство. Японскихъ рабочихъ на промыслахъ буквально сгоняли въ клубы и тамъ заставляли выслушивать рѣчи корейцевъ-агитаторовъ коминтерна. У дверей клуба ставили агентовъ ГПУ съ револьверами и не выпускали рабочихъ до конца митинга. Если же кто-либо изъ рабочихъ, среди которыхъ иногда встрѣчались соціалисты, выступалъ съ возраженіями, его тутъ же арестовывали и, избивъ въ ГПУ, высылали въ Японію.

Передъ отъѣздомъ японскихъ рабочихъ домой, имъ раздавались кучи брошюръ и прокламацій, въ которыхъ, наряду съ японскимъ имперіализмомъ, послѣдними словами поносили такъ называемую Родо Содомей, соціалистическое объединеніе японскихъ профессіональныхъ союзовъ. . .

Заботясь о «воспитаніи» временно пріѣзжавшихъ на рыбные промыслы японскихъ рабочихъ, хабаровскія власти совершенно не заботились о томъ, чтобы обезпечить имъ сколько-нибудь сносныя условія жизни. Японскіе рабочіе, работавшіе на промыслахъ совѣтскихъ организацій, жили въ отвратительныхъ условіяхъ, въ грязныхъ и темныхъ баракахъ, спали на нарахъ, расположенныхъ въ три этажа. Среди нихъ то и дѣло вспыхивали эпидеміи, уносившія десятки жизней.

Въ 1927-мъ году на почвѣ безобразнаго отношенія совѣтскихъ хозяйственныхъ организацій къ японскимъ

рабочимъ разыгралась страшная катастрофа. Въ одномъ изъ бараковъ Дальгосрыбтреста, въ которомъ жили японскіе рабочіе, вспыхнулъ огонь. Рабочіе спали на нарахъ въ три этажа. Въ баракѣ **не было оконъ.** На весь баракъ была одна выходная дверь, шириною **въ аршинъ.** Въ результатѣ, **сгорѣло живьемъ** 175 японскихъ рабочихъ.

Я потребовалъ отъ Хабаровска разслѣдовать катастрофу, и, выяснивъ выновниковъ, устроить показательный процессъ. Но Кубякъ съ Гамарникомъ цинично отвѣтили, что «въ Японіи привыкли къ подобнымъ случаямъ, и намъ незачѣмъ создавать большой шумъ вокругъ этого дѣла. Лучше замять его, уплативъ семьямъ погибшихъ пособіе, вдвое или втрое превышающее обычныя нормы, платимыя въ Японіи, и тѣмъ доказать, что въ совѣтскомъ союзѣ дѣло соціальнаго обезпеченія рабочихъ поставлено лучше, чѣмъ въ буржуазныхъ странахъ».

Такъ и сдѣлали. Было уплачено пособіе семьямъ сгорѣвшихъ. Виновники катастрофы остались совершенно безнаказанными. . .

Совѣтникъ итальянскаго посольства, баронъ Джіованни-ди-Джіура, съ которымъ у меня наладились хорошія личныя отношенія (мы оба были очень горячими теннисистами и часто играли въ теннисъ, несмотря на жару и духоту), какъ-то сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ бы познакомить меня лично съ папскимъ представителемъ въ Японіи, монсиньоромъ Джардини. Баронъ Джіура имѣлъ большія связи въ католическихъ кругахъ Италіи и, насколько мнѣ казалось, искренно желалъ сыграть роль посредника въ примиреніи Москвы съ Ватиканомъ.

Что касается меня лично, — я всегда выступалъ последовательнымъ сторонникомъ примиренія съ Ватиканомъ; законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, который въ то время еще не искажался безсмысленными и преступными гоненіями на служителей всѣхъ культовъ, давалъ намъ возможность допустить въ предѣлахъ совѣтскихъ республикъ свободу религіозной католической пропаганды, въ обмѣнъ, разумѣется, на рядъ политическихъ и моральныхъ уступокъ со стороны Ватикана. Эта идея входила, какъ одно изъ частныхъ мѣстъ, въ ту программу постепеннаго «замиренія» совѣтской внѣшней политики, которую я пытался практически проводить, вопреки фантастическимъ и бредовымъ идеямъ «мірового пожара». Можно было играть на вѣдомственныхъ треніяхъ наркоминдѣла съ ГПУ и коминтерномъ, на личныхъ антипатіяхъ отдѣльныхъ руководителей совѣтской политики, на треніяхъ въ политбюро, чтобы продвигать эти частныя коррективы московской идеи «мірового пожара» и, зачастую, помимо воли политбюро, заставлять ихъ говорить «прозой» государственныхъ интересовъ страны, вмѣсто безсвязной поэзіи міровой революціи.

Я сообщилъ въ Москву о желаніи Джардини познакомиться со мной и запросилъ инструкціи для разговора. Сначала послѣдовала грубая телеграмма отъ Литвинова (ватиканскими разговорами долженъ былъ руководить онъ, какъ замѣститель наркома по европейскимъ и американскимъ вопросамъ) съ запрещеніемъ встрѣчаться съ Джардини. Я отвѣтилъ Литвинову, что не спрашиваю разрѣшенія знакомиться съ Джардини, ибо такіе вопросы я буду рѣшать самъ, какъ мнѣ заблагоразсудится, а прошу дать мнѣ программу нашихъ пожеланій, если та-

ковыя имѣются. При этомъ я добавилъ, что въ случаѣ неполученія мною указаній, я вынужденъ буду бесѣдовать безъ нихъ.

Литвиновъ проглотилъ пилюлю, и телеграфно сообщилъ мнѣ, что въ Берлинѣ ведутся уже переговоры между Крестинскимъ и папскимъ нунціемъ Пачелли, и что онъ поэтому снова рекомендуетъ мнѣ воздержаться отъ бесѣдъ съ Джардини. Далѣе онъ ехидно добавлялъ, что, если знакомство съ папскимъ представителемъ меня очень интересуетъ, онъ не имѣетъ противъ этого никакихъ спеціальныхъ возраженій.

Я запросилъ снова, каковы основные пункты расхожденія въ разговорахъ Крестинскаго съ Пачелли; Литвиновъ отвѣтилъ, что расхожденія вполнѣ не оформились, но что имѣется одинъ пунктъ, на которомъ совѣтское правительство будетъ настаивать со всей категоричностью: недопущеніе лицъ польскаго происхожденія къ занятію должностей католическихъ священниковъ въ Россіи. Признаюсь, что я принялъ это сообщеніе съ чувствомъ нѣкотораго внутренняго недоумѣнія. Для меня были понятны тѣ или иныя общія опасенія по поводу будущихъ отношеній между совѣтскимъ правительствомъ и Ватиканомъ. Но введеніе своеобразнаго numerus clausus для поляковъ-священниковъ черезчуръ густо пахло специфическими методами религіозной борьбы на столыпинской Холмщинѣ. Я не смогъ удержаться, и написалъ въ Москву нѣсколько писемъ разнымъ «высокопоставленнымъ» лицамъ съ выраженіемъ своего искренняго недоумѣнія по поводу этого страннаго требованія.

Передъ тѣмъ, какъ встрѣтиться съ монсиньоромъ Джардини, я имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ барономъ Джіу-

рой. Я изложилъ ему съ полной искренностью положенie вопроса и сказалъ, что надеждъ на успѣшность переговоровъ у меня почти нѣтъ, но что, тѣмъ не менѣе, я сдѣлаю все, что смогу, для успѣшности переговоровъ. Въ это время мнѣ уже сдѣлалось извѣстнымъ, что переговоры Крестинскаго съ Пачелли зашли въ тупикъ, и я не питалъ большихъ надеждъ на то, что буду счастливѣе Крестинскаго. Правда, мнѣ было извѣстно, что Крестинскiй не придавалъ этому вопросу того большого значенiя, которое онъ имѣлъ въ моихъ глазахъ. Вдобавокъ, на моей сторонѣ было еще и то несомнѣнное преимущество, что Крестинскiй велъ переговоры съ опаской, боясь быть политически скомпрометированнымъ какой-либо уступкой, я же никакой компрометацiи не опасался, такъ какъ былъ и безъ того безнадежно «скомпрометированъ» своимъ политическимъ прошлымъ.

Къ моему величайшему изумленiю, Джiура отвѣтилъ мнѣ, что настроенiе Ватикана, по его свѣдѣнiямъ, измѣнилось въ сторону уступокъ, значительно большихъ, чѣмъ тѣ, которыя предлагались Крестинскому Пачелли. Ватиканъ отнюдь не будетъ настаивать на «польской кляузулѣ», понимая, что въ Россiи католическое духовенство должно быть русскаго происхожденiя. Что касается обслуживанiя польскаго населенiя въ Россiи, то оно будетъ производиться по прежнему ксендзами-поляками (противъ этого Москва не возражала). При этомъ Джiура добавилъ, что Ватиканъ имѣетъ въ виду открывать семинары для подготовленiя католическаго духовенства изъ русскихъ и что черезъ короткiй промежутокъ времени вопросъ въ цѣломъ будетъ практически разрѣшенъ въ благопрiятномъ смыслѣ. Основное требованiе, на которомъ

Ватиканъ продолжалъ настаивать съ полной категоричностью, была свобода религіозной пропаганды для католическаго духовенства.

Джіура очень пространно объяснялъ мнѣ всѣ выгоды, которыя получитъ совѣтское правительство послѣ возстановленія сношеній съ Ватиканомъ. Онъ говорилъ о ростѣ моральнаго довѣрія къ совѣтской Россіи въ Европѣ и Америкѣ, о неминуемомъ признаніи совѣтскихъ республикъ всѣми государствами, въ томъ числѣ и Соединенными Штатами, гдѣ вліяніе католиковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ объ этомъ думаютъ. Онъ просилъ меня не опасаться результатовъ появленія католическаго духовенства въ совѣтской Россіи, такъ какъ «католическое духовенство всегда отличалось глубочайшей дисциплинированностью въ отношеніи правительствъ тѣхъ странъ, которыя давали ему возможность религіозной пропаганды». При этомъ Джіура пытался доказать мнѣ, что православное духовенство всегда отличалось «духомъ бунта противъ своего правительства» и что, слѣдовательно, его ослабленіе не можетъ нанести никакого вреда московской власти.

Я разъяснилъ Джіура его неправоту въ послѣднемъ утвержденіи. Невольно мнѣ припомнились типы Гусева-Оренбургскаго, забитые провинціальные священники, трепещущіе передъ любымъ пьянымъ становымъ приставомъ или урядникомъ, и я мысленно сравнилъ съ ними католическихъ патеровъ, за которыми всегда чувствуется мощь Ватикана. Я сказалъ объ этомъ Джіура. Я разсказалъ ему и о томъ, что принципъ «Кесарево кесарю» пользовался всегда особымъ признаніемъ со стороны православнаго духовенства. Когда внутри этого духовенства воз-

никали группы, болѣе тѣсно связанныя съ жизнью страны и поэтому обнаруживавшія желаніе выступить въ роли оппозиціи къ правительству, онѣ немедленно подавлялись православнымъ же высшимъ духовенствомъ. Чтобы не удаляться черезчуръ далеко въ глубь исторіи, я разсказалъ ему о распутинской эпопеѣ и о томъ, съ какой легкостью удавалось пьяному жулику Распутину добиваться назначенія въ епископы такихъ людей, какъ Варнава, которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, надо было засадить въ арестантскія роты. Я объяснилъ Джіура, что, ввиду этихъ причинъ, любое русское правительство можетъ использовать, какъ ему будетъ удобно, православное духовенство, и что поэтому мы вовсе не заинтересованы въ ослабленіи православнаго духовенства католической религіозной пропагандой. Въ случаѣ необходимости ослабить сопротивленіе православнаго духовенства тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ правительства, можно легко воспользоваться имѣющейся внутри духовенства оппозиціей или даже создать эту оппозицію. Здѣсь я снова проиллюстрировалъ свою мысль нѣсколькими примѣрами изъ исторіи возникновенія, такъ называемой, «живой церкви». Я добавилъ при этомъ, что, поскольку православная религія является религіей большинства русскаго крестьянства, мы не можемъ оказывать никакой поддержки католическимъ священникамъ въ дѣлѣ ихъ религіозной пропаганды. Поступать иначе значило бы совершать непростительную политическую ошибку, ибо активная борьба съ православнымъ духовенствомъ означала бы начало активной борьбы съ русскимъ крестьянствомъ, т. е. конецъ нэпа, являющагося основнымъ стержнемъ внутренней политики совѣтскаго правительства (разговоръ происходилъ въ

1926-мъ году). Я считалъ необходимымъ разъяснить все это Джіура, а черезъ него и Джардини, чтобы отнять у нихъ всякую, крайне вредную, на мой взглядъ, надежду на возможность покровительства съ нашей стороны католической религіозной пропаганды. Максимумъ того, что они могли ожидать отъ Москвы, было бы допущеніе католической религіозной пропаганды **на равныхъ основаніяхъ** съ православной.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора состоялось мое первое свиданіе съ монсиньоромъ Джардини, послѣ котораго я сообщилъ Москвѣ, что удалось сдвинуть вопросъ съ мертвой точки. Отъ Литвинова немедленно получилась въ отвѣтъ телеграмма, съ сообщеніемъ, что онъ далъ распоряженіе Крестинскому возобновить переговоры съ Пачелли. Мнѣ же предлагалось сообщить Джардини, что переговоры будутъ снова вестись въ Берлинѣ, такъ какъ въ Токіо ихъ вести неудобно по дальности разстоянія отъ Москвы, затрудняющей своевременное полученіе инструкцій. Эти переговоры, какъ извѣстно, закончились неудачей. . .

Къ числу мелкихъ, но все же непріятныхъ вопросовъ, которые мнѣ пришлось разрѣшить, надо отнести вопросъ о переселеніи совѣтскаго посольства въ Токіо въ другую усадьбу. Среди пунктовъ пекинской конвенціи, подписанной въ 1925-мъ году японскимъ и совѣтскимъ правительствами, имѣлось обязательство совѣтскаго правительства освободить усадьбу, занимавшуюся раньше русскимъ посольствомъ въ Токіо. Японское правительство, съ своей стороны, обязывалось уплатить сумму денегъ, достаточную для покупки совѣтскимъ правительствомъ площади земли и устройства на ней новаго по-

сольства. Этотъ пунктъ вызывался необходимостью расширенія улицы Касумигасеки, на которой находилось совѣтское посольство (на этой же улицѣ находилось и министерство иностранныхъ дѣлъ, почему «Касуминасеки» употребляется въ Японіи условно для обозначенія министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ «Quai d'Orsay», «Wilhelmstrasse», «Palac Brulowsky»). Старое русское посольство выпячивалось далеко впередъ, не давая возможности правильно распланировать эту часть Токіо, въ которой расположены главныя правительственныя зданія.

Однако, когда дѣло дошло до практическаго осуществленія этого пункта, всякіе чинуши изъ комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, а особенно изъ комиссаріата инспекціи, начали тормазить дѣло глупѣйшими требованіями никому не нужныхъ плановъ, справокъ о стоимости и т. д. Имъ все казалось, что японцы насъ непремѣнно надуютъ, дадутъ скверные участки земли, подсунутъ негодныхъ архитекторовъ. Коппъ, чрезвычайно опасавшійся послѣ своей берлинской исторіи всякихъ инспекцій и ревизій, считалъ нужнымъ вести съ этими чинушами нуднѣйшую переписку, и не давалъ японцамъ прямого отвѣта, что ихъ чрезвычайно раздражало. Дебучи обратился ко мнѣ съ просьбой ускорить дѣло, сказавъ, что вопросъ, конечно, мелкій, но что онъ крайне важенъ съ точки зрѣнія превращенія Токіо въ европейскую столицу и что поэтому и онъ, и баронъ Сидехара, министръ иностранныхъ дѣлъ, хотѣли бы видѣть этотъ вопросъ поскорѣе разрѣшеннымъ. Я отвѣтилъ, что гарантирую имъ самое скорое разрѣшеніе вопроса, и сдержалъ свое слово. Надъ чинушами изъ обоихъ комиссаріатовъ я началъ

издѣваться самымъ откровеннымъ образомъ, посылая имъ планы, проекты и смѣты на японскомъ языкѣ, подъ предлогомъ перегруженности переводчика, профессора Спальвина. Когда японцы предложили мнѣ кусокъ подходящей земли, принадлежавшей виконту Набесима и барону Судзуки, я принялъ ихъ предложеніе, и заставилъ Москву въ нѣсколько дней подтвердить мое согласіе. Эта земля находилась нѣсколько въ сторонѣ отъ центра города, но съ нея открывался прекрасный видъ на Уэно-паркъ и на Синагавскую бухту. По моимъ предложеніямъ, новое зданіе посольства должно было быть построено къ 1930-му году. На постройку этого зданія японское правительство выдало совѣтскому правительству около восьми милліоновъ франковъ. . .

Осенью 1926-го года въ Токіо былъ созванъ панъ-пацифистскій (тихоокеанскій) конгрессъ. Это былъ своего рода научный съѣздъ представителей всѣхъ государствъ, имѣющихъ береговую полосу въ Тихомъ океанѣ. Такіе конгрессы происходятъ каждые три года, засѣдая, обычно, въ столицѣ одного изъ тихоокеанскихъ государствъ, по очереди. Въ 1926-мъ году была очередь Японіи, и японское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы делегаты конгресса, заслушавъ рядъ научныхъ докладовъ, получили возможность ознакомиться со страной. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ принцъ Токугава, потомокъ сіогуновъ, правившихъ Японіей до революціи 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Вице-предсѣдателями конгресса являлись дипломатическіе представители въ Токіо всѣхъ тихоокеанскихъ странъ. Совѣтская Россія также приняла участіе въ этомъ конгрессѣ, что произошло, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній мо-

сковскаго правительства. Колебанія эти произошли вслѣдствіе того курьезнаго факта, что въ Москвѣ были сначала введены въ заблужденіе названіемъ конгресса «Панъ-пацифистскій». Тамъ рѣшили, что это означаетъ конгрессъ «пацифистовъ», а не конгрессъ «океановѣдовъ», какъ это имѣло мѣсто въ самомъ дѣлѣ, и приняли сперва рѣшеніе «воздержаться отъ участія въ очередной затѣѣ мелкобуржуазнаго и имперіалистическаго псевдо-пацифизма». Пришлось разъяснить изъ Токіо, что къ данному конгрессу пацифисты не имѣютъ никакого отношенія, и что названіе его объясняется иностраннымъ названіемъ Тихаго океана (Осеанъ Пасификъ). Послѣ такого разъясненія политбюро приняло срочное постановленіе объ участіи совѣтскихъ ученыхъ на конгрессѣ.

Русская делегація была представлена блестяще на конгрессѣ такими учеными, какъ Бергъ, Шмидтъ, Комаровъ, Штейнбергъ и др., сдѣлавшими рядъ заинтересовавшихъ конгрессъ докладовъ. Были въ совѣтской делегаціи и чисто политическія фигуры, какъ Виленскій-Сибиряковъ, но они не вмѣшивались въ научную работу делегаціи (въ то время сталинскій походъ противъ Академіи Наукъ еще не начинался).

Отъ одного изъ членовъ совѣтской делегаціи на конгрессѣ узналъ я исторію гибели Савинкова.

Въ 1924-мъ году ГПУ арестовало въ Россіи одного изъ крупныхъ членовъ савинковской организаціи, Павловскаго. Арестованному угрожалъ разстрѣлъ. Онъ предпочелъ спастись отъ него, перейдя на работу въ ГПУ и сдѣлавшись «двойникомъ». Павловскій, уже по директивамъ ГПУ, продолжалъ поддерживать отношенія съ Са-

винковымъ, находившимся за границей и не знавшимъ, конечно, о фактѣ его ареста.

Показанія Павловскаго, данныя имъ въ ГПУ, оказались чрезвычайно сенсаціонными. Онъ утверждалъ, что савинковская организація разрабатываетъ планъ «центральнаго террора» и что на очереди рядъ террористическихъ актовъ противъ видныхъ членовъ политбюро.

Эти показанія вызвали сильное возбужденіе въ Москвѣ. Въ руководящей головкѣ центральнаго комитета коммунистической партіи заволновались. Совѣтская республика подходила въ это время вплотную къ одному изъ опаснѣйшихъ кризисовъ — къ острому столкновенію между вождями коммунистической партіи. Въ этихъ условіяхъ «центральный терроръ» Савинкова могъ сыграть объективную роль катализатора, ускорителя медленно развивавшагося процесса борьбы «на верхушкѣ». Терроръ Савинкова могъ внести элементъ неопредѣленности въ борьбу: онъ могъ быть направленъ противъ Троцкаго съ такой же вѣроятностью, какъ и противъ Зиновьева, Каменева и Дзержинскаго.

ГПУ получило директиву отъ политбюро: во что бы то ни стало ликвидировать всякую возможность работы савинковской организаціи. Практически это означало — необходимость персональнаго устраненія Савинкова. Его энергія была хорошо извѣстна въ Москвѣ. Даже оставшись одинъ, безъ организаціи, онъ создалъ бы новую и продолжалъ бы борьбу. Полная ликвидація работъ савинковской организаціи требовала ликвидаціи, въ первую очередь, возможности работы Савинкова. Такъ зародился планъ заманить Савинкова въ Россію. Планъ этотъ былъ выполненъ.

Павловскій переслалъ Савинкову въ Парижъ письмо черезъ «курьера» организаціи, на самомъ дѣлѣ одного изъ сотрудниковъ московскаго ГПУ. Онъ сообщалъ, что имѣется полная возможность дѣйствовать, но что необходимо личное присутствіе Савинкова въ Россіи. Савинковъ рѣшился поѣхать для личнаго руководства террористической работой.

Онъ поѣхалъ не одинъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправились супруги Деренталь. Первая явка была въ Минскѣ. Маленькій домикъ предмѣстья, квартира желѣзнодорожнаго мастера.

Савинковъ и Деренталi вошли въ квартиру. Въ ней они должны были встрѣтиться съ минскимъ руководителемъ савинковской организаціи. Ждать пришлось недолго. Вошелъ средняго роста, немного близорукій, человѣкъ и спокойнымъ голосомъ заявилъ:

— Я — предсѣдатель бѣлорусскаго ГПУ, Пиляръ (небезизвѣстный баронъ Пиляръ-фонъ-Пильхау, польскій нѣмецъ, личный другъ Дзержинскаго). Домъ окруженъ. Вы арестованы. . .

Деренталi поблѣднѣли. Савинковъ сидѣлъ совершенно спокойно, ничего не говоря, нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе:

— Я могу васъ только поздравить съ блестящей организаціей моей поимки. Но это былъ напрасный трудъ. По тону письма Павловскаго я понялъ, что письмо написано имъ подъ диктовку. И, тѣмъ не менѣе, я поѣхалъ въ Россію. Я пріѣхалъ бы сюда и безъ письма Павловскаго. Не буду объяснять вамъ почему. Если вы читали «Коня Вороного», вы поймете это и безъ моихъ объясненій. Я рѣшилъ прекратить борьбу. . .

Въ тотъ же день экстреннымъ поѣздомъ Савинковъ былъ отправленъ въ Москву, во внутреннюю тюрьму ГПУ. Допрашивалъ его лично Дзержинскій. Допросъ длился нѣсколько часовъ подрядъ.

Савинковъ повторилъ Дзержинскому то, что онъ заявилъ въ Минскѣ Пиляру. Онъ добавилъ при этомъ, что супруги Дерентали не принадлежали къ его организаціи. Они ѣхали въ Россію, по его словамъ, какъ журналисты. Дзержинскій, со своей стороны, заявилъ Савинкову, что онъ лично вѣритъ его словамъ о желаніи совершенно отойти отъ антисовѣтской работы, но что онъ не можетъ гарантировать ему сохраненіе жизни. Вопросъ будетъ рѣшаться въ политбюро. Рѣшеніе его зависитъ отъ характера показаній Савинкова. Если эти показанія дадутъ полную картину предыдущей дѣятельности Савинкова, особенно въ части его связи съ иностранными государственными дѣятелями, возможно положительное разрѣшеніе вопроса. Что касается Деренталей, Дзержинскій не возражаетъ противъ ихъ освобожденія.

Савинковъ подчеркнулъ, что онъ отказывается ставить вопросъ о своей жизни. Свои показанія онъ напишетъ въ нѣсколько дней. Онъ благодаритъ Дзержинскаго за согласіе на освобожденіе Деренталей и проситъ дать ему возможность увидѣть жену Деренталя послѣ того, какъ онъ закончитъ писать свои показанія.

Черезъ нѣсколько дней Дзержинскій снова посѣтилъ Савинкова, къ этому времени уже закончившаго писать свои показанія и повидавшегося съ женой Деренталя. Савинковъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Онъ заявилъ Дзержинскому, что теперь, послѣ того, какъ онъ закончилъ свои показанія, ему пришла мысль, что недостаточ-

но просто отойти отъ антисовѣтской дѣятельности. Онъ хочетъ принять активное участіе въ борьбѣ съ врагами совѣтскаго правительства, и предлагаетъ свои услуги. Онъ проситъ вѣрить его искренности и готовъ предоставить себя цѣликомъ въ распоряженіе московскаго правительства для любой работы...

Вопросъ о Савинковѣ вызвалъ бурные споры въ политбюро. Дзержинскій явился горячимъ адвокатомъ Савинкова. Онъ требовалъ оставленія Савинкова въ живыхъ. Онъ заявилъ, что полностью вѣритъ въ искренность Савинкова, въ его желаніе перейти на сторону своихъ вчерашнихъ враговъ. Остальные члены политбюро не вѣрили въ искренность Савинкова. По мнѣнію Сталина, это былъ лишь ловкій шахматный ходъ, желаніе спасти свою жизнь. При первомъ же благопріятномъ случаѣ Савинковъ скроется за границу и будетъ продолжать борьбу противъ совѣтскаго правительства...

Въ результатѣ споровъ, было принято компромиссное рѣшеніе: Савинкова не разстрѣливать, но держать во внутренней тюрьмѣ ГПУ, на режимѣ строгой изоляціи. Верховный судъ получилъ директиву отъ политбюро приговорить Савинкова къ разстрѣлу, но ходатайствовать передъ ВЦИК-омъ объ амнистіи.

Савинковъ былъ недоволенъ приговоромъ. При первой же встрѣчѣ съ Дзержинскимъ онъ началъ настаивать на своемъ освобожденіи. Онъ подчеркивалъ то обстоятельство, что первоначально не собирался просить о своемъ амнистированіи. Но, поскольку онъ сталъ на точку зрѣнія необходимости своего участія въ борьбѣ съ врагами совѣтскаго правительства, онъ требуетъ своего осво-

божденія, чтобы имѣть возможность принимать участіе въ этой борьбѣ.

Дзержинскій пытался уговорить Савинкова. Онъ доказывалъ ему, что такой рѣзкій переходъ требуетъ времени, что еще вчера совѣтская пресса обливала Савинкова ушатами грязи, что къ нему должны раньше привыкнуть, какъ къ «своему». Чтобы успокоить Савинкова, Дзержинскій сказалъ ему, что для него отдѣлана специальная квартира во дворѣ ГПУ и... что жена Деренталя можетъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ. Савинковъ на время успокоился. Онъ писалъ письма своимъ друзьямъ за границу. Одно изъ такихъ писемъ было доставлено въ Варшавѣ Философову сотрудницей ГПУ, Больковской, немедленно скрывшейся отъ пытавшагося задержать ее Философова. Въ этихъ письмахъ Савинковъ агитировалъ своихъ друзей, убѣждая ихъ отказаться отъ борьбы съ совѣтскимъ правительствомъ.

Прошелъ короткій промежутокъ времени. Савинковъ снова потребовалъ свиданія съ Дзержинскимъ, во время котораго произошло бурное объясненіе. Дзержинскій заявилъ прямо Савинкову, что ему не довѣряютъ, и что онъ вынужденъ продолжать его изоляцію. Онъ готовъ облегчить его положеніе, предоставивъ ему возможность прогулокъ въ своемъ автомобилѣ, но въ сопровожденіи охраны и безъ права встрѣчаться съ кѣмъ бы то ни было. Со своей стороны, однако, Дзержинскій поставилъ въ политбюро снова вопросъ объ освобожденіи Савинкова. Сталинъ грубо оборвалъ пренія площадной репликой: «Что, онъ принимаетъ насъ за ....».

Для Савинкова потянулись тягостные дни. Онъ прекратилъ переписку съ друзьями, забросилъ свои книги,

пересталъ встрѣчаться съ женой Деренталя. Новыя попытки увидѣть Дзержинскаго были безрезультатны. И только время отъ времени Савинковъ писалъ ему письма, съ настойчивостью требуя своего освобожденія. Дзержинскій не отвѣчалъ на эти письма.

Солнечнымъ утромъ попросилъ Савинковъ дать ему Рольсъ-Ройсъ изъ гаража ГПУ. Самъ сѣлъ за руль. Нѣсколько часовъ съ бѣшеной скоростью мчался онъ по дорогѣ изъ Москвы въ Ярославль. Пообѣдалъ со своей охраной въ деревенскомъ трактирѣ и возвратился въ Москву. Во дворѣ ГПУ онъ быстро вышелъ изъ автомобиля, взбѣжалъ по лѣстницѣ, ведущей въ его квартиру въ 4-мъ этажѣ, съ такой быстротой, что охрана не успѣла подняться за это же время до 2-го этажа... Одинъ изъ охранниковъ задержался у автомобиля. Когда онъ повернулся лицомъ къ зданію, чтобы войти на лѣстницу, онъ увидѣлъ, какъ открылось окно 4-го этажа и въ немъ показался Савинковъ, быстро вскочившій на подоконникъ. Еще нѣсколько секундъ, и Савинковъ головой внизъ бросился изъ окна...

Этотъ разсказъ произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе. Невольно вспоминалась та яркая, красочная роль, которую сыгралъ Савинковъ въ исторіи первой русской революціи, въ періодъ борьбы съ царизмомъ. Вспоминались десятки смѣлыхъ ударовъ, наносившихся Савинковымъ царизму. И вся жизнь этого революціонера и террориста проходила передъ моимъ воображеніемъ, какъ изумительный фильмъ, въ которомъ экзотика стараго русскаго быта переплеталась съ македонскими бомбами, жертвенными порывами и спорами объ аграрной реформѣ.

Я мысленно видѣлъ окровавленный трупъ Савинко-

ва на землѣ, во внутреннемъ дворѣ ГПУ. И я думалъ о странныхъ капризахъ исторіи, сохранившей этого человѣка отъ петли царскихъ судовъ, чтобы размозжить его талантливую голову о твердый асфальтъ внутренней тюрьмы ГПУ. И вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль, что это не случайность и что гибель революціонера Савинкова на асфальтѣ ГПУ — страшный символъ революціи, перескочившей за поставленныя передъ нею цѣли и вырождающейся въ новыя формы деспотіи и полицейщины. Старое выраженіе «революція, пожирающая своихъ собственныхъ дѣтей» пріобрѣтало для меня новый смыслъ: когда революція, пожравъ старый порядокъ, начинаетъ пожирать своихъ собственныхъ дѣтей, она переходитъ въ контръреволюцію. И, маскируя свое внутреннее вырожденіе, она старается рядиться въ самые пестрые лоскутья самыхъ лѣвыхъ фразъ...

Панъ-пацифистскій конгрессъ столкнулъ меня, какъ одного изъ вице-предсѣдателей конгресса, съ необходимостью изучить внѣшнія формы японскаго этикета. Японцы совершенно демократическій народъ. Когда я жилъ подъ Токіо, въ Камакурѣ, мнѣ часто приходилось видѣть японскихъ министровъ, возвращавшихся изъ Токіо на свои дачи въ Камакурѣ въ общихъ вагонахъ 1-го или даже 2-го класса, въ сутолокѣ и давкѣ пригородныхъ поѣздовъ. Но во время оффиціальныхъ церемоній японцы соблюдаютъ очень строгій этикетъ, особенно, когда во время церемоній присутствуютъ принцы крови. Въ этихъ случаяхъ, послѣ аудіенціи, даваемой принцемъ, приходится выходить изъ комнаты, не оборачиваясь спиной, что при узкихъ японскихъ дверяхъ причиняетъ много неудобствъ. Я помню, какъ послѣ аудіенціи у принца Фуси-

ми я набилъ себѣ основательную шишку на затылкѣ. Впрочемъ, мое смущеніе немедленно прошло, когда я увидѣлъ рядомъ съ собой американскаго посла, Макъ-Вихъ, потиравшаго ушибленный такимъ же образомъ бокъ. Японскіе принцы не придаютъ, правда, большого значенія этикету, и онъ ихъ иногда явно стѣсняетъ. Такъ, при разговорѣ съ принцами крови, ихъ надо титуловать по полной формѣ. Когда разговоръ происходитъ на японскомъ языкѣ, это вызываетъ необходимость употребленія спеціальныхъ оборотовъ, такъ называемыхъ «этикетныхъ нарощеній» японскаго языка. Но я помню, что когда я, понадѣявшись на свои знанія японскаго языка (это было черезъ два мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Японію) упорно титуловалъ одного принца «ваше императорское электричество» вмѣсто «ваше императорское высочество» — мой собесѣдникъ не только не обидѣлся на меня, но, наоборотъ, весело хохоталъ и ни за что не хотѣлъ заканчивать аудіенцію, которая должна была быть по формѣ очень краткой. Онъ продержалъ меня полчаса, и я удалился, теряясь въ догадкахъ о причинѣ его спеціальнаго вниманія ко мнѣ и смѣха въ отвѣтъ на мои банальныя фразы. Профессоръ Спальвинъ, къ которому я обратился за разъясненіями, заставилъ меня повторить фразы изъ моей бесѣды, и пришелъ въ ужасъ, замѣтивъ, что я перепуталъ титулованіе. Онъ даже настаивалъ, чтобы я поѣхалъ къ принцу со спеціальными извиненіями, опасаясь какихъ-либо непріятностей. Но я вспомнилъ совершенно искренній, непринужденный хохотъ молодого принца и рѣшилъ, что никакихъ извиненій приносить не стоитъ. Совѣтскій повѣренный въ дѣлахъ, титулующій японскаго принца «ваше электричество» — такія вещи встрѣчаются

не часто, и мнѣ думалось, что я могу разсчитывать даже на признательность принца за то неожиданное развлеченіе, которое я ему невольно доставилъ .

Пришлось мнѣ познакомиться съ внѣшними формами японской жизни и по другому поводу, по случаю смерти микадо. Въ декабрѣ 1926-го года умеръ микадо Іосихито, сынъ умершаго въ 1912-мъ году микадо Мутсухито, японскаго Петра Великаго, реформатора страны и побѣдителя Китая и Россіи, въ двухъ войнахъ, выведшихъ Японію на путь модернизаціи страны. Мутсухито былъ человѣкомъ сильной воли и желѣзнаго здоровья. Онъ не только провелъ рядъ реформъ въ странѣ, но ему удалось искоренить до конца остатки феодализма, послѣ революціи 1868-го года, въ которой микадо, вмѣстѣ со страной, уничтожилъ власть сіогуна Токугава, послѣдняго военно-феодальнаго властителя Японіи. Послѣ уничтоженія власти сіогуна, феодальная система задержалась въ странѣ ввидѣ такъ называемаго института Генро, вождей четырехъ наиболѣе вліятельныхъ въ то время феодальныхъ клановъ Ціосю, Сатсума, Таса и Хидзенъ. Эти вожди образовали нѣчто вродѣ тайнаго совѣта, который до 1900-го года былъ абсолютнымъ хозяиномъ Японіи. Юридически этотъ совѣтъ никогда не былъ оформленъ: въ основныхъ законахъ японской имперіи нѣтъ о немъ ни малѣйшаго упоминанія (въ Японіи существуетъ верховный тайный совѣтъ при императорѣ, какъ совѣщательное учрежденіе по важнѣйшимъ дѣламъ внутренней и внѣшней политикѣ, но этотъ совѣтъ не играетъ большой роли и никогда не имѣлъ ничего общаго со всемогущимъ Генро, навязывавшимъ императору свое мнѣніе во всякомъ мало-мальски серьезномъ вопросѣ. Впрочемъ, въ періодъ

процвѣтанія Генро однинъ изъ его членовъ, обычно, являлся предсѣдателемъ верховнаго тайнаго совѣта), но практически Генро принадлежало исключительное право выбирать премьеръ-министра, а послѣднiй не придпринималъ никакого серьезнаго шага безъ предварительнаго согласія Генро. Императоръ Мутсухито сильно ограничилъ власть Генро, и къ началу XX вѣка свелъ его къ роли одного изъ факторовъ, далеко не всемогущаго, японской внутренней политики. Въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XX вѣка умерли послѣдніе вліятельные лидеры феодальныхъ клановъ Ямагата, Мацуката и Окума, и теперь въ живыхъ остался одинъ князь Сайондзи, добродушный старичекъ, обремененный необходимостью постоянно выдавать замужъ своихъ многочисленныхъ племянницъ.

Наслѣдникъ императора Мутсихито, микадо Іосихито, былъ сыномъ императора и одной придворной дамы. (Императрица не имѣла дѣтей). Интересно замѣтить ту чрезвычайную терпимость, съ которой въ Японіи относятся къ нелегализированнымъ бракамъ. Я помню, какъ еще при жизни микадо Іосихито, мнѣ приходилось часто встрѣчать въ газетахъ такую фразу: «Императоръ и его мать, мадамъ такая-то» (безъ титула). Іосихито былъ человѣкомъ слабаго здоровья, часто болѣлъ, отличался всякими странностями. Въ результатѣ этого, еще при жизни его, былъ назначенъ регентомъ наслѣдный принцъ Хирохито, нынѣшній императоръ, очень талантливый и мягкій человѣкъ, занимавшійся, главнымъ образомъ, ботаникой и опытами рисосѣянія, также крайне болѣзненный и хилый. Эта болѣзненность явилась причиной покушенія на него, когда онъ былъ еще принцемъ-реген-

томъ, монархическаго студента Намба. Намба вскочилъ въ карету принца-регента, когда онъ проѣзжалъ на одномъ изъ людныхъ перекрестковъ Токіо, Торраномонъ, и пытался заколоть его кинжаломъ. На судѣ Намба заявилъ, что рѣшилъ убить принца-регента, такъ какъ «болѣзненные монархи компрометируютъ идею монархическаго строя и ведутъ его къ гибели». Покушеніе и судъ надъ Намбой, впослѣдствіи повѣшеннымъ, произвели сильное впечатлѣніе на принца-регента, настаивавшаго на своемъ отреченіи отъ престола въ пользу своего брата, здоровяка и спортсмена, побывавшаго на вершинахъ горныхъ цѣпей всего міра. Верховный тайный совѣтъ отсовѣтовалъ ему отреченіе.

Смерть императора Іосихито, въ концѣ 1926-го года, поставила и передъ совѣтскимъ правительствомъ рядъ вопросовъ формальнаго этикета. Надо было рѣшить, пошлетъ ли совѣтское правительство на похороны своего спеціальнаго посла, какъ другія правительства, будетъ ли возложенъ вѣнокъ на могилу императора, примемъ ли мы участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ во время похоронъ и т. д. Всѣ эти вопросы были разрѣшены политбюро въ положительномъ духѣ: въ Москвѣ черезчуръ дорожили хорошими отношеніями съ японцами въ моментъ развитія китайской революціи и готовы были пожертвовать обычной формулой пренебреженія къ буржуазному и придворному этикету. Я получилъ телеграмму изъ Москвы съ сообщеніемъ, что центральный исполнительный комитетъ назначилъ меня чрезвычайнымъ посломъ на похоронахъ японскаго императора. Спеціальнымъ постановленіемъ политбюро мнѣ разрѣшалось «принимать участіе во всякихъ церемоніяхъ, связанныхъ съ

похоронами, но вести себя такъ, чтобы въ рабочихъ массахъ Японіи не возникло представленіе о нашей чрезмѣрной угодливости въ отношеніи японскихъ императоровъ». Практически это постановленіе означало, что, если какому-нибудь предпріимчивому фотографу удалось бы сфотографировать мое участіе въ религіозной процессіи и такая фотографія вызвала бы скандалъ въ коммунистическихъ кругахъ, мнѣ пришлось бы расплачиваться за ловкость фотографа. Было рѣшено также возложить вѣнокъ съ совѣтскимъ государственнымъ гербомъ на могилу императора, но при этомъ рекомендовалось «не гравировать на гербѣ надписи «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Мнѣ оставалось только подчиниться такой цѣломудренной стыдливости Сталина, и вѣнокъ съ совѣтскимъ гербомъ, безъ надписи «пролетаріи всѣхъ, странъ, соединяйтесь», остался на могилѣ японскаго императора, какъ памятникъ сталинскаго лицемѣрія.

Похороны микадо происходили по всѣмъ правиламъ стариннаго японскаго ритуала. Колесницу индійско-малайскаго типа на двухъ колесахъ, сдѣланныхъ со специальнымъ мелодическимъ скрипомъ, тащили громадные черные волы, осужденные послѣ похоронъ на голодную смерть. Парламентъ и палата лордовъ, правительство и верховный тайный совѣтъ, цвѣтъ японской арміи и флота шли за колесницей черезъ весь городъ, отъ большого императорскаго дворца до парка, въ которомъ былъ устроенъ большой павильонъ для церемоніи религіознаго прощанія. Въ паркѣ гробъ поставили на высокій помостъ. Верховный жрецъ синтоистскаго культа, съ нѣсколькими десятками жрецовъ, передавали другъ другу громадные фрукты и блюда, предназначенные для духа

умершаго на томъ свѣтѣ. Большой оркестръ жрецовъ игралъ на спеціальныхъ свирѣляхъ, приготовленныхъ изъ бамбука, и я никогда въ своей жизни не слыхалъ такихъ примитивныхъ по техникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ глубокихъ по музыкальному содержанію мотивовъ. Но самое поразительное въ этой церемоніи, унаслѣдованной отъ тысячелѣтій, было то, что тутъ же, рядомъ съ оркестромъ жрецовъ, я видѣлъ лица генераловъ, командующихъ прекрасной современной арміей, адмираловъ, стоящихъ во главѣ лучшаго по личному составу флота, ученыхъ съ міровымъ именемъ, прекрасныхъ дипломатовъ, владѣющихъ въ совершенствѣ нѣсколькими европейскими языками. Надъ паркомъ рѣяли эскадрильи аэроплановъ, и прожекторы освѣщали въ небѣ ихъ черные силуэты. Свирѣли жрецовъ звучали, какъ стрекозы малайскихъ лѣсовъ, въ четкомъ постукиваніи моторовъ.

Послѣ похоронъ императора Москвѣ пришлось рѣшить еще одинъ «протокольный» вопросъ. Какъ чрезвычайному послу со спеціальной миссіей, японское правительство хотѣло дать мнѣ одинъ изъ высшихъ орденовъ японской имперіи. Москва не сочла возможнымъ принять такое предложеніе, и, вмѣсто ордена, я получилъ отъ молодого императора личный подарокъ, прекрасную серебряную массивную шкатулку, покрытую свѣтло-голубой эмалью, съ инкрустаціей двухъ изображеній птицы-феникса и съ императорскимъ гербомъ — хризантемой изъ 18 лепестковъ. Впрочемъ, кромѣ меня, еще нѣсколько пословъ, согласно обычаямъ своей страны, отказались отъ предлагавшихся имъ орденовъ. Это были американскій, германскій и турецкій послы. Всѣ они получили подарки вмѣсто орденовъ.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ любопытно отмѣтить, что въ совѣтскомъ союзѣ не существуетъ формальнаго запрещенія совѣтскимъ чиновникамъ принимать иностранные ордена. Этотъ вопросъ рѣшается отъ случая къ случаю, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, когда совѣтскіе летчики посѣтили, въ свое время, Афганистанъ, эмиръ Эманулла предложилъ имъ какіе-то афганскіе ордена. Совѣтскій посолъ въ Кабулѣ, Старкъ, обратился въ политбюро съ просьбой разрѣшить летчикамъ принять ордена. Онъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что «афганское правительство, какъ находящееся подъ ударомъ англійскаго имперіализма, является нашимъ естественнымъ союзникомъ, и поэтому нѣтъ никакихъ основаній нашимъ летчикамъ отказываться отъ афганскихъ орденовъ». Точно также были случаи принятія совѣтскими чиновниками и другихъ иностранныхъ орденовъ. Но въ отношеніи Японіи этотъ вопросъ былъ рѣшенъ совѣтскимъ правительствомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Я помню, какъ прибыли въ Японію совѣтскіе летчики въ 1927-мъ году. Они совершили, съ нѣсколькими остановками, перелетъ Москва-Токіо. Въ Токіо въ ихъ честь были устроены пріемы и торжества. Авіаціонный клубъ предложилъ имъ медали. Я разрѣшилъ летчикамъ принять медали на мою отвѣтственность, но въ глубинѣ души боялся, какъ бы имъ потомъ не попало въ Москвѣ по партійной линіи, ибо какіе-нибудь умники могли съ легкостью зачислить медали въ разрядъ орденовъ. . .

Я много ѣздилъ по Японіи, желая ознакомиться со страной. Мнѣ пришлось посѣтить и сѣверъ Японіи, съ островомъ Хокайдо, и острова Кіу Сіу и Сикоку на югѣ, и районъ Цуруги и Кобе-Осаки. На Хокайдо и Хакодатѣ

я убѣдился, какъ велики и разнообразны связи японскаго сѣвера съ русскими дальневосточными водами. Совѣтское консульство въ Хакодата было буквально завалено работой по выдачѣ навигаціонныхъ свидѣтельствъ для японскихъ пароходовъ, отправлявшихся къ русскимъ берегамъ. Приходилось разрѣшать кучу мелкихъ споровъ, недоразумѣній, инцидентовъ. Но работа консульства шла превосходно, благодаря умѣнію и такту консула Логинова, одного изъ лучшихъ консуловъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать въ своей работѣ. Японскіе круги, связанные съ рыболовными дѣлами, отзывались о Логиновѣ съ величайшей похвалой и симпатіей. Рыболовное товарищество Ничиро Гіогіо Кабусики Кайся писало о немъ восторженныя письма. Но совѣтскіе дальневосточные органы были недовольны Логиновымъ только потому, что имъ были довольны японскіе круги. Я получалъ на него безчисленные доносы изъ Хабаровска, съ Камчатки, изъ Владивостока съ обвиненіями во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и съ требованіемъ передать дѣло о немъ въ партійную контрольную комиссію. Пришлось лично поѣхать и посмотрѣть на работу Логинова въ Хакодатѣ. Я не могъ не дать объ этой работѣ самый восторженный отзывъ.

Совершенно другую обстановку нашелъ я въ совѣтскомъ генеральномъ консульствѣ въ Кобе. Генеральнымъ консуломъ въ Кобе былъ нѣкто Мальцевъ, старый членъ коммунистической партіи, бывшій студентъ Петроградскаго политехническаго института, личный другъ Молотова. Работы въ Кобе было мало, и Мальцевъ начиналъ опускаться все ниже и ниже въ моральномъ отношеніи. Онъ игралъ въ карты, пьянствовалъ, завелъ знакомство

съ какими-то подозрительными личностями притонно-портоваго типа. Между тѣмъ, въ Кобе была довольно большая европейская колонія, и похожденія Мальцева начали просачиваться въ мѣстную англійскую прессу. Я съѣздилъ въ Кобе, убѣдился изъ личнаго опроса работниковъ генеральнаго консульства, мѣстнаго отдѣленія торгпредства и отдѣленія Дальбанка въ совершенной недопустимости поведенія Мальцева, и предложилъ ему уѣхать въ Москву. Мальцевъ подчинился этому распоряженію довольно неохотно, и, по пріѣздѣ въ Москву, пытался обвинить меня въ пристрастномъ отношеніи къ нему. Въ центральной контрольной комиссіи ему объявили выговоръ и послали на другую работу. Теперь онъ является однимъ изъ руководителей, такъ называемаго, ВОКСА, общества по культурному сближенію съ иностранцами. Пьетъ онъ по прежнему много и неумѣло. И по прежнему пьетъ съ иностранцами.

Работа совѣтскихъ консульствъ въ условіяхъ японской обстановки почти полнаго отрыва отъ Россіи, замкнутой жизни европейской колоніи, въ которую совѣтскимъ чиновникамъ въ провинціи было трудно проникнуть, и почти полнаго отсутствія работы, приводила очень часто къ деморализаціи личнаго состава консульствъ, подсиживаніямъ, склокѣ, пьянству и разврату. Особенно характерными въ этомъ отношеніи была два консульства — въ Нагасаки и въ Отару. Въ первомъ изъ этихъ консульствъ консулъ Асатуровъ передрался со своимъ секретаремъ Асковымъ. Ссора началась по какому-то пустяковому поводу, но очень быстро разрослась и начала принимать «политическую» окраску, такъ какъ враги засыпали меня доносами другъ на друга, съ обви-

неніемъ въ государственной измѣнѣ, шпіонажѣ въ пользу иностранныхъ государствъ и т. д. Въ этихъ доносахъ и консулъ и его секретарь, не стѣсняясь, разсказывали, какимъ образомъ добывали они свѣдѣнія другъ о другѣ. Такъ, Асковъ, подозрѣвавшій Асатурова въ черезчуръ подозрительной интимной близости съ американскимъ консуломъ въ Нагасаки, подкупилъ одного изъ слугъ консула, сообщавшаго ему во всѣхъ подробностяхъ о бесѣдахъ двухъ консуловъ. Подробности эти были явно фантастическія, такъ какъ слуга очень плохо понималъ англійскій языкъ, и записи бесѣдъ консуловъ представляли часто совершенную безсмыслицу, либо разговоръ полуидіотовъ. Однако, Асковъ не постыдился, на основаніи записей этихъ бесѣдъ, обвинять Асатурова въ государственной измѣнѣ, въ раскрытіи государственныхъ тайнъ и въ продажѣ секретныхъ документовъ. Асатуровъ, въ свою очередь, не оставался въ долгу. Онъ зналъ о слабости Аскова къ женскому полу и ухитрился достать откуда-то фотографіи, изобличающія Аскова въ посѣщеніи веселыхъ кварталовъ. Асковъ не отрицалъ этого факта, но объяснялъ это необходимостью «знакомиться съ бытомъ» (на эту необходимость, впрочемъ, ссылались всѣ остальные, виновные въ посѣщеніи веселыхъ кварталовъ). Тогда Асатуровъ похитилъ письма къ Аскову неизвѣстной женщины, пришедшія на адресъ консульства. Въ этихъ письмахъ говорилось о необходимости достать для пишущей какіе-то документы и обѣщалась, въ случаѣ удачи, «полная взаимность и любовь». Стиль письма былъ такой глупый и обнаруживалъ такое явное незнакомство автора съ техникой подобнаго рода предпріятій, что у меня не было никакихъ сомнѣній въ томъ, что эти

письма писала жена Асатурова подъ диктовку своего мужа и отправляла ихъ по почтѣ въ адресъ ничего не подозрѣвавшаго Аскова. Самъ Асатуровъ, бывшій нотаріусъ, всего съ годъ работавшій въ консульской роли, ничего не смыслилъ въ секретныхъ документахъ, и письма «неизвѣстной» явно отражали эту безграмотность. Уже впослѣдствіи, впрочемъ, я имѣлъ случай видѣть почеркъ жены Асатурова и, къ большому своему удовлетворенію, обнаружилъ, что я былъ правъ въ своихъ догадкахъ: почеркъ совпалъ съ почеркомъ «неизвѣстной». Но это было уже послѣ отъѣзда обоихъ, и Асатурова и Асакова, отозванныхъ въ Москву, такъ какъ мнѣ надоѣло читать ихъ «донесенія»; слѣдовало бы, конечно, наказать Асатурова за такія продѣлки, но я подумалъ, что и консулъ, и секретарь другъ друга стоили, и махнулъ рукой на всю эту исторію. Впослѣдствіи Асковъ вернулся въ Японію въ качествѣ генеральнаго консула въ Кобе.

Консульство въ Отару переживало свою склоку, также склоку консула съ секретаремъ. Консулъ Васильевъ, бывшій офицеръ и красный генштабистъ, никакъ не могъ поладить со своимъ секретаремъ Сойферомъ, портняжнымъ подмастерьемъ, присланнымъ на дипломатическую работу въ качествѣ выдвиженца изъ рабочихъ. Васильевъ жаловался, и не безъ основанія, на Сойфера, что онъ совершенно не умѣетъ вести себя въ обществѣ, сморкается въ салфетку на банкетахъ, не говоритъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, грубитъ иностранцамъ, вступая съ ними въ принципіальный споръ и характеризуя при этомъ внѣшнюю политику всѣхъ не-совѣтскихъ странъ въ стилѣ Демьяна Бѣднаго. Сойферъ ставилъ Васильеву въ вину антисемитизмъ, «бытовое обрастаніе» и какой-то дѣй-

ствительно, странный случай полученія Васильевымъ въ подарокъ фотографическаго аппарата отъ одного иностранца, хлопотавшаго о визѣ. Пришлось и въ Отару прибѣгнуть къ соломонову рѣшенію, удаливъ и консула и секретаря. . .

Глава IV

ТОКІО *(Окончаніе)*

На фонѣ всѣхъ этихъ мелочей и дрязгъ шла большая дипломатическая работа. Къ осени 1926-го года революціонное движеніе въ Китаѣ сильно разрослось, перебрасываясь изъ южнаго Китая въ средній Китай. Сѣверный походъ Чанъ-Кай-Шека развертывался въ тріумфъ молодыхъ силъ новаго демократическаго Китая надъ продажной гнилью банды военныхъ авантюристовъ. Въ этомъ походѣ русскіе военные инструкторы играли часто рѣшающую роль. Они вносили въ войска Чанъ-Кай-Шека начала современной стратегической науки, преображали ихъ въ настоящую армію, пробивавшую остріями своихъ штыковъ дорогу къ объединенному, сильному демократическому Китаю, свободному въ своей хозяйственной и политической жизни. Я наблюдалъ со стороны это гигантское движеніе сотенъ милліоновъ людей, и мнѣ порой начинало казаться, что я присутствую при величайшемъ историческомъ таинствѣ, рожденіи новой могучей цивили-

заціи. Когда движеніе начало подходить къ долинѣ рѣки Янъ-Тсе-Кіангъ, разливаясь по тѣмъ самымъ дорогамъ, по которымъ шло возстаніе тайпинговъ, у меня начинала складываться увѣренность, что Чанъ-Кай-Шекъ будетъ въ силахъ сыграть роль китайскаго Кемаля и сдѣлаетъ изъ Китая такую же сильную монолитную республику, какую сдѣлалъ изъ Турціи ея великій диктаторъ. Помню, какъ часто въ розовыхъ сумеркахъ токійскаго вечера, сидя на цыновкѣ японскаго ресторана, бесѣдовалъ я съ Дебучи о китайскихъ событіяхъ. Онъ понималъ ихъ, какъ никто, зналъ всѣхъ китайскихъ генераловъ, зналъ борьбу личныхъ амбицій внутри гоминдана. Онъ говорилъ мнѣ на своемъ безупречномъ англійскомъ языкѣ съ легкимъ японскимъ акцентомъ: «Не думайте, что мы боимся новаго Китая, что мы будемъ ставить препятствія Чанъ-Кай-Шеку. Никогда. Японія — бѣдная страна. Мы не можемъ отказаться отъ тѣхъ капиталовъ, которые мы вложили въ Китай. Но, вѣдь, для насъ Китай — это, въ первую очередь, рынокъ для японскихъ товаровъ. Новый Китай будетъ въ десятки разъ богаче теперешняго. И мы вовсе не заинтересованы тормазить развитіе китайскаго рынка. Я не думаю, впрочемъ, что и англичане боятся экономическаго развитія Китая, какъ вы ихъ въ этомъ подозрѣваете. Ихъ пугаетъ, скорѣе, угроза Индіи со стороны новаго Китая, внѣшняя политика котораго будетъ находиться подъ вашимъ сильнымъ вліяніемъ. Но помните твердо объ одномъ. Мы, японцы, не боимся новаго Китая, но мы никогда не примиримся съ совѣтизаціей Китая, т. е. съ фактическимъ присоединеніемъ его къ союзу совѣтскихъ республикъ, какъ вы сдѣлали это съ Внѣшней Монголіей. Будьте осторожны въ Китаѣ. Вамъ принадлежитъ тамъ

почти рѣшающее вліяніе, и на васъ лежитъ, поэтому, большая историческая отвѣтственность. Своими неправильными совѣтами и дѣйствіями вы можете причинить Китаю больше бѣдствій, чѣмъ флоты всѣхъ странъ, которые вы называете имперіалистическими, только потому, что они не хотятъ совѣтизаціи Китая. Помните и о томъ, что мы имѣемъ въ Манчжуріи спеціальные интересы. Тамъ лежитъ 200 тысячъ японскихъ труповъ. Это — большая плата за наши интересы. Мы не откажемся урегулировать этотъ вопросъ съ новымъ Китаемъ, но, вѣдь, это потребуетъ времени. И мы просимъ васъ, какъ друзья, не мѣшать такому урегулированію. Повѣрьте, что все это не имперіализмъ. Намъ нужна манчжурская сойя, безъ которой не можетъ жить японскій народъ. Если онъ почувствуетъ угрозу снабженію пищей Японіи, столкновеніе между нашими странами неминуемо. Вы знаете, что въ дипломатическихъ разговорахъ не принято говорить о войнѣ. Но я съ вами говорю сейчасъ, какъ вашъ личный другъ, а не дипломатъ. И я вамъ повторяю: наши страны находятся — и, по моему, должны находиться, — въ дружественныхъ отношеніяхъ, но если вы поставите подъ угрозу наши интересы въ Манчжуріи, столкновеніе неминуемо»...

Я зналъ, что Дебучи говоритъ совершенно искренно, и что онъ отражаетъ общественное мнѣніе Японіи, и не могъ не безпокоиться, поэтому, изъ за тѣхъ новыхъ директивъ, которыя давались по линіи совѣтской политики въ Китаѣ коминтерномъ черезъ проходимца Бородина. Изъ Китая довольно часто пріѣзжали въ Японію чиновники совѣтскаго посольства въ Пекинѣ и нѣкоторые военные инструкторы, въ ихъ числѣ нѣкто Ведерниковъ, ат-

таше въ Пекинѣ, прекрасно информированный въ китайскихъ дѣлахъ. Они приносили невеселыя вѣсти. Бородинъ поворачивалъ китайскую революцію все круче и круче налѣво, а въ его ближайшемъ окруженіи, пока, правда, еще осторожно, уже произносился лозунгъ «совѣтизаціи китайской революціи». Ведерниковъ былъ въ отчаяніи отъ этого лозунга. Онъ разсказывалъ, что наши военные инструкторы и политическіе совѣтники, работающіе съ Чанъ-Кай-Шекомъ, отзываются о немъ съ восторгомъ, какъ о честномъ демократѣ и твердомъ революціонерѣ. Но они прекрасно знаютъ, что Чанъ-Кай-Шекъ никогда не согласится съ лозунгомъ «совѣтизаціи» Китая и выступитъ противъ насъ, какъ только почувствуетъ, что Бородинъ начинаетъ проводить въ жизнь этотъ лозунгъ. Такое выступленіе Чанъ-Кай-Шека вызоветъ острую внутреннюю борьбу въ гоминданѣ, разложитъ ту соціально-политическую базу, на которую опирается Чанъ-Кай-Шекъ, обезсилитъ его и надолго ослабитъ размахъ движенія въ Китаѣ, вызвавъ вражду и ненависть къ намъ въ тѣхъ радикальныхъ китайскихъ кругахъ, которые теперь буквально молятся на Москву, считая ее единственнымъ искреннимъ другомъ китайскаго народа. Ведерниковъ разсказывалъ мнѣ, что Бородинъ вызвалъ къ себѣ совѣтскихъ военныхъ инструкторовъ изъ арміи Чанъ-Кай-Шека, роздалъ имъ специальные шифры для связи съ нимъ, и предложилъ выполнять свою «военно-техническую работу въ зависимости отъ политической обстановки и въ тѣсномъ контактѣ съ агентурой коминтерна». Практически это означало постановку вопроса о «пораженчествѣ», т. е. о томъ, чтобы въ извѣстный періодъ, когда понадобится нанести ударъ по личному авторитету Чанъ-Кай-Шека, съ

цѣлью замѣны его другимъ, болѣе лѣвымъ вождемъ изъ коммунистическаго лагеря, совѣтскіе военные инструкторы преднамѣренно содѣйствовали частичному пораженію арміи Чанъ-Кай-Шека, боровшихся въ это время на нѣсколькихъ флангахъ, изъ которыхъ шанхайская группа противниковъ, подъ командованіемъ Сунъ-Чуанъ-Фана, являлась самой опасной и самой важной въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Ведерниковъ сказалъ, что военные инструкторы были буквально взбѣшены директивой Бородина. Старшій изъ нихъ, Галинъ (онъ же Блюхеръ), находившійся въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Чанъ-Кай-Шекомъ, въ очень рѣзкой формѣ подчеркнулъ Бородину, что его директивы прямо преступны, и что онъ, Галинъ, отказывается выполнять ихъ, о чемъ лично телеграфируетъ Сталину. Аналогичное заявленіе сдѣлалъ другой старшій инструкторъ, Даровскій, и большая часть инструкторовъ, присутствовавшихъ на совѣщаніи. Только небольшая часть инструкторовъ подчинилась немедленно распоряженію Бородина. Этотъ «бунтъ» военныхъ инструкторовъ противъ Бородина былъ подавленъ телеграммой Сталина, потребовавшаго отъ нихъ безпрекословнаго выполненія бородинскаго распоряженія. Часть инструкторовъ была отозвана въ Москву и тамъ предана партійному суду по всякимъ случайнымъ поводамъ, вродѣ пресловутаго «бытового разложенія», пьянства и недисциплинированности.

Интересно, что вспослѣдствіи одной изъ непосредственныхъ причинъ разрыва Чанъ-Кай-Шека съ Москвой явилась именно эта «пораженческая» директива Бородина. Въ разгаръ боевъ съ арміями Сунъ-Чуанъ-Фана и Чанъ-Цзунъ-Чана была перехвачена шифрованная теле-

грамма Бородина къ Даровскому съ предписаніемъ саботировать руководство группы войскъ, во главѣ которыхъ онъ фактически стоялъ, и, по возможности, задерживать взятіе Шанхая. Бородинъ опасался, что, взявъ Шанхай, Чанъ-Кай-Шекъ настолько укрѣпитъ свой личный автоpитетъ, что сбросить его потомъ будетъ почти невозможно. Въ это время уже нѣсколько китайскихъ генераловъ, за приличную цѣну, разумѣется, вступили въ ряды коммунистической партіи. Въ Шанхаѣ шла дѣятельная подготовка отрядовъ красной гвардіи. Планъ Бородина былъ очень простъ: подвести армію Чанъ-Кай-Шека подъ пораженіе и тѣмъ дать возможность одному изъ «коммунистовъ»-генераловъ свалить Чанъ-Кай-Шека. Одновременно отряды красной гвардіи должны были возстать въ Шанхаѣ и выгнать изъ города деморализованныхъ солдатъ Чанъ-Цзунъ-Чана, среди которыхъ только нѣсколько отрядовъ изъ эмигрантовъ-офицеровъ представляли реальную силу. Послѣ успѣха возстанія въ Шанхаѣ должно было быть провозглашено революціонное правительство типа совнаркома и начата широкая организація китайской красной арміи.

Весь этотъ планъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе случайности. Шифрованная телеграмма сдѣлалась извѣстной Чанъ-Кай-Шеку, и онъ немедленно посадилъ подъ арестъ совѣтскаго инструктора, отстранивъ его отъ командованія. Шанхай былъ взятъ арміей Чанъ-Кай-Шека, а одинъ изъ его тогдашнихъ помощниковъ, Бай-Цзунъ-Чи, сразу же разоружилъ отряды шанхайской красной гвардіи.

Я немедленно почувствовалъ на своей работѣ новую фазу китайской политики коминтерна. Останавливаясь на рѣшеніи «совѣтизировать» китайскую революцію, въ Мо-

сквѣ отлично понимали, что такое рѣшеніе увеличиваетъ шансы иностранной интервенціи въ Китаѣ. Но въ Москвѣ по прежнему полагали, что безъ участія Японіи военная интервенція въ Китаѣ невозможна. Японія являлась единственнымъ государствомъ, которое могло въ короткій срокъ перебросить въ Китай 10-15 дивизій, необходимыхъ для интервенціи. Поэтому, «совѣтизируя» китайскую революцію, въ Москвѣ считали крайне необходимымъ вбивать какъ можно глубже клинъ между Японіей и Англіей, являвшейся единственнымъ инціаторомъ идеи военной интервенціи въ Китаѣ. Считалось, что не представитъ особыхъ затрудненій совершенно разъединить эти двѣ страны и разбить возможность ихъ согласованныхъ выступленій въ Китаѣ. На это былъ рядъ объективныхъ данныхъ. Были и субъективныя данныя, въ видѣ чрезвычайной слабости англійскаго посла въ Токіо, сэра Тилли, недавно переведеннаго туда изъ одной южно-американской республики и не сумѣвшаго завоевать себѣ ни личныхъ симпатій, ни прочнаго положенія во вліятельныхъ японск. кругахъ. Въ Москвѣ полагали, что Японію не можетъ безпокоить перспектива полнаго вытѣсненія англійскаго вліянія изъ Китая, и что «умѣлое маневрированіе» (такъ писалъ мнѣ изъ Пекина Караханъ) революціоннаго китайскаго правительства въ своихъ отношеніяхъ съ Японіей явится одной изъ важнѣйшихъ задачъ международной политики побѣдоносной китайской революціи».

Я считалъ такой взглядъ въ корнѣ ошибочнымъ. Конечно, Японію отдѣляли отъ Англіи и обида за отказъ поддержать такъ называемыя «15 требованій», и разрывъ англо-японскаго союза послѣ вашингтонской конференціи, и кампанія англійской прессы, вмѣстѣ съ американ-

ской прессой требовавшей ухода Японіи изъ Шань-Дуня, и, наконецъ, постройка Сингапурской базы. Отдѣляла Японію отъ Англіи конкуренція японскаго текстиля съ англійскимъ въ Среднемъ Китаѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ эти антагонизмы шли лишь до извѣстнаго предѣла. И если англійское господство въ Индіи попадало подъ угрозу, въ случаѣ появленія въ Пекинѣ сильнаго китайскаго правительства кемалистскаго типа, то совѣтизированный Китай означалъ для Японіи аналогичную угрозу въ Кореѣ и на Формозѣ, помимо непосредственной угрозы въ Манчжуріи. Японцы прекрасно понимали, что китайское совѣтское правительство немедленно свяжется прямымъ союзомъ съ Москвой, которая не сможетъ не поддержать его напора на японскіе интересы. Въ этомъ отношеніи моя бесѣда съ Дебучи давала мнѣ полное основаніе думать, что совѣтизированіе Китая вызоветъ не только участіе японцевъ въ интервенціи внутри Китая, но и новую русско-японскую войну.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, внутри политбюро, не было еще единаго мнѣнія о нашей тактикѣ въ Китаѣ. По имѣвшимся у меня нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, этотъ вопросъ долженъ былъ окончательно рѣшаться въ зависимости отъ перспективъ японо-совѣтскихъ отношеній. Въ этихъ условіяхъ я не считалъ для себя возможныхъ выполнять à la lettre безчисленныя директивы, въ изобиліи получавшіяся изъ Москвы. Я рѣшилъ, что моментъ невозможности договориться съ Японіей, въ случаѣ окончательнаго рѣшенія «совѣтизировать» китайскую революцію, слѣдуетъ подчеркивать возможно чаще передъ политбюро, чтобы ослабить позиціи сторонниковъ «совѣтизаціи».

Вскорѣ представился случай провѣрить правильность

моей оцѣнки японской внѣшней политики. Я получилъ телеграмму отъ политбюро, за подписью Сталина, съ предписаніемъ немедленно предложить японцамъ подписать договоръ о ненападеніи, арбитражѣ и т. д., по образцу совѣто-германскаго. Подписаніе такого договора должно было оттолкнуть Японію отъ Англіи, окончательно лишивъ ее возможности координировать съ Англіей свою политику въ отношеніи СССР. Разумѣется, это развязывало полностью руки Бородину въ Китаѣ, такъ какъ, повторяю, угроза японскаго вмѣшательства была главнымъ козыремъ сторонниковъ умѣренной политики въ Китаѣ.

Я принялся безъ всякаго воодушевленія и безъ излишней торопливости выполнять порученіе политбюро. Предварительно я сдѣлалъ попытку отговорить политбюро отъ этой мысли. Я отвѣтилъ вѣжливо, но ясно, что такія предложенія нельзя дѣлать безъ предварительнаго зондажа и подготовки, такъ какъ иначе японцы могутъ посмотрѣть на это предложеніе, какъ на простую провокацію. Я разъяснилъ, что японцы связаны рядомъ международныхъ обязательствъ, связаны своимъ положеніемъ члена Лиги Націй и т. д. Наконецъ, я добавилъ, что подобнаго рода переговоры представляютъ очень сложную задачу съ точки зрѣнія дипломатической техники и что я хотѣлъ бы получить одновременно съ общими политическими указаніями, также и техническія директивы изъ наркоминдѣла (я прекрасно зналъ, что телеграмма политбюро дана черезъ голову наркоминдѣла, и мнѣ хотѣлось хотя бы такимъ контрабанднымъ способомъ заставить политбюро привлечь къ рѣшенію этого вопроса коллегію наркоминдѣла, въ которой имѣлись противники авантюры

Бородина), такъ какъ иначе мнѣ трудно будетъ маневрировать.

Мнѣ немедленно было отвѣчено телеграммой политбюро, снова за подписью Сталина, что вопросъ маневрированія предоставляется моему личному усмотрѣнію, но что «договоръ должно подписать **во что бы то ни стало** и въ кратчайшій срокъ». Характеръ отвѣта, а также то обстоятельство, что наркоминдѣлъ намѣренно оставлялся въ сторонѣ отъ этого важнѣйшаго акта нашей международной политики, не оставляли во мнѣ никакихъ сомнѣній: Бородинъ одерживалъ, въ Москвѣ, понятно, а не въ Китаѣ, побѣду по всей линіи.

Я отправился къ доктору Сольфу, съ которымъ имѣлъ подробный обмѣнъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ дальневосточной политики. Во время разговора я, между прочимъ, спросилъ у Сольфа, что онъ думаетъ о возможности подписанія японо-совѣтскаго договора о ненападеніи и арбитражѣ. Я, конечно, не сказалъ Сольфу, что у меня имѣется уже оффиціальное порученіе (телеграмма политбюро являлась оффиціальнымъ порученіемъ) начать такіе переговоры съ японскимъ правительствомъ, но, думаю, что докторъ Сольфъ, при его большомъ умѣ и дипломатической опытности, могъ понять это и безъ моихъ словъ. Впрочемъ, уже передъ моимъ отъѣздомъ изъ Японіи, лѣтомъ 1927-го года, я разсказалъ Сольфу о томъ устномъ соглашеніи, которое состоялось впослѣдствіи между мною и Дебучи и явилось суррогатомъ договора о ненападеніи.

Докторъ Сольфъ прямо отвѣтилъ мнѣ, что не допускаетъ возможности подписанія такого договора. Зон-

дажъ, произведенный по разнымъ другимъ линіямъ, далъ такіе же результаты.

Я отвѣтилъ политбюро, что зондажъ далъ отрицательные результаты, и что я поэтому не считаю удобнымъ предлагать японцамъ подписаніе договора о ненападеніи. Черезъ два-три дня получилась сердитая телеграмма отъ Сталина съ требованіемъ добиться «пока-что» подписанія «хотя какого-нибудь протокола, напримѣръ, японо-совѣтскаго протокола о взаимномъ отказѣ отъ интервенціи Китая». Прочитавъ эту телеграмму, я могъ только пожать плечами, и черезъ нѣсколько дней далъ отвѣтъ, что «произведенный зондажъ (никакого зондажа я на этотъ разъ и не производилъ) выяснилъ абсолютную невозможность предлагать японцамъ подписаніе такого протокола».

Прошло нѣсколько дней. Отъ Сталина получилась рѣзкая телеграмма съ категорическимъ предписаніемъ немедленно, не взирая на результаты предварительнаго зондажа, предложить японцамъ подписаніе договора о ненападеніи.

Скрѣпя сердце, я отправился къ Дебучи. Мнѣ надо было закончить нѣсколько вопросовъ конфликтнаго порядка, связанныхъ съ рыболовными и краболовными дѣлами. Въ концѣ разговора я сказалъ Дебучи, что у меня имѣется къ нему очень серьезное дѣло, которое пока я ставлю въ полуоффиціальномъ порядкѣ. Послѣ этого вступленія я изложилъ ему суть предложенія Москвы. Въ первую минуту онъ, очевидно, настолько былъ пораженъ моимъ предложеніемъ, что пытался отдѣлаться шутливыми отвѣтами. Но, когда я вторично подчеркнулъ, что дѣлаю свое предложеніе по порученію изъ Москвы, Дебучи сказалъ, что надо, прежде всего, изучить юридиче-

скую сторону такого договора, и что лишь послѣ этого онъ сможетъ дать мнѣ предварительный отвѣтъ. Я обѣщалъ прислать ему текстъ совѣто-германскаго договора.

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ Москва не прекращала засыпать меня настойчивыми телеграммами съ требованіемъ ускорить отвѣтъ. Я отбивался, указывая, что нельзя обнаруживать черезчуръ большую настойчивость въ этомъ вопросѣ.

Когда я посѣтилъ Дебучи для вторичнаго разговора, онъ сказалъ мнѣ, что японское правительство не можетъ пойти на подписаніе договора о ненападеніи и арбитражѣ, такъ какъ такой договоръ, какъ всякій юридическій актъ японской внѣшней политики, долженъ пойти на утвержденіе верховнаго тайнаго совѣта при императорѣ. Верховный тайный совѣтъ, безусловно, не одобритъ такого договора, и японское правительство не можетъ поэтому и думать о переговорахъ, предлагаемыхъ совѣтскимъ правительствомъ. Вмѣсто немедленнаго подписанія такого договора японское правительство предлагаетъ совѣтскому правительству слѣдующее. Какъ извѣстно, пекинское соглашеніе 1925 г. явилось своего рода временнымъ актомъ, возобновившимъ нормальныя дипломатическія отношенія между Японіей и совѣтскимъ союзомъ. Въ этомъ актѣ указано, что обѣ стороны подпишутъ впослѣдствіи рыболовную конвенцію и торговый договоръ. Вотъ почему японское правительство считаетъ необходимымъ исчерпать раньше временное пекинское соглашеніе, замѣнивъ его договоромъ, въ которомъ имѣлись бы и статьи о ненападеніи и арбитражѣ.

Я невольно улыбнулся, выслушавъ этотъ отвѣтъ Дебучи. Японцы явно не желали связывать свою китайскую

политику какими бы то ни было обязательствами передъ Москвой. Но они не желали также давать рѣзкаго отрицательнаго отвѣта, подчеркивая этимъ независимость ихъ китайской политики отъ влiянiя англiйскихъ консерваторовъ. Переговоры о подписанiи рыболовной конвенцiи и торговаго договора могли продлиться нѣсколько лѣтъ, — достаточно длинный перiодъ времени, въ продолженiи котораго обстановка въ Китаѣ должна была окончательно выясниться.

Я не пытался убѣждать Дебучи въ необходимости немедленнаго подписанiя договора о ненападенiи. Вѣроятно, онъ былъ удивленъ тѣмъ отсутствiемъ настойчивости, которое я проявлялъ при выполненiи этого важнѣйшаго порученiя. Я ограничился передачей въ Москву японскаго отвѣта. Снова посыпались телеграммы, одна безтолковѣе другой. Предлагалось соблазнять японцевъ разными хозяйственными уступками въ Приморьи и на Камчаткѣ, обѣщать всякiя концессiи, словомъ, въ Москвѣ полагали, что японское правительство можетъ рѣшать этотъ серьезнѣйшiй для Японiи вопросъ въ зависимости отъ мелкихъ интересовъ отдѣльныхъ группъ японскихъ промышленниковъ. Я, конечно, не предлагалъ японцамъ этихъ уступокъ, отвѣтивъ Москвѣ, что нельзя дѣлать грошевыхъ предложенiй, когда рѣчь идетъ, можетъ быть, о существеннѣйшихъ интересахъ Японiи. Въ одной изъ своихъ телеграммъ я рискнулъ сдѣлать прозрачный намекъ: я сообщилъ, подъ видомъ информацiи, что если бы Бородина убрали изъ Китая, японское правительство могло бы пойти навстрѣчу нашему предложенiю. Я не знаю, былъ ли понятъ Сталинымъ этотъ намекъ, но не прошло и недѣли, какъ снова получилась длинная телеграмма, на

этотъ разъ, скорѣе, въ тонѣ просьбы, чѣмъ приказанія (это свидѣтельствовало о тяжеломъ положеніи Сталина внутри политбюро). Въ ней говорилось, что необходимо добиться «хотя бы устнаго соглашенія о ненападеніи, и что отъ васъ ждутъ самой напряженной работы для достиженія этого устнаго соглашенія».

Мое вторичное предложеніе не удивило Дебучи. Онъ сначала ограничился повтореніемъ уже изложенной имъ точки зрѣнія японскаго правительства, а затѣмъ добавилъ: «Впрочемъ, я могу вамъ заявить отъ имени японскаго правительства, что Японія не собирается нападать на совѣтскій союзъ». Я вынужденъ былъ тутъ же подхватить это заявленіе, сказавъ, отъ имени совѣтскаго правительства, что совѣтскій союзъ также не собирается нападать на Японію. . .

Объ этомъ разговорѣ мною была послана подробная телеграмма Сталину, съ указаніемъ, что больше ничего сдѣлать нельзя и что дальнѣйшіе переговоры съ японцами по этому вопросу безцѣльны. Однако, въ Москвѣ приняли этотъ разговоръ за устное соглашеніе о ненападеніи между нами и Японіей, о чемъ я узналъ изъ информаціонной шифрованной телеграммы, разосланной изъ Москвы въ нѣсколько совѣтскихъ посольствъ; копія была получена и въ Токіо. Въ этой телеграммѣ говорилось, что «нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Токіо, послѣ длительныхъ переговоровъ, удалось добиться заключенія съ японскимъ правительствомъ устнаго соглашенія о ненападеніи и арбитражѣ. Это соглашеніе, которымъ мы обязаны искусству и ловкости товарища Бесѣдовскаго, будетъ имѣть большое значеніе для нашей дѣятельности въ Китаѣ».

Мнѣ оставалось только пожать плечами. Изъ соображеній внутренней партійной борьбы и склоки въ политбюро, я, совершенно незаслуженно, объявлялся героемъ. Въ томъ дѣлѣ, которое я саботировалъ, какъ только могъ, вдругъ признавались мои несуществующія заслуги. Какъ бы то ни было, въ Москвѣ считалось безспорнымъ, что существуетъ японо-совѣтское **секретное** устное соглашеніе. Слухи объ этомъ проникли и въ иностранную печать. На самомъ дѣлѣ было лишь genteleman agreement между мной и Дебучи.

Между тѣмъ событія въ Китаѣ развивались въ головокружительномъ темпѣ. Авантюра Бородина явно разлагала гоминданъ, тѣмъ самымъ разлагая китайское національное движеніе. Попытки подкупить отдѣльныхъ генераловъ національной арміи, натравивъ ихъ на Чанъ-Кай-Шека, подъ видомъ коммунистическаго движенія, вносили въ національную армію, только начинавшую укрѣплять свое единство, старый духъ продажности, интриганства, и авантюризма, присущій китайской милитаристической кликѣ. Національное движеніе начало хирѣть подъ измѣнническими ударами въ спину, наносимыми ему Бородинымъ. Анархія начала постепенно заливать мутными волнами китайскую революцію. Бородинъ еще сидѣлъ въ Ханькоу, переименованнымъ, вмѣстѣ съ Учаномъ и Ханьяномъ, въ Ухань, и пытался играть прежнюю роль идеолога и руководителя китайской революціи. Тѣнь Сунъ-Ятъ-Сена еще стояла за нимъ. Въ день своей смерти, Сунъ-Янъ-Сенъ обратился къ своимъ ученикамъ, указавъ имъ на Бородина, какъ на представителя Россіи, страны, не заинтересованной въ раздробленіи Китая и въ задержкѣ его политическаго и хозяйственнаго раскрѣпо-

щенія. Авторитетъ Бородина въ китайскихъ кругахъ, покоился, главнымъ образомъ, на этомъ предсмертномъ завѣщаніи Сунъ-Ятъ-Сена. Но политика коминтерна, проводимая черезъ Бородина, разлагая китайское національное движеніе, мало по малу сводила къ нулю и личный авторитетъ Бородина, превращая его въ одинокую фигуру. Столкновеніе Бородина съ Чанъ-Кай-Шекомъ, ослабившее Чанъ-Кай-Шека и отсрочившее на долгіе годы процессъ полнаго политическаго выздоровленія Китая, свело съ политической арены и Бородина, вся цѣнность котораго для Москвы была исключительно въ его личной популярности среди китайскихъ революціонныхъ дѣятелей. Послѣ полнаго краха коминтерновской политики въ Китаѣ, начали яростно искать виновныхъ. Въ качествѣ виновнаго, дѣятели коминтерна пытались изобразить и Бородина, причемъ ему ставилось въ вину «саботированіе директивъ коминтерна и недооцѣнка аграрнаго вопроса». Конечно, все это были пустяки, и кратковременный замѣститель Бородина въ Китаѣ, нѣкто Ломинадзе, другъ Сталина, при всей своей напористости и готовности зачислить въ коммунисты любого врага Чанъ-Кай-Шека, вплоть до разныхъ открытыхъ бандитовъ съ самозванными генеральскими лампасами, не могъ спасти отъ полнаго разгрома китайскую коммунистическую партію и русское вліяніе въ Китаѣ.

Въ Японіи не сразу поняли истинный смыслъ рѣзкой борьбы Бородина съ Чанъ-Кай-Шекомъ. Тамъ, очевидно, не могли повѣрить, что мы собственными руками будемъ съ такой легкостью уничтожать свое же собственное вліяніе въ Китаѣ. Японцы думали сначала, что въ Москвѣ не довѣряютъ **персонально** Чанъ-Кай-Шеку въ смыслѣ его

руссофильскихъ симпатій. Японцы думали, что, можетъ быть, мы подозрѣваемъ Чанъ-Кай-Шека въ черезчуръ горячихъ японофильскихъ симпатіяхъ (онъ, какъ извѣстно, учился въ японской академіи генеральнаго штаба)

Помню одинъ изъ своихъ разговоровъ съ Дебучи о китайскихъ дѣлахъ. Онъ долго и настойчиво спрашивалъ мое мнѣніе о Чанъ-Кай-Шекѣ, а затѣмъ задалъ вопросъ, кто можетъ стать во главѣ китайскаго національнаго движенія вмѣсто Чанъ-Кай-Шека. Мы перебрали около двухъ десятковъ именъ: Танъ-Шенъ-Чжи, Бай-Цзунъ-Чи, У-Цзинъ-Вей, Да-Инъ-Да, Ху-Ханъ-Минъ и др. Одни были черезчуръ правыми, другіе черезчуръ лѣвыми, третьи не имѣли достаточнаго авторитета. Для меня сдѣлалось совершенно яснымъ, что Чанъ-Кай-Шекъ единственная фигура, способная объединить китайскую революцію, и что ударяя по Чанъ-Кай-Шеку, Сталинъ наноситъ преступный ударъ китайскому національному движенію и нашимъ государственнымъ интересамъ въ Китаѣ. Для меня сдѣлался яснымъ и тотъ фактъ, что Японія готова была бы идти вмѣстѣ съ нами очень далеко въ помощи и поддержкѣ китайскаго національнаго движенія, но что та же самая преступная политика коминтерна заставитъ ее, въ концѣ концовъ, и прямо и закулисно, выступать въ Китаѣ. Когда отряды японской морской пѣхоты появились въ Шанхаѣ и въ Ханькоу, я понялъ, что періодъ колебаній Японіи закончился.

Въ февралѣ 1927-го года я получилъ сообщеніе изъ Москвы, что совѣтскимъ посломъ назначенъ бывшій совѣтскій посланникъ въ Швеціи, Довгалевскій. Это сообщеніе обрадовало меня, такъ какъ по причинамъ личнаго характера я вынужденъ былъ просить Москву о своемъ

отзывѣ изъ Японіи. Дѣлалъ я это съ тяжелымъ сердцемъ, такъ какъ успѣлъ за короткій срокъ узнать страну, изучить языкъ, а, главное, привязаться къ Японіи. Но здоровье мое начало вдругъ подтачиваться, а, главное, остро ухудшилось состояніе здоровья моей жены и сына. У жены происходили длительные глубокіе обмороки, она часто теряла сознаніе и падала, а мальчикъ быстро худѣлъ и часто кашлялъ. Врачи напугали меня возможностью появленія анеміи мозга у жены. Я потребовалъ разрѣшенія немедленно выѣхать въ Россію, но изъ Москвы хладнокровно отвѣтили, что я смогу уѣхать лишь послѣ пріѣзда посла и введенія его въ курсъ работы. Всѣ мои протесты ни къ чему не привели.
долго съ Довгалевскимъ, я имъ не очень интересовался.
Кой-какія свѣдѣнія о немъ у меня были. О Довгалевскомъ

Такъ какъ мнѣ не предстояло работать черезчуръ
отзывались, какъ о добросовѣстномъ чиновникѣ, очень молчаливомъ, очень трусливомъ передъ начальствомъ, немного заносчивомъ съ подчиненными. Такъ какъ онъ 15 лѣтъ прожилъ во Франціи, онъ вполнѣ свободно говоритъ и пишетъ по-французски. Способностями не блещетъ и съ трудомъ оріентируется въ новой работѣ.

Гораздо болѣе неутѣшительныя свѣдѣнія были о его женѣ. Это — дама уже около 50 лѣтъ, успѣвшая перемѣнить нѣсколько мужей и усиленно молодящаяся. Происходитъ она изъ дворянъ, и этимъ обстоятельствомъ очень гордится въ интимныхъ разговорахъ. Очень любитъ танцовать съ молодыми людьми, для чего въ Парижѣ впослѣдствіи ходила даже, часто по ночамъ, въ дансинги, гдѣ танцовала съ платными танцорами. Но самый большой недостатокъ этой дамы — ея антисемитизмъ.

Бѣдный Довгалевскій, самъ еврей, не только упорно скрываетъ изъ-за этого свое еврейское происхожденіе, но вынужденъ часто терпѣть отъ своей жены всякаго рода замѣчанія насчетъ «гомель-гомельской націи». Впрочемъ, мадамъ Довгалевская не отличается большой храбростью, при малѣйшемъ отпорѣ сразу же проникается уваженіемъ къ тѣмъ, кто даетъ ей этотъ отпоръ. Такъ, я помню, что когда она вздумала сдѣлать мнѣ это замѣчаніе о «гомель-гомельской націи», я отбрилъ ее, правда, не совсѣмъ литературными, но вполнѣ «истинно-русскими» словами, и съ той поры она питала ко мнѣ несомнѣнное уваженіе.

Впослѣдствіи Довгалевскій имѣлъ изъ-за своей жены большую непріятность. Одинъ изъ крупнѣйшихъ агентовъ ГПУ въ Румыніи, нынѣ арестованный, имѣвшій доступъ и къ румынскимъ шифрамъ и ко всѣмъ секретнымъ донесеніямъ сигуранцы, сообщилъ въ Москву, что мадамъ Довгалевская познакомилась въ одномъ изъ ночныхъ дансинговъ съ нѣсколькими знатными румынами, постоянно встрѣчаясь съ ними для танцевъ въ Парижѣ и въ одномъ изъ популярныхъ загородныхъ дансинговъ. Политбюро объявило за это строгій выговоръ Довгалевскому, а его жена была немедленно вызвана, подъ предлогомъ лѣченія, въ Москву, гдѣ ей пришлось дать въ ГПУ подробный отчетъ о своихъ ночныхъ похожденіяхъ. Лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ двухмѣсячнаго домашняго ареста, ей удалось получить разрѣшеніе снова выѣхать въ Парижъ, причемъ ГПУ держитъ въ качествѣ заложника одного изъ ея дѣтей (не отъ Довгалевскаго).

По пріѣздѣ своемъ въ Токіо, Довгалевскій прямо заявилъ мнѣ, что раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не сможетъ оріентироватьоя въ новой работѣ, и что мнѣ при-

дется остаться съ нимъ до сентября, причемъ онъ предоставляетъ мнѣ полную свободу въ руководствѣ полпредствомъ. Это обѣщаніе онъ сдержалъ, и я, дѣйствительно, до своего отъѣзда изъ Токіо продолжалъ руководить полпредствомъ. Довгалевскій нѣсколько мѣсяцевъ жилъ на дачѣ, а я оставался въ Токіо со званіемъ повѣреннаго въ дѣлахъ, что чрезвычайно удивляло и японское министерство иностранныхъ дѣлъ и весь дипломатическій корпусъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ произошли даже нѣкоторыя осложненія внутри дипломатическаго корпуса, особенно въ итальянскомъ посольствѣ, во главѣ котораго стоялъ графъ Де-ля Торре-ди-Лаванья. Совѣтники нѣкоторыхъ посольствъ, опираясь на прецендентъ со мной, требовали отъ своихъ пословъ, чтобы тѣ, уѣзжая на дачу, оставляли ихъ повѣренными въ дѣлахъ (это дало бы имъ матеріальныя и служебныя преимущества). Между тѣмъ, въ дипломатическомъ корпусѣ въ Японіи, гдѣ дипломаты изъ-за жаркаго климата часто выѣзжали на дачи, сложился обычай, что замѣститель посла остается повѣреннымъ только въ случаѣ выѣзда посла за предѣлы Японіи. Послѣ нѣкоторой борьбы, совѣтники побѣдили пословъ, и я невольно создалъ «дипломатическій прецедентъ» въ Японіи, какъ создалъ впослѣдствіи во Франціи уже гораздо болѣе серьезный «cas Bessedovsky», пригласивъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, полицію на территорію посольства для освобожденія моей семьи, арестованной вмѣстѣ со мной чекистомъ Ройзенманомъ. . .

Нанкинскіе инциденты и выявившееся «пораженчество» совѣтскихъ инструкторовъ въ арміяхъ Чанъ-Кай-Шека явились кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи перваго этапа китайской національно-соціальной рево-

люціи. Мнѣ пришлось слышать, уже потомъ, въ Москвѣ, отъ одного изъ самыхъ информированныхъ въ китайскихъ дѣлахъ человѣка, что нанкинскіе инциденты были вызваны однимъ китайскимъ генераломъ, получившимъ за устроенный имъ грабежъ и рѣзню иностранцевъ крупную сумму отъ Бородина. Разсказывавшее мнѣ объ этомъ лицо, одинъ изъ членовъ совѣтскаго правительства, крайне возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что грабежъ и рѣзня были устроены неумѣло, и даже пустило такую фразу: «Ахъ, если бъ туда пустили Буденнаго съ дивизіей, рѣзанули бы на славу». Смыслъ этой провокаціи заключался въ желаніи скомпрометировать Чанъ-Кай-Шека передъ иностранцами и заодно вызвать отвѣтныя американско-англійскія репрессіи, чтобы раздуть ихъ въ совѣтской и иностранной прессѣ. Дѣйствительно, при первыхъ же свѣдѣніяхъ о бомбардировкѣ Нанкина англо-американскими морскими силами, вызванной желаніемъ спасти отъ рѣзни скрывшихся на складахъ Нобеля иностранцевъ, «Тассъ» немедленно сообщилъ о шести тысячахъ убитыхъ бомбардировкой китайцевъ. Съ этимъ сообщеніемъ получился большой конфузъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней получилась длинная телеграмма отъ представителя «Тасса» въ Китаѣ, сообщавшая не о шести тысячахъ, а о трехъ убитыхъ и трехъ раненыхъ при бомбардировкѣ. . .

Ссора съ Чанъ-Кай-Шекомъ вызвала настойчивые поиски болѣе лѣваго вождя. Сначала остановились на Ванъ-Цзинъ-Веѣ.

Замѣнившій уѣхавшаго изъ Китая Бородина новый представитель коминтерна, Ломинадзе, личный другъ Сталина, долженъ былъ «обработать» и приспособить Ванъ-Цзинъ-Вея. Но надежды остались напрасными. Ванъ-

Цзинъ-Вей, дѣятель чисто кабинетнаго типа, оказался непригоднымъ въ качествѣ вождя и руководителя бурлящаго потока китайской революціи. Онъ не хотѣлъ также быть простой маріонеткой въ рукахъ Ломинадзе. Мысль выдвинуть противъ Чанъ-Кай-Шека равноцѣнную ему политическую фигуру, но съ ярко-лѣвой полукоммунистической окраской, осталась безплодной. Но, въ поискахъ такой фигуры и въ вызванной этими поисками напряженной борьбѣ внутри гоминдана, раскололась и ослабѣла эта партія китайской революціи, былъ подорванъ авторитетъ «вождя сѣвернаго похода», темпъ развитія событій въ Китаѣ былъ задержанъ на многіе годы провозглашеніемъ искусственнаго лозунга «совѣтизаціи» китайской революціи.

Это одно изъ преступленій Сталина, продиктованное ему его фанатической узостью, соображеніями внутрипартійной борьбы и полнымъ непониманіемъ движущихъ силъ китайской революціи. Китайскій народъ платитъ за это преступленіе милліонами жертвъ, какъ и русское крестьянство, расплачивающееся за преступную политику того же Сталина. Но, когда придетъ освобожденіе, демократическія группировки въ Россіи сумѣютъ въ дружбѣ съ китайскимъ народомъ исправить преступленія Сталина и наладить дружбу и сотрудничество двухъ великихъ народовъ.

Мнѣ пришлось присутствовать въ Токіо и при послѣднихъ судорогахъ новаго курса въ Китаѣ. Послѣ долгихъ безрезультатныхъ попытокъ замѣнить Чанъ-Кай-Шека болѣе покладистымъ лѣвымъ вождемъ, были найдены два авантюриста-«генерала» разбойничьяго типа — Іе-Тинъ и Хо-Лунъ, согласившіеся за приличную плату

принять отъ коминтерна военное командованіе и политическое лидерство въ провинціи Хонань. Эти «генералы» получили директиву начать военное наступленіе противъ Чанъ-Кай-Шека, причемъ одновременно шанхайскіе профессіональные союзы должны были готовиться къ вооруженному выступленію противъ Бай-Цзунъ-Чи.

Въ августѣ 1927-го года я получилъ шифрованную телеграмму за подписью члена правленія госбанка Спунде, извѣщавшую меня, что по постановленію политбюро ассигновано 2 милліона долларовъ на поддержку движенія Іе-Тина и Хо-Луна и выступленія шанхайскихъ профессіональныхъ союзовъ. Спунде предлагалъ, поэтому, торгпредству начать скупку на токійской биржѣ чековъ на представителя на Нью-Іоркъ и переслать затѣмъ эти чеки въ Шанхай черезъ вполнѣ надежныхъ лицъ, передавая ихъ въ распоряженіе спеціальныхъ лицъ по указанію совѣтскаго генеральнаго консульства въ Шанхаѣ.

Я отвѣтилъ Москвѣ, что считаю совершенно невозможнымъ поручить торгпредству такую операцію на токійской биржѣ. Эта операція не могла ускользнуть отъ вниманія японскаго правительства, которое могло заподозрить, что чеки скупаются для революціонныхъ цѣлей внутри Японіи, и тогда посольство оказалось бы передъ лицомъ серьезнѣйшихъ дипломатическихъ осложненій.

Спунде пытался спорить со мной и давить на меня черезъ Сталина. Я остался при своемъ мнѣніи, категорически отвѣтивъ, что отказываюсь принять на себя выполненіе этой операціи. Одновременно я воспользовался случаемъ и сообщилъ телеграфно Сталину, что считаю такой расходъ политически безцѣльнымъ, а съ финансовой стороны преувеличеннымъ. Въ глубинѣ души я считалъ,

что, если ужъ политбюро во что бы то ни стало хочетъ купить двухъ разбойниковъ, Іе-Тина и Хо-Луна, то цѣна, которую они требуютъ, черезчуръ высока, и что за пару сотъ тысячъ долларовъ съ ними можно было бы поладить. Я прекрасно зналъ состояніе валютныхъ фондовъ совѣтской Россіи, и мысль о томъ, что изъ этихъ скудныхъ фондовъ еще два милліона долларовъ уплывутъ въ бездонные карманы китайскихъ авантюристовъ, буквально не давала мнѣ покоя.

Изъ Москвы получился отвѣтъ. Въ немъ сообщалось, что политбюро не нуждается въ моихъ политическихъ совѣтахъ, но что мои указанія о политической опасности покупать чеки на токійской биржѣ приняты къ свѣдѣнію. Ввиду этого вся сумма въ 2 милліона долларовъ будетъ переслана дипломатической почтой, купюрами въ тысячу и пять тысячъ долларовъ.

Послѣ этого ассигнованія, было ассигновано на ту же цѣль еще одинъ милліонъ іенъ, реализованныхъ черезъ банки ввидѣ чековъ.

Эти деньги пришлось отправить въ Шанхай черезъ особо надежныхъ людей, такъ какъ вся отвѣственность за сохранность денегъ была возложена на меня персонально (деньги получались въ мое личное распоряженіе, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ). Въ качествѣ дипломатическихъ курьеровъ были использованы секретари посольства, Астаховъ и Аустринъ, пріѣхавшіе въ Шанхай и передавшіе деньги въ совѣтское генеральное консульство.

Я пишу эти строки, и мнѣ приходитъ на умъ, что всего черезъ два года послѣ этого, когда я порвалъ навсегда со сталинскимъ режимомъ, у его представителей хватило наглости объяснять причины моего ухода кражей

нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, а тупоумный чекистъ Ройзенманъ, съ догадливостью мелкаго сыщика, обвинялъ меня въ кражѣ серебряныхъ ложекъ. Поистинѣ надо питать глубочайшее презрѣніе къ дипломатическимъ представителямъ своего собственнаго государства и къ самимъ себѣ, чтобы на весь міръ такъ объяснять причины ихъ разрыва со своимъ правительствомъ. . .

Лѣтомъ 1927-го года мнѣ пришлось пережить немало непріятностей изъ-за работы коминтерна въ Кореѣ. Представителемъ коминтерна и профинтерна въ Кореѣ являлся совѣтскій генеральный консулъ въ Сеулѣ, Шармановъ, бывшій штабсъ-капитанъ военнаго времени. Онъ же былъ представителемъ военной развѣдки. Шармановъ представлялъ собой типъ карьериста-чиновника. Его офицерское прошлое мѣшало ему быстро подниматься по ступенькамъ чиновничьяго аппарата. Он пытался, поэтому, искупить это прошлое активнымъ выполненіемъ всякихъ коминтерновскихъ и профинтерновскихъ порученій. Въ качествѣ помощниковъ, при немъ работали: кореянка изъ Харбина, по фамиліи Залога, и кореецъ Кимъ. Эта тройка внушала мнѣ всегда большое опасеніе, такъ какъ я подозрѣвалъ, что они создаютъ большую подпольную организацію повстанческаго типа. Эта организація частично находилась въ горахъ, частично на совѣтско-корейской и корейско-китайской границахъ, гдѣ природныя условія благопріятствовали дѣятельности подобнаго рода организацій. Весной 1927-го года, просматривая ежемѣсячные хозяйственно-финансовые отчеты генеральнаго консульства въ Сеулѣ, я обратилъ вниманіе на двѣ мелкихъ, но странныхъ, расходныхъ статьи. Каждый мѣсяцъ значился расходъ въ нѣсколько десятковъ іенъ «на починку дыры

въ каменномъ заборѣ», а въ маѣ была израсходована большая сумма «на ремонтъ башни въ саду». Я почуялъ нюхомъ, что эти расходы объясняются какими-то спеціальными обстоятельствами, и немедленно вызвалъ въ Токіо для объясненія Шарманова.

Шармановъ пытался сначала объяснить ежемѣсячную починку дыры въ заборѣ дождями, а устройство башни — своей любовью къ астрономическимъ наблюденіямъ. Но, когда я заявилъ ему, что сдѣлаю на него начетъ въ суммѣ около одной тысячи іенъ за безцѣльный ремонтъ и безхозяйственность, онъ запротестовалъ и заявилъ прямо, что все это было необходимо для «спеціальной конспиративной работы». Черезъ дыру въ заборѣ пролѣзали въ генеральное консульство корейцы-коммунисты, а башня служила для наблюденій и сигнализацій. Однако, желая усыпить наблюдательность японской полиціи, Шармановъ ежемѣсячно починялъ дыру, а потомъ вновь пробивалъ дыру въ заборѣ. На мой вопросъ, чѣмъ объясняется такая усиленная дѣятельность, Шармановъ разсказалъ мнѣ слѣдующее (онъ былъ крайне скупъ, и перспектива начета на жалованіе совершенно придавила его). Онъ получалъ непосредственныя директивы отъ китайскихъ эмиссаровъ коминтерна, сначала изъ Пекина и Шанхая, а впослѣдствіи, послѣ вторженія полиціи Чанъ-Цзо-Лина въ совѣтское посольство въ Пекинѣ, изъ Харбина. Въ этихъ директивахъ ему предписывалось «привести въ состояніе боевой готовности подпольную корейскую революціонную организацію». Сначала эта директива объяснялась желаніемъ сорвать японскую интервенцію въ Китаѣ «угрозой возстанія въ Кореѣ», а въ послѣдніе мѣсяцы объясненіе говорило «о неминуемомъ возстаніи въ

Коре, вслѣдствіе углубленія китайской революціи». Я прекрасно понималъ опасность этой директивы. Корея еще недавно, въ 1920-мъ году, пережила кровопролитнѣйшее «мартовское» возстаніе, отзвуки котораго еще чувствовались въ странѣ. Достаточно было малѣйшей искры, чтобы началось новое возстаніе. Оно было явно осуждено на неудачу, но въ огнѣ такого возстанія могли не только легко сгорѣть тонкія еще нити японо-совѣскихъ отношеній, но, въ случаѣ выясненія участія въ подготовкѣ возстанія совѣтскаго консульства въ Кореѣ, могло случиться нѣчто гораздо болѣе худшее.

Я понималъ прекрасно, что Шармановъ, въ своей чрезмѣрной угодливости передъ агентами коминтерна, легко принималъ къ исполненію указанія второстепенныхъ агентовъ, не утвержденныя формально московской центральной секціей Дальняго Востока. Во всякомъ случаѣ, этотъ новый фактъ давалъ мнѣ лишнее подтвержденіе фиктивной роли народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ въ вопросахъ нашей внѣшней политики. Въ то время, какъ я велъ сложную и кропотливую работу по японо-совѣтскому сближенію, второстепенные агенты коминтерна изъ Харбина готовили совѣто-японскую войну. Между тѣмъ, моя работа шла по директивамъ наркоминдѣла, была одобрена политбюро. Я начиналъ убѣждаться, что въ работѣ органовъ коминтерна имѣется какая-то внутренняя авантюристическая инерція, разрывающая политическую связь этой работы со всякими разумными указаніями, вытекающими изъ потребностей данной обстановки, даже если эти указанія даются политбюро россійской коммунистической партіи. Мнѣ пришла мысль, что этотъ основной грѣхъ — вырожденіе органовъ ком-

интерна въ авантюристическія группы — результатъ полной фантастичности конечнаго заданія ихъ работы, отсутствія какого бы то ни было общественно-политическаго контроля за ними и щедраго снабженія деньгами изъ Москвы. Эти причины превращали органы коминтерна въ македонскаго типа полууголовный аппаратъ.

Послѣ объясненія Шарманова, я потребовалъ отъ Москвы немедленно отозвать его изъ Сеула и удалить оттуда его помощниковъ. Требованіе было удовлетворено, и Шармановъ уѣхалъ въ Мосву...

Въ концѣ лѣта 1927-го года въ Сеулѣ начался процессъ корейской комсомольской организаціи. Процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ.

Лѣтомъ 1927-го года я отдыхалъ на берегу Японскаго моря, въ Цуругѣ. Я чувствовалъ сильную усталость. Наслѣдственная неврастенія давала знать о себѣ, вызывая почти полную потерю работоспособности. Къ этому присоединилось переутомленіе отъ черезчуръ напряженной работы, которую мнѣ приходилось вести въ тяжелыхъ условіяхъ душнаго японскаго лѣта. Я выбралъ мѣстомъ отдыха Цуругу. Это — тихій японскій городокъ, съ небольшимъ портомъ, приспособленнымъ для каботажнаго плаванія. Одинъ разъ въ недѣлю отходитъ изъ него пароходъ «Каги-Мару» на Владивостокъ.

Цуруга казалась мнѣ самымъ удобнымъ мѣстомъ для отдыха. Въ этомъ заброшенномъ маленькомъ городкѣ я былъ застрахованъ отъ постояннаго настойчиваго любопытства журналистовъ. Можно было отдохнуть такъ же свободно, какъ я отдыхалъ въ свои ученическіе годы въ деревушкахъ Полтавской губерніи.

Дѣйствительно, жизнь въ Цуругѣ оказалась спокой-

ной. Городской голова устроилъ, правда, банкетъ съ моимъ участіемъ, а мѣстный жандармскій ротмистръ любезно присылалъ мнѣ для верховыхъ поѣздокъ своихъ лошадей, но все это быстро прошло, и я могъ свободно удить японскихъ форелей «аю» въ горныхъ ручьяхъ и гулять почти безъ всякой одежды въ сосновомъ бору Мацубара.

Цуруга расположена на берегу прелестнаго залива съ узкимъ выходомъ въ открытое море. Кругомъ залива — холмы, покрытые лѣсомъ. Прямо изъ оконъ совѣтскаго консульства, гдѣ я поселился, видна была сѣровато-голубая полоска лѣса на холмахъ, тянувшаяся далеко-далеко, до самаго селенія Джогу, со стариннымъ храмомъ. Вдоль залива, окаймляя его, бѣжала узкая дорожка до Джогу, и по этой дорожкѣ въ японскомъ кимоно, остроконечной соломенной шляпѣ и деревянныхъ сандаліяхъ «гэта» на босу ногу, я часто совершалъ прогулки въ 10-15 километровъ.

Чаще всего я гулялъ не одинъ, а въ сопровожденіи своего пріятеля, японца. Это былъ интеллигентъ, говорившій хорошо по-русски, знавшій русскую литературу не хуже меня и интересовавшійся общественной и политической жизнью Россіи. Онъ пытался вести со мной длинные разговоры, но я больше отмалчивался: внутри меня уже накопилось много сомнѣній, но эти сомнѣнія не достигли той остроты, при которой я могъ бы открыто говорить о нихъ съ иностранцемъ. Мой другъ былъ большой поклонникъ Толстого. Онъ почти не разставался съ его книгами, читая и перечитывая ихъ съ японскимъ усердіемъ и старательностью. Поля книгъ были усѣяны многочисленными іероглифами-помѣтками.

На полдорогѣ между Цуругой и Джогу лежала не-

большая часовня, очень чтимая окрестными японскими крестьянами. На деревянныхъ скамейкахъ этой часовни мы часто отдыхали, и я выслушивалъ подчасъ очень интересныя замѣчанія своего друга. Внизу шумѣли сосны Мацубары, стаи летучихъ рыбъ съ шорохомъ выскакивали изъ воды и проносились надъ заливомъ. Передъ нами на столбахъ часовни висѣли безчисленныя полотнянныя ленточки съ іероглифами — молитвы и просьбы нищихъ японскихъ крестьянъ.

Однажды, въ этой часовнѣ у насъ шла оживленная бесѣда. Мой другъ сидѣлъ съ «Кругомъ чтенія» въ рукахъ и пытался доказать мнѣ, что основная черта русскаго крестьянина — непротивленіе злу, какъ результатъ исканія вѣчныхъ законовъ нравственности. Онъ говорилъ, что геній Толстого въ томъ, что ему удалось съ необычайной художественной яркостью отразить эту основную черту русскаго мужика. Послѣ этого пошли многочисленныя ссылки, примѣры, появился на сцену Каратаевъ, — все, что я успѣлъ порядкомъ позабыть послѣ школьной скамьи. Сначала я пытался возражать японцу. Меня всегда раздражали ссылки на «непротивленчество» крестьянина, особенно, когда эти ссылки дѣлались иностранцами, поверхностно изучившими русскую дѣйствительность. Я началъ объяснять японцу, что слабость русскаго крестьянства въ началѣ XX вѣка коренилась отнюдь не въ прирожденномъ «непротивленіи злу». Русскій крестьянинъ умѣлъ бороться со своими врагами. Возстанія Разина, Пугачева, крестьянскіе бунты николаевскаго царствованія — достаточно яркая иллюстрація скудоумности тезы о «непротивленіи злу», какъ основного качества русскаго крестьянина. Слабость русскаго крестьянства въ концѣ

XIX и началѣ XX вѣка можно объяснить гораздо проще, безъ всякой философской схоластики. Она коренилась въ сильномъ паденіи зернового хозяйства Россіи, какъ результатѣ появленія дешеваго парового транспорта американскаго зерна въ Европу въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX вѣка. Крестьянское хозяйство Россіи могло строить свой нищенскій бюджетъ лишь за счетъ страшнаго физическаго истощенія и морально-умственнаго вырожденія крестьянства. Толстой, какъ никто, чувствовалъ крестьянское горе, но правильно объяснить его не могъ, и пытался наивной философіей любви и всепрощенія замѣнить нароставшее въ крестьянинѣ сознаніе необходимости активной борьбы. Наша бесѣда шла впустую. Мы говорили на разныхъ языкахъ. Въ Джогу я оставилъ своего друга, и одинъ возвратился въ Цуругу. Уже вечерѣло. Приходилось идти медленно: узкая тропинка мѣстами подходила къ самому краю обрыва. Я усталъ отъ напряженнаго вглядыванія въ сумеречныя тѣни и, проходя мимо часовни, сѣлъ отдохнуть на скамью. Впереди чернѣла Цуругская бухта, прорываясь одинокими огоньками плавучихъ маяковъ. Наверху шумѣла роща. Прохладная сырость вползала въ широкіе рукава моего кимоно. Мнѣ захотѣлось отдохнуть въ такой пріятной послѣ жаркаго дня струѣ горнаго воздуха. Растянувшись на скамьѣ, смотрѣлъ я вверхъ, на звѣздное небо, вспоминая полузабытую мною «Популярную астрономію» Фламаріона. Горѣли созвѣздія, какъ тогда, 16 лѣтъ тому назадъ, когда 14-лѣтнимъ юношей, вдоль и поперекъ изучивъ Фламаріона, я началъ читать Эммануила Канта, и былъ пораженъ его фразой о двухъ вещахъ, производящихъ на него неотразимое впечатлѣніе — «звѣздномъ небѣ надо мной и нравственномъ

законѣ во мнѣ». Недѣлями и мѣсяцами я думалъ о содержанiи этой фразы, и только активная общественно-политическая дѣятельность излѣчила меня отъ давящей тоски, вызванной приближенiемъ къ этой понятной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно сложной идеѣ. И вдругъ, въ бархатной чернотѣ японской ночи, вмѣстѣ съ прохладной струей воздуха, я почувствовалъ снова приближенiе этой тоски.

Внизу подо мной угрюмо падалъ въ море крутой обрывъ. Онъ сталъ казаться покатымъ спускомъ къ спокойному берегу. Я невольно приподнялся со скамьи и сталъ спускаться внизъ по тропинкѣ, къ обрыву. И, уже стоя на тропинкѣ, лицомъ къ морю, я почувствовалъ вдругъ, какъ вползаетъ въ мое сознанiе волна предсмертной тоски. Остро кольнула мысль объ отцѣ, покончившемъ съ собой въ припадкѣ острой ипохондрiи. Я круто повернулся спиной къ морю и быстрыми шагами, превратившимися въ безотчетное паническое бѣгство, возвратился въ Цуругу...

Тамъ меня уже ждали съ безпокойствомъ. Консулъ готовился просить полицiю отправить верховыхъ по дорогѣ въ Джогу для поисковъ меня.

Въ сентябрѣ 1927-го года я покидалъ Токiо, уѣзжая въ Парижъ черезъ Москву. Министерство иностранныхъ дѣлъ, помимо оффицiальныхъ прощальныхъ банкетовъ, устроило мнѣ интимный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ высшiе чиновники министерства. Отъ посольства никто, кромѣ меня, даже посолъ Довгалевскiй, не были приглашены на этотъ интимный прощальный обѣдъ, происходившiй въ знаменитомъ японскомъ ресторанѣ Хорiу. Я пилъ по японскому обряду «прощальные» бокальчики Саке и въ послѣднiй разъ слушалъ Дебучи. На этотъ

разъ онъ не говорилъ о политикѣ, онъ пѣлъ японскія пѣсни, а затѣмъ мы вмѣстѣ ,съ чувствомъ глубочайшаго наслажденія, слушали трогательную балладу о Симоносекской битвѣ, звуки которой сливались съ нѣжной мелодіей «бива», японскихъ гуслей.

Въ день отъѣзда я получилъ отъ японскаго правительства подарокъ — ящикъ съ художественно изображеннымъ на немъ японскимъ пейзажемъ. Въ ящикѣ лежало, тронувшее меня, теплое письмо. Въ немъ говорилось о той работѣ, которую я провелъ въ Японіи и о чувствахъ благодарности ко мнѣ японскаго правительства и японскаго народа. Письмо было подписано г. Дебучи, и я чувствовалъ въ немъ не только обычный жестъ дипломатическаго этикета, но и теплый привѣтъ искренняго друга...

Глава V

ХАРБИНЪ

Въ концѣ сентября 1927-го года я ѣхалъ изъ Токіо въ Москву. По дорогѣ я рѣшилъ остановиться въ Харбинѣ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться въ положеніемъ на КВжд и поговорить съ совѣтской частью правленія этой дороги.

Въ Харбинѣ я встрѣтилъ Лашевича, исполнявшаго обязанности совѣтскаго предсѣдателя КВжд. Лашевичъ находился въ подавленномъ состояніи. Онъ попалъ въ Харбинъ, какъ въ ссылку, въ результатѣ своего участія въ оппозиціонной борьбѣ противъ Сталина. Работа на КВжд совсѣмъ не удовлетворяла его. Онъ привыкъ къ большой политической работѣ и къ большимъ политическимъ маневрамъ, и необходимость заниматься хозяйственной работой, осложненной разными треніями и мелкими подвохами, почти выводили его изъ строя. Лашевичъ былъ настроенъ скептически въ отношеніи возможности сохранить совѣтскія позиціи на КВжд. Онъ сказалъ мнѣ, что питаетъ глубочайшее отвращеніе къ политикѣ мелкихъ уступокъ и постояннаго маневрированія, рекомен-

дуемой изъ Москвы. По его мнѣнію, такая политика неизбѣжно должна была повести къ полной потерѣ нами КВжд. Лашевичъ зналъ, что это положеніе вызвано было боязнью открытаго вооруженнаго столкновенія съ Мукденомъ, которое могло бы легко превратиться въ вооруженное столкновеніе съ Японіей. Онъ считалъ, что Японія едва ли вмѣшается въ такое столкновеніе и что, во всякомъ случаѣ, какъ онъ выразился: «надо показать Мукдену когти, иначе они сядутъ намъ на голову». Крайне характерно, что въ своихъ разсужденіяхъ о совѣтскихъ интересахъ на КВжд Лашевичъ полностью повторилъ мнѣ соображенія, излагавшіяся русскими техниками и спеціалистами работъ въ Харбинѣ. Тонъ разсужденій Лашевича ничѣмъ не отличался отъ того тона, которымъ говорилъ бы любой русскій членъ правленія КВжд при любомъ россійскомъ правительствѣ. Этотъ фактъ бросился мнѣ съ необычайной яркостью въ глаза, и я не удержался, чтобы не обратить на него вниманіе и самого Лашевича. Это привело Лашевича въ состояніе раздраженія, и онъ замѣтилъ мнѣ, что «кисейная» политика вовсе не является въ глазахъ китайцевъ доказательствомъ нашего миролюбія, а скорѣе заставляетъ думать о слабости совѣтскаго правительства, не рискующаго активно защищать самые существенные интересы своей страны. «Да къ тому же, поймите, что мнѣ, какъ военному, просто невыносимо терпѣть тѣ постоянныя издѣвательства, которымъ подвергаетъ меня какой-нибудь Чанъ-Хуанъ-Сянъ, главноначальствующій особой полосы, полуграмотный солдатъ, постоянно находящій возможности ущемить насъ по любому мелкому поводу. Каждый разъ мнѣ приходитъ въ голову мысль, что если бы я имѣлъ въ своемъ распоря-

женіи пару полковъ, я бы высадилъ отсюда въ два счета и Чанъ-Хуанъ-Сяня и всю его сволочь».

Помимо Лашевича, мнѣ пришлось видѣться и говорить съ однимъ изъ совѣтскихъ членовъ правленія КВжд, Измайловымъ. Это прекрасный товарищъ, прекрасный работникъ и большой знатокъ финансовой стороны желѣзнодорожнаго дѣла. Онъ находился долгое время въ Китаѣ, былъ въ 1924-мъ году въ Кантонѣ въ качествѣ финансоваго совѣтника кантонскаго правительства, хорошо зналъ китайцевъ, ихъ психологію, и понималъ особенности совѣтской политики въ Китаѣ и Манчжуріи. Измайловъ находился во внѣшне-хорошихъ отношеніяхъ съ Лашевичемъ, поддерживалъ съ нимъ дружбу, но часто расходился съ нимъ въ дѣловыхъ вопросахъ. Измайловъ съ сокрушеніемъ разсказывалъ мнѣ, какъ много денегъ теряетъ русская сторона на КВжд и какъ не умѣетъ найти возможности примѣнять свободныя средства на цѣлесообразную хозяйственную работу. Измайловъ считалъ, что всѣ переговоры съ японцами объ ограниченіи ихъ желѣзнодорожнаго строительства въ Манчжуріи ни къ чему не приведутъ. Это строительство, по его мнѣнію, надо было парализовать отвѣтнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, производимымъ на доходы КВжд. Противодѣйствіе расширенію желѣзнодорожной сѣти въ Манчжуріи не только не могло дать никакихъ результатовъ, но должно было вызвать озлобленіе китайскихъ круговъ, заинтересованныхъ въ хозяйственномъ прогрессѣ Манчжуріи невозможномъ безъ успѣшной постройки желѣзныхъ дорогъ. «Нельзя ставить преграды естественнымъ процессамъ хозяйственнаго развитія Манчжуріи. Это безсмысленно и реакціонно. Помимо того, что политика эта не

можетъ насъ не скомпрометировать не только въ Мукденѣ, но и въ глазахъ лѣвой части китайской общественности, такое противодѣйствіе, вѣдь, копируетъ худшіе образцы имперіалистической политики великихъ державъ въ колоніальныхъ странахъ. Нужно идти другимъ путемъ и принять самимъ активное участіе въ расширеніи желѣзнодорожной сѣти, производя постройку новыхъ линій такъ, чтобы и хозяйственно и политически онѣ укрѣпляли наши позиціи въ Манчжуріи. Если Тао-Нанъ-Фу — Цицикарская желѣзная дорога можетъ отвлечь часть грузовъ съ КВжд, къ югу, на ЮМжд, то мы можемъ, въ свою очередь, построить рядъ новыхъ подъѣздныхъ путей и вѣтокъ, которыя возмѣстятъ КВжд нѣкоторую потерю грузооборота. Китайцы не возражали бы противъ такого употребленія средствъ КВжд, но вмѣсто этого мы блокируемъ эти средства въ Дальбанкѣ, который въ глазахъ китайцевъ является простымъ филіаломъ совѣтскаго Госбанка и къ которому они не могутъ имѣть никакого довѣрія. Это ихъ крайне раздражаетъ, вызывая также подозрѣнія, что средства КВжд идутъ на посороннія желѣзнодорожнымъ дѣламъ цѣли».

Въ Харбинѣ я ознакомился съ жизнью тамошнихъ совѣтскихъ колоній. Обстановка была достаточно тяжелая. Съ одной стороны, почти полное отсутствіе руководства со стороны совѣтскаго генеральнаго консульства, и полицейскія репрессіи. Эти репрессіи были обращены не только противъ профессіональныхъ союзовъ, но часто ударяли и по торговой части совѣтской колоніи. Харбинъ произвелъ на меня въ этомъ отношеніи своеобразное впечатлѣніе. Это былъ, по существу, типичный русскій провинціальный городъ, волею простого случая попавшій на

чужую территорію. Всюду — русская рѣчь, русскія вывѣски, русскія лица. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что онъ находится въ центрѣ Россіи, и что только въ силу какихъ-то необъяснимыхъ обстоятельствъ Харбинъ считается китайскимъ городомъ. Но такое наблюденіе явилось бы лишь доказательствомъ чрезвычайно поверхностнаго отношенія къ манчжурскому вопросу. Стоило удалиться на пару километровъ отъ Харбина, чтобы попасть въ самую гущу китайскаго города Фу-Дзя-Дянъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ населенія, противъ 120 тысячъ русскихъ въ Харбинѣ. Не говоря ужъ о томъ, что стоило выѣхать на нѣсколько десятковъ километровъ, чтобы очутиться въ типично китайской странѣ съ китайскимъ населеніемъ. Естественныя богатства Манчжуріи и относительное спокойствіе, наблюдавшееся въ ней за послѣдніе годы гражданской войны въ Китаѣ, въ связи съ ея малонаселенностью, вызвали усиленный колонизаціонный потокъ въ Манчжурію изъ внутреннихъ китайскихъ провинцій. Манчжурія размѣщаетъ каждый годъ около полутора милліоновъ новыхъ колонистовъ, главнымъ образомъ, изъ провинціи Шаньдунь. Эти колонисты, съ присущимъ китайцамъ трудолюбіемъ, быстро осѣдаютъ на землю, занимаются сельскимъ хозяйствомъ и ремеслами, и скоро превратятъ Манчжурію въ богатую многолюдную китайскую провинцію. Уже теперь въ Манчжуріи около тридцати милліоновъ населенія, и это населеніе въ ближайшіе 15 - 20 лѣтъ дойдетъ, несомнѣнно, до пятидесяти милліоновъ. Необходимо отмѣтить этотъ фактъ, ибо онъ съ логической неизбѣжностью вызываетъ необходимость опредѣленныхъ выводовъ въ области внѣшней политики Россіи. Нельзя сейчасъ относиться къ

Сѣверной Манчжуріи такъ, какъ въ началѣ XX столѣтія, когда она представляла изъ себя малонаселенную провинцію, со сравнительно большимъ русскимъ населеніемъ. Сейчасъ русскіе — только маленькое количество иностранцевъ въ китайской провинціи, и русская колонія тамъ ничѣмъ не отличается отъ любой иностранной колоніи, напримѣръ, шанхайской.

Я видѣлся и говорилъ со многими русскими инженерами, учителями и просто интеллигентами, проживающими въ Харбинѣ. Они обнаруживали рѣзкое недовольство недостаточно активной защитой ихъ интересовъ совѣтскимъ генеральнымъ консуломъ. Много говорили о томъ, что большевицкая политика въ Китаѣ вызвала необходимость въ постоянныхъ мелкихъ уступкахъ на КВжд, приводящихъ, въ конечномъ счетѣ, къ полной потерѣ русскихъ позицій на этой дорогѣ. «Китайцамъ надо ударить по рукамъ, иначе они насъ съѣдятъ», — таковъ былъ ихъ единодушный отзывъ. Они не учитывали, конечно, что «ударить по рукамъ» можно лишь при опредѣленныхъ матеріальныхъ рессурсахъ и при полномъ спокойствіи внутри совѣтской Россіи, т. е. при вполнѣ дружественной политикѣ въ отношеніи крестьянства. Безъ этихъ условій, Сталинъ могъ бы рѣшиться лишь на короткій военный ударъ, расчитанный на китайскій испугъ. Такой короткій военный ударъ могъ, конечно, дать временный результатъ, но таковой былъ бы сведенъ на нѣтъ, какъ только обнаружилось бы, что ударъ носилъ характеръ дипломатическаго маневра, а не широкой военной операціи. Притомъ же Чанъ-Цзо-Линъ, спекулируя на желаніи Москвы любой цѣной раздувать китайскую революцію и не портить отношеній съ Японіей, могъ шагъ за шагомъ

выбивать насъ съ КВжд, отмалчиваясь на дипломатическіе протесты. Становилось ясно, что авантюра Бородина можетъ стоить намъ, помимо огромныхъ суммъ и вражды новаго демократическаго Китая, потери КВжд. Русская позиція на КВжд могла быть сохранена лишь въ случаѣ возможно болѣе быстраго и полнаго краха бородинской авантюры. Такой крахъ освободилъ бы полностью нашу политику въ Сѣверной Манчжуріи отъ всякихъ постороннихъ соображеній, рожденныхъ въ канцеляріяхъ Коминтерна.

Когда я изложилъ свои соображенія Лашевичу, онъ только улыбнулся. Онъ сказалъ, что все это, конечно, правильно, но черезчуръ пахнетъ «государственными соображеніями». Лашевичъ сказалъ прямо, что если логически развить основную мысль моихъ разсужденій, то слѣдуетъ просмотрѣть въ цѣломъ всю совѣтскую внѣшнюю политику, а не только ея манчжурскую часть. «Понятно, съ точки зренія обычно принятыхъ государственныхъ соображеній, вся наша внѣшняя политика представляетъ сплошную безсмыслицу. Но въ томъ то и дѣло, что мы не государственники, а революціонеры. Мы имѣемъ, правда, опредѣленную форму государственности — совѣтскую форму, но и эту форму можно разсматривать лишь какъ неизбѣжное зло, необходимое для организаціи въ нашей странѣ матеріальной и политической базы міровой революціи. Совѣтское государство не можетъ не вступать въ контактъ съ другими государствами и вынуждено, поэтому, соблюдать опредѣленныя рамки междугосударственныхъ отношеній. Но тѣ, кто, какъ вы, принимаетъ этотъ необходимый контактъ за серьезное отношеніе, совершаетъ глубочайшую ошибку и по-

казываетъ лишь, что онъ по простой случайности находится въ рядахъ коммунистической партіи. Конечно, создавая совѣтское государство, мы подпадаемъ подъ вліяніе нѣкоторыхъ интересовъ той страны, которая является базой міровой революціи. Мы не можемъ не считаться съ этими интересами, но наша основная задача состоитъ въ томъ, чтобы считаться съ ними какъ можно меньше, а брать изъ страны для дѣла міровой революціи какъ можно больше. Старые большевики-революціонеры понимаютъ хорошо то, что я говорю, а вотъ молодежь иногда запутывается въ противорѣчіяхъ и сбивается съ правильнаго пути. Мнѣ кажется, что мы совершаемъ большую ошибку, выдвигая нашу молодежь на руководящіе посты въ раннемъ возрастѣ. При присущей молодежи экспансивности, она подпадаетъ быстро подъ вліяніе чисто государственныхъ соображеній и не только явственно ихъ защищаетъ, но и стремится проводить ихъ въ жизнь съ крайне вредной для насъ послѣдовательностью. Молодыхъ членовъ коммунистической партіи надо годами держать на агитаціонной, профессіональной и чисто партійной работѣ, и только послѣ того, какъ они оформятся во вполнѣ законченныхъ коммунистовъ, можно пускать ихъ на государственную работу, иначе они принесутъ только вредъ».

Я слушалъ съ интересомъ эти разсужденія, типичныя для профессіонала-революціонера, дѣлающаго революцію, какъ простое ремесло своей жизни. Въ глазахъ этого человѣка догматикой революціонной борьбы цѣли революціи были совершенно затемнены. Для него не существовало ни интересовъ хозяйственнаго развитія угнетеннаго раньше крестьянства, ни интересовъ раскрѣпо-

щенныхъ рабочихъ, ни общихъ интересовъ экономики страны, которая должна была дать своему народу возможность болѣе полной хозяйственной и политической жизни. Онъ разсуждалъ вполнѣ послѣдовательно, съ точки зрѣнія своей догмы. Но, въ то же время, онъ представлялъ яркій примѣръ того, что въ живой жизни мертвая догма не только ничего не можетъ создать, но приноситъ вредъ и вырождается въ преступленіе. Такъ было со всѣми догмами на протяженіи исторіи. То же самое должно было случиться и съ коммунистической догмой. И я думалъ о томъ, что, по странной случайности, такихъ людей, какъ Лашевичъ, коммунистическая партія включаетъ въ себя одновременно съ обыкновенными крестьянами, рабочими, интеллигентами, живыми людьми, чувствующими народное горе и пытающимися приспособить догму своей партіи къ живому организму своей страны. Мнѣ думалось, что всякій общественно-политическій организмъ, застывающій на однажды провозглашенныхъ имъ догмахъ, не можетъ не превратиться въ свою противоположность. Коммунистическая партія Россіи явно подходила къ тому историческому пункту, за которымъ должна была послѣдовать либо перемѣна ея тактики въ сторону приспособленія партіи къ интересамъ страны и ея трудящихся массъ, либо окостенѣніе и превращеніе ея въ историческую безсмыслицу угнетенія и террора, направленнаго, въ первую очередь, противъ тѣхъ, интересы которыхъ пыталась защищать и отражать партійная догма.

Въ Харбинѣ я много думалъ, какимъ образомъ можно было бы сохранить русскія позиціи на КВжд, имѣя въ виду, что защищать эти позиціи активно Москва не можетъ. Надо было найти какое-нибудь компромиссное рѣ-

шеніе, которое могло бы удовлетворить китайцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняло бы наши основныя позиціи на дорогѣ. Я бесѣдовалъ по этому поводу съ рядомъ работниковъ КВжд. Они не скрывали отъ меня трудности положенія и того обстоятельства, что рѣшеніе должно быть такого рода, чтобы оно удовлетворяло финансовые аппетиты китайской стороны. Послѣ долгихъ обсужденій и размышленій, я пришелъ къ выводу, что единственнымъ выходомъ могла бы быть полная коммерціализація КВжд, управляемой частной компаніей, съ участіемъ совѣтскимъ, китайскимъ и какой-нибудь третьей стороны. Такая частная акціонерная компанія дала бы возможность совѣтской сторонѣ сохранить за собою опредѣленную часть матеріальныхъ претензій и прибылей дороги, и въ то же время могла бы дать китайцамъ возможность получить достаточно привлекательный для нихъ по своимъ размѣрамъ заемъ. Думать о созданіи банковскаго международнаго концорсіума не приходилось. Я заранѣе зналъ, что такая идея будетъ встрѣчена въ Москвѣ въ штыки. Надо было, очевидно, подыскать въ качествѣ третьей стороны какую-нибудь нейтральную сторону. Японія, очевидно, не могла бы быть такой страной, въ виду ея спеціальныхъ интересовъ въ Манчжуріи. Мнѣ казалось, что цѣлесообразнѣе всего было бы привлечь Францію, какъ страну, не имѣющую въ Манчжуріи никакихъ политическихъ интересовъ, но въ то же время заинтересованную въ КВжд вложеніемъ своихъ капиталовъ, ссуженныхъ въ свое время на постройку этой дороги. Привлеченіе Франціи въ то время, въ 1927 году, имѣло одну трудность: отсутствіе стабилизированнаго франка и съуженіе, по этой причинѣ, возможностей Парижа, какъ финансоваго центра. Но фран-

цузскіе финансы, явно, шли по дорогѣ къ выздоровленію и это затрудненіе не могло оставаться длительнымъ. Планъ коммерціализаціи КВжд сводился къ созданію акціонернаго общества, въ которомъ Китай, Совѣты и третья сторона участвовали бы на паритетныхъ началахъ. Такая частная акціонерная компанія могла бы выпустить, подъ залогъ имущества КВжд, заемъ, уступивъ затѣмъ часть этого займа китайскому правительству. Это рѣшеніе должно было удовлетворить Китай, ибо по мукденскому и пекинскому соглашеніямъ по КВжд переходъ дороги къ нимъ возможенъ лишь въ результатѣ выкупа. Конечно, мукденское правительство не учитывало возможности насильственнаго захвата дороги, но оно отлично понимало, что московское правительство, при всемъ своемъ безсиліи, вынуждено будетъ реагировать на такой захватъ, создавая угроза для КВжд — невозможность ея правильной и нормальной эксплоатаціи и невозможность для китайцевъ пользоваться КВжд, какъ объектомъ для залогово-заемной операціи. Между тѣмъ, нужда въ деньгахъ остро чувствовалась въ Китаѣ, и приманка займа могла явиться рѣшающимъ моментомъ во всемъ этомъ вопросѣ.

Я пробылъ въ Харбинѣ свыше недѣли. За это время мнѣ пришлось присмотрѣться къ бытовой обстановкѣ жизни совѣтскихъ чиновниковъ. Отвѣтственные совѣтскіе чиновники на КВжд были почти всѣ члены партіи, съ большимъ стажемъ и съ большимъ опытомъ въ политической и государственной работѣ. По своему положенію они должны были получать, наравнѣ съ китайскими членами правленія КВжд, высокіе оклады, пользоваться большими казенными квартирами и т. д. Однако, существовалъ секретный циркуляръ центральной партійной комиссіи,

предписывавшій всѣмъ этимъ партійнымъ чиновникамъ сдавать большую часть своего жалованія мѣстному секретарю партійной организаціи, который существовалъ, конечно, нелегально, такъ какъ китайская полиція все время искала слѣдовъ коммунистической работы въ Харбинѣ. Коммунисты-чиновники сдавали, правда, не всѣ и не очень регулярно, большую часть своего жалованія въ мѣстную партійную кассу, и эти деньги шли на партійную коммунистическую работу, о чемъ прекрасно знали китайцы, и что не могло не приводить ихъ въ состояніе крайняго раздраженія. Однако, эта сдача жалованія на партійную работу не давала желательныхъ результатовъ и въ области этической, въ смыслѣ поведенія и образа жизни отвѣтственныхъ коммунистовъ, чиновниковъ КВжд. Образъ ихъ жизни былъ не только не безупреченъ, но, зачастую, просто недопустимъ для любого общественнаго дѣятеля. Страшный разгулъ, пьянство, развратъ и картежная игра поглощали большую часть ихъ времени. Въ этомъ отношеніи главный примѣръ подавался самымъ старшимъ совѣтскимъ должностнымъ лицомъ, генеральнымъ консуломъ Леграномъ. Легранъ устраивалъ у себя въ консульствѣ попойки, съ участіемъ своихъ друзей и нѣкоторыхъ артистокъ и балеринъ мѣстной оперы. Одна изъ такихъ попоекъ закончилась трагически: пьяный Легранъ выстрѣлами изъ револьвера тяжело ранилъ одну изъ балеринъ. Это происшествіе вызвало въ Харбинѣ страшный скандалъ. Китайская полиція пыталась начать дѣло противъ Леграна, но пострадавшая балерина сдѣлала заявленіе о томъ, что она случайно ранила себя сама, разсматривая револьверъ. Балерина была совѣтской гражданкой и, послѣ лѣченія на казенный счетъ, была отправлена въ

Москву. Туда же былъ вызванъ генеральный консулъ Легранъ. Леграну былъ объявленъ строгій выговоръ, съ предупрежденіемъ объ исключеніи изъ партіи въ случаѣ повторенія подобнаго происшествія. Мнѣ передавали, что онъ женился впослѣдствіи на тяжело раненой имъ балеринѣ... Отъ Леграна старался не отставать и совѣтскій управляющій дорогой, Емшановъ. Онъ часто пилъ запоемъ, и во время торжественныхъ обѣдовъ и банкетовъ съ китайцами напивался почти до безчувствія. Во время одного изъ такихъ обѣдовъ произошелъ большой скандалъ. Напившійся до пьяна, Емшановъ вдругъ замѣтилъ, что одинъ изъ членовъ ревизіоннаго комитета КВжд, исполняющій обязанности начальника мѣстнаго ГПУ, пристально смотрѣлъ на него. Емшановъ поднялся изъ-за стола, подошелъ къ этому сотруднику ГПУ, ударилъ его по лицу и началъ кричать, обращаясь къ китайскимъ членамъ правленія КВжд: «Смотрите на этого мерзавца-чекиста. Онъ слѣдитъ за мной, чтобы писать обо мнѣ постоянно доносы въ Москву. Но, ничего, у меня тамъ есть хорошія связи и мнѣ на все это наплевать, но этому сукину сыну я обязательно когда-нибудь разобью морду вдребезги»... Смущенный начальникъ ГПУ немедленно удалился, а китайскіе члены правленія получили, вѣроятно, немало ихъ удивившій, урокъ на тему о «товарищескихъ» отношеніяхъ между совѣтскими членами правленія КВжд.

Самъ Лашевичъ также подпалъ подъ вліяніе общей обстановки, и началъ въ Харбинѣ буквально спиваться. Въ этомъ ему оказывалъ самое широкое содѣйствіе Легранъ и другіе совѣтскіе чиновники, заинтересованные въ созданіи круговой поруки въ обстановкѣ всеобщаго пьянства и разгула. Все это производило крайне тяжелое впе-

чатлѣніе. Казалось, что находишься среди какихъ-то больныхъ, съ надрывомъ, людей, пытающихся забыться въ винѣ отъ гложущей ихъ тоски. Въ этомъ маленькомъ совѣтскомъ міркѣ не существовало никакихъ умственныхъ интересовъ или запросовъ, не говоря уже о какихъ бы ни было идеалистическихъ порывахъ. Книги и газеты никогда не читались, а искусства ихъ интересовали лишь постольку, поскольку въ оперѣ можно было встрѣтить красивыхъ балеринъ. О политикѣ старались не говорить совершенно и, если и заговаривали, то съ чувствомъ тяжелаго и прямого отвращенія.

Лишь нѣсколько совѣтскихъ чиновниковъ, какъ членъ правленія Геккеръ, Измайловъ и др., составляли исключеніе изъ этого правила. Но противъ нихъ велась отчаянная интрига со стороны остальныхъ, усматривавшихъ въ ихъ умѣренномъ образѣ жизни лишь желаніе обезпечить себѣ возможность вести борьбу противъ другихъ на почвѣ всякихъ, допускаемыхъ этими послѣдними, излишествъ. Принципіальное нежеланіе поддаваться разлагающему вліянію мѣстной среды въ этихъ кругахъ совершенно не признавалось. Краткій девизъ былъ таковъ: «Кто съ нами не пьянствуетъ и не развратничаетъ, тотъ хочетъ доносить о нашемъ пьянствѣ и развратѣ». И противъ этихъ мнимыхъ доносчиковъ велась отчаянная борьба, писались доносы объ искривленіи линіи работы, о чрезмѣрной дружбѣ съ китайцами, чуть ли не о предательствѣ. . .

Глава VI

МОСКВА

Когда я пріѣхалъ въ Москву, мнѣ пришлось бесѣдовать со Сталинымъ по вопросу о КВжд. Я изложилъ ему откровенно свои соображенія, и сказалъ прямо, что безъ созданія частнаго акціонернаго общества и коммерціализаціи дороги мы рискуемъ быть совершенно вытѣсненными съ КВжд. Сталинъ очень внимательно выслушалъ меня, но отнесся отрицательно къ проекту коммерціализаціи дороги съ нашимъ участіемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что такая коммерціализація вызвала бы общность интересовъ совѣтскаго союза и той третьей стороны, которая была бы допущена въ акціонерное общество. Такая общность интересовъ являлась, по его мнѣнію, абсолютно непріемлемой для совѣтскаго правительства и искривляющей его политику на Дальнемъ Востокѣ и во всемъ мірѣ. На мои настойчивыя указанія, что вопросъ долженъ быть все же такъ или иначе рѣшенъ, ибо мы рискуемъ потерять все, не получивъ ничего, Сталинъ сказалъ совершенно спокойно, что онъ учитываетъ возможность потери дороги и не очень этимъ взволнованъ. «Если ужъ искать выхода

изъ создавшагося положенія, то лучше всего не создавать никакихъ акціонерныхъ обществъ съ нашимъ участіемъ, а просто продать кому-нибудь дорогу. И продать ее такъ, чтобы сохранить лицо и заострить антагонизмы между отдѣльными капиталистическими державами на Дальнемъ Востокѣ. Не забывайте, что наше пребываніе на КВжд искривляетъ основныя линіи нашей восточной политики. Если мы уйдемъ, сохранивъ лицо, заработаемъ при этомъ достаточную сумму денегъ и, кстати, заостримъ японо-американскіе антагонизмы, то это будетъ наилучшимъ выходомъ изъ положенія. Каковы доводы за продолженіе нашего пребыванія на КВжд? Это — доходъ отъ КВжд и сохраненіе тамъ базы своего вліянія въ Сѣверной Манчжуріи, благодаря совѣтскимъ служащимъ на КВжд. Конечно, послѣднее обстоятельство представляетъ для насъ еще большую цѣнность, ибо, въ случаѣ новаго подъема революціонной волны въ Китаѣ, мы сможемъ черезъ совѣтскую Сѣверную Манчжурію установить контактъ съ революціоннымъ Пекиномъ. Но, продавая дорогу, мы получаемъ достаточную сумму, могущую замѣнить нашу ежегодную прибыль отъ КВжд. А въ случаѣ появленія революціоннаго правительства въ Пекинѣ можно будетъ легко установить связь съ нимъ черезъ Сѣверную Манчжурію, даже и въ случаѣ отсутствія на КВжд. Надо только рѣшить, кому выгоднѣе всего можно продать КВжд. Я думаю, что дорогу надо продать японцамъ. Впрочемъ, поговорите еще на эту тему съ Чичеринымъ».

Съ Чичеринымъ я говорилъ на эту тему, но поверхностно, такъ какъ онъ явно не желалъ подобнаго рѣшенія вопроса, а я былъ въ это время уже занятъ французскими дѣлами, подготовляясь къ поѣздкѣ въ Парижъ. Чи-

черину не хотѣлось возражать въ принципѣ противъ мысли, высказанной Сталинымъ. Но онъ мнѣ сказалъ: «Да, дорогу можно продать японцамъ, но не дешевле, чѣмъ за 300 милліоновъ долларовъ». Это былъ явный саботажъ сталинскаго проекта, такъ какъ никто такой суммы за дорогу дать не могъ.

Что касается Карахана, съ которымъ я также бесѣдовалъ на эту тему, то онъ отнесся сочувственно къ моей идеѣ. Онъ такъ же, какъ и Чичеринъ, не пожелалъ выступить въ принципѣ противъ сталинскаго проекта о продажѣ дороги, но онъ былъ не прочь обсудить въ деталяхъ планъ коммерціализаціи. Я разработалъ этотъ планъ въ деталяхъ и представилъ обширный докладъ. Онъ остался лежать безъ движенія въ канцеляріи Наркоминдѣла.

Впослѣдствіи, уже изъ Парижа, мнѣ снова пришлось вернуться къ этому вопросу.

Въ Москвѣ я засталъ тревожныя настроенія. Готовилась рѣшительная схватка Сталина съ оппозиціонными группировками. Въ связи съ этимъ, внутри партіи происходили разныя перемѣны, партійный аппаратъ, подъ управленіемъ Молотова, работалъ во всю, перемѣщая противниковъ сталинской линіи на менѣе замѣтные посты и тѣмъ облегчая возможность формированія общественнаго мнѣнія партіи въ желательномъ для Сталина духѣ.

Борьба шла, теперь это покажется чрезвычайно страннымъ, подъ флагомъ «за или противъ сохраненія нэпа». Сторонники Сталина открыто говорили на партійныхъ собраніяхъ, что троцкисты имѣютъ въ виду «нарушить союзъ съ середнякомъ» и аннулировать полностью ленинскую политику нэпа. Надъ программой индустріа-

лизаціи страны, разработанной Троцкимъ и рядомъ его сторонниковъ, въ особенности Пятаковымъ, открыто издѣвались, находя ее утопической и неосуществимой. Говорилось о томъ, что для проведенія этой программы въ жизнь, необходимо будетъ въ 5-10 разъ усилить рессурсы на постройку новыхъ фабрикъ и заводовъ путемъ экономическаго нажима на крестьянство, ибо разсчитывать на помощь извнѣ не приходилось. Въ своемъ маневрированіи, Сталинъ очень умно использовалъ эти настроенія, которыя проявлялись, главнымъ образомъ, въ деревенскихъ партійныхъ органахъ и въ провинціи, въ то время, какъ организаціи крупныхъ индустріальныхъ центровъ по своимъ настроеніямъ очень близко подходили къ троцкистамъ. Лозунгъ усиленной индустріализаціи, сопровождаемый рядомъ лозунговъ о борьбѣ съ самодержавіемъ партійнаго аппарата, привлекалъ на сторону троцкистовъ симпатіи части крупныхъ партійныхъ организацій и большую часть комсомола, увлеченнаго возможностью начать открытую драку. Но количественно, арифметически, большинство партіи открыто было противъ троцкистовъ, и на это большинство партіи открыто дѣлали ставку тѣ агенты Сталина въ партійномъ аппаратѣ, которые, по порученію его, разставляли силы передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Мнѣ пришлось встрѣтиться и говорить со многими старыми знакомыми , пріѣхавшими въ Москву по партійнымъ дѣламъ. Изъ Москвы я поѣхалъ на Украину, побывалъ въ Харьковѣ и Кіевѣ, посѣтилъ нѣкоторыя деревни Полтавской губерніи. Уже чувствовалось развивавшееся отступленіе отъ нэпа. Частная торговля въ городахъ и, особенно, въ селахъ, подъ вліяніемъ налогового

пресса, замирала все болѣе и болѣе. Новыхъ магазиновъ не открывали, старые магазины закрывались, и крестьянству приходилось обращаться за товарами почти исключительно въ магазины госторга или кооперативы. Послѣдніе, оставаясь почти безъ конкуренціи въ лицѣ частныхъ торговцевъ, очень мало думали о необходимости имѣть нужные въ данномъ районѣ товары и непомѣрно вздували цѣны на предметы широкаго потребленія, дѣлая ихъ почти недоступными для крестьянской массы. Въ это время получилъ широкое примѣненіе принципъ, такъ называемаго, «принудительнаго ассортимента». Этотъ принципъ заключался въ томъ, что покупателямъ приходилось при покупкѣ какого-нибудь необходимаго имъ предмета забирать также совершенно ненужный имъ товаръ изъ числа залежавшихся въ магазинѣ. Такъ, если крестьянинъ заходилъ въ магазинъ, чтобы купить нѣсколько метровъ мануфактуры, онъ долженъ былъ купить при этомъ по страшно вздутой цѣнѣ ненужную ему пудру, отвратительный одеколонъ, стеклянныя бусы и т. п. Въ случаѣ отказа купить эти предметы, магазинъ не продавалъ ему необходимой мануфактуры. Интересно отмѣтить, что, когда я въ первый разъ на практикѣ увидѣлъ эту процедуру, я невольно сравнилъ ее съ методами и пріемами колоніальныхъ торговцевъ, пріѣхавшихъ издалека въ отсталыя страны. Тѣ же самые методы, то же использованіе монопольно-торговаго положенія, тѣ же пріемы «всучиванія» туземному населенію ненужныхъ и дрянныхъ предметовъ по вздутымъ цѣнамъ. Я подумалъ о принципѣ монополіи внѣшней торговли, оправдываемой, какъ извѣстно, боязнью допустить широкое проникновеніе въ Россію иностранныхъ товаровъ, могущихъ затопить дрянью

крестьянскія хозяйства, а заодно — разрушить россійскую индустрію. Первая часть аргументаціи совершенно отпала, такъ какъ наша собственная промышленность давала крестьянину настолько отвратительные товары, что никакая иностранная промышленность не могла бы конкурировать съ нею въ этомъ отношеніи. Вторая часть аргументаціи также становилась весьма сомнительной, ибо было ясно, что безъ допущенія, конечно, въ опредѣленныхъ рамкахъ, конкуренціи иностранной промышленности, россійская промышленность постепенно превратится въ жалкую бюрократическую канцелярію. Мнѣ пришлось слышать немало нареканій со стороны крестьянъ на эти своеобразные торговые нравы. Нареканія шли не только со стороны болѣе богатыхъ слоевъ крестьянскаго населенія, но и со стороны мало зажиточныхъ и даже бѣдняковъ, вынужденныхъ покупать товары по цѣнамъ, совершенно не отвѣчающимъ ихъ реальной стоимости. Очень часто деревня своеобразно реагировала на такую монопольную торговлю государства. Деревня возстановила отмиравшее, было, кустарное производство и сама начала изготовлять всякаго рода предметы, необходимые въ крестьянскомъ обиходѣ. Въ связи съ этимъ, крайне широкое распространеніе получили, такъ называемые, кустари, т. е. мелкіе ремесленники, работающіе въ небольшихъ мастерскихъ съ 1-2, максимально тремя наемными рабочими. Въ кустари шли и рабочіе, уходившіе съ большихъ заводовъ и фабрикъ и прежніе интеллигенты, оставшіеся безъ работы и замѣнившіе перо какой-нибудь индустріальной работой, и прежніе ремесленники, выбитые, въ свое время, изъ колеи въ періодъ военнаго комунизма. Кустари дѣлились на двѣ группы: на тѣхъ, ко-

торые не использовывали наемнаго труда, и на использовывавшихъ наемный трудъ. Первая группа получила названіе «кустари-одиночки», была объединена въ самостоятельный союзъ и пользовалась нѣкоторыми привилегіями и преимуществами, правда, не такими, какъ члены чисто-профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Эта группа, стоя въ промышленномъ отношеніи между рабочими и кустарями, использовывавшими наемный трудъ, которые почти полностью были подвержены ударамъ, направленнымъ противъ, такъ называемыхъ, нэпмановъ, т. е. вновь появившагося послѣ нэпа торговаго сословія. Въ связи съ развитіемъ кустарнаго производства и кустарнаго ремесла, наряду съ паденіемъ обычнаго коммерческаго товарнаго оборота, вызваннымъ государственной монополіей промышленности и торговли и высокими цѣнами, страна начала принимать своеобразный характеръ и своеобразную хозяйственно-соціальную структуру. Какъ это ни странно, но параллельно съ усиленіемъ индустріализаціи, т. е. постройки новыхъ фабрикъ и заводовъ, правильнѣе сказать, даже вопреки этой индустріализаціи, совѣтская Россія принимала видъ все болѣе и болѣе отсталой аграрной страны, съ отсталыми формами промышленности и торговли, съ натуральнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и съ жалкимъ товарообмѣномъ, отходившимъ на уровень чуть ли не 80-90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Мнѣ пришлось побывать въ одномъ большомъ селѣ, которое я хорошо зналъ по 1917 и 1918 г.г. Кругомъ села во всю работали кустари, изготовлявшіе дешевый и грубый деревенскій холстъ. Невдалекѣ работала небольшая суконная фабрика, изготовлявшая грубое сукно, такъ называемаго, военнаго образца. Въ самомъ селѣ ра-

ботали десятки кустарей, снабжавшихъ окрестныхъ крестьянъ разными предметами. И все это село, которое до войны славилось своей торговлей, имѣло представителей разныхъ торговыхъ фирмъ, получало товары изъ Харькова и Москвы, теперь замкнулось въ изолированный хозяйственный организмъ, притягивавшій къ себѣ лишь окрестные хутора и маленькія деревеньки. Лишь иногда мѣстные кооперативы получали небольшія партіи товаровъ изъ губернскаго города, но и эти партіи, обычно, включали въ себя предметы, совершенно ненужные крестьянину: галантерею, духи, пудру, корсеты и т. д.

Я встрѣтилъ одного изъ членовъ сельскаго совѣта, съ которымъ долго бесѣдовалъ на эту тему. Онъ высказалъ явное недовольство и раздраженіе полной неспособностью государства наладить нормальную торговлю и дать мужику возможность хорошо продавать накапливающіеся въ его хозяйствѣ небольшіе товарные излишки. Онъ говорилъ о томъ, что «народъ теперь поумнѣлъ и хорошо понимаетъ разницу въ положеніи у насъ и за границей. Тамъ даютъ мужику дешевый товаръ, а здѣсь дерутъ съ него три шкуры. Это не можетъ такъ долго продолжаться, — закончилъ онъ. — Въ концѣ концовъ, мужикъ начнетъ переходить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Конечно, есть одно обстоятельство, которое ослабляетъ напоръ крестьянства. Это — боязнь возвращенія старыхъ земельныхъ собственниковъ и аннулированія земельной реформы и новыхъ земельныхъ порядковъ. Мужикъ получилъ землю во время совѣтской власти и поэтому боится замѣнить эту власть другой. А, вдругъ, землю отнимутъ. Но результаты мужицкаго хозяйства становятся все болѣе и болѣе убогими, а само хозяйство

приходитъ во все большій упадокъ. Виною этому исключительно плохая система торговли, не дающая мужику возможности использовать свои товарные излишки»..

Я задумался надъ этими словами. Членъ сельсовѣта былъ сельскимъ полуинтеллигентомъ, бывшимъ инструкторомъ кооераціи, хорошо знавшимъ деревню и понимавшимъ ея нужды. Я пришелъ къ мысли, что въ плохой системѣ торговли, вызванной, въ первую очередь, монополіей государства, — одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ начинавшейся деградаціи крестьянскаго хозяйства. Эта деградація все болѣе и болѣе расширялась, захватывая все новые области и районы, и толкала страну вспять, на уже пройденные этапы хозяйственнаго развитія. Между тѣмъ, измѣнить торговую систему, т. е. ввести настоящую свободную торговлю, ту, съ мыслью о которой Ленинъ начиналъ свой нэпъ, возможно было лишь измѣнивъ общей хозяйственной политикой структуру страны. Рѣчь шла, конечно, не объ отмѣнѣ совѣтской формы управленія. Эта форма въ демократизированномъ видѣ могла дать крестьянину достаточный, во всякомъ случаѣ, на первомъ этапѣ, хозяйственный просторъ. Рѣчь шла о томъ, чтобы очистить и освободить совѣтскую систему отъ диктатуры одной партіи, превратившей государственный аппаратъ въ простой придатокъ партійнаго механизма и приспособившей этотъ государственный аппаратъ къ спеціально партійнымъ цѣлямъ, — міровой революціи, — ничего общаго не имѣвшимъ съ государственными интересами страны и хозяйственными нуждами ея населенія. Крестьянству приходится на своей твердой мужицкой спинѣ нести всѣ тяжести революціонныхъ экспериментовъ, начиная отъ неудачныхъ путчей въ центральной

Европѣ и кончая расходами на жуликоватыхъ китайскихъ генераловъ. Не ведя формально войны, совѣтская Россія фактически все время находилась на военномъ положеніи, питая своими матеріальными рессурсами революціонное движеніе и возстанія во всемъ мірѣ. Все это дѣлалось за счетъ нищаго, истощеннаго войной и революціей русскаго крестьянина, хозяйство котораго приходило въ состояніе полной ветхости и обнищанія, и участь котораго уже почти ничѣмъ не отличалась отъ участи тѣхъ колоніальныхъ народовъ, во имя интересовъ которыхъ происходила такая безжалостная, безпощадная и безсовѣстная эксплоатація. Все это дѣлалось засѣвшей въ Кремлѣ группой «профессіональныхъ революціонеровъ», т. е. людьми, цѣль жизни которыхъ превратилась въ «дѣланіе революціи», безсмысленное и безсистемное, ставящими себѣ фантастичныя и часто прямо преступныя задачи. . .

Въ очень осторожной формѣ, я говорилъ по этому вопросу съ однимъ хорошо знакомымъ мнѣ деревенскимъ коммунистомъ, вошедшимъ въ партію еще въ 1917-омъ году. Это былъ простой крестьянинъ, въ свое время прямо отъ солдатской шинели перешедшій къ отвѣтственнымъ государственнымъ постамъ. Одно время онъ исполнялъ даже обязанности губернскаго продовольственнаго комиссара. Затѣмъ онъ отказался добровольно отъ государственной карьеры и возвратился къ себѣ въ село, гдѣ снова занялся своимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, ведя политическую работу среди крестьянъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ прямо: «Я собираюсь совершенно порвать съ партіей. Дальше идти некуда. Активная революція была сдѣлана руками мужиковъ, и теперь, вмѣсто

благодарности, ихъ безжалостно ударяютъ по спинѣ. Нельзя обманывать народныя массы. Разъ было сказано во время октября, что революція несетъ съ собой крестьянину хозяйственное раскрѣпощеніе, надо было это обѣщаніе полностью исполнить. Крестьяне уже начинаютъ насъ ненавидѣть такъ же сильно, какъ они ненавидѣли раньше сосѣдняго помѣщика, кн. К. Пройдетъ еще немного времени, и они забудутъ о томъ, что мы дали имъ землю. Тогда начнется снова открытая война съ крестьянствомъ. Я заявляю прямо, что въ этой войнѣ буду на сторонѣ мужика. Онъ такой же трудовой элементъ, какъ и рабочій города, и я считаю своей прямой обязанностью помогать ему въ борьбѣ».

Отзвуки этихъ деревенскихъ настроеній уже давно просочились и въ уѣздный, и въ городской организмъ коммунистической партіи. Тамъ говорилось о томъ, что дальше продолжать политику нажима на крестьянство нельзя и что необходимо пересмотрѣть въ цѣломъ всю систему нэпа, исправивъ вкравшіяся въ нее болѣзненныя искривленія и замѣнивъ ее системой еще болѣе расширенныхъ уступокъ крестьянству, т. н. «неонэпа». Въ связи съ этимъ вопросомъ подходили партійныя организаціи къ развертывавшейся въ Москвѣ внутрипартійной борьбѣ между Сталинымъ и Троцкимъ. Сторонники Троцкаго считались противниками нэпа и защитниками теоріи возвращенія къ періоду военнаго коммунизма. Боровшаяся съ Троцкимъ, группа Сталина разсматривалась, какъ защищающая ортодоксальныя позиціи нэпа, а многіе вліятельные члены этой группы были извѣстны, какъ тайные сторонники расширенія нэпа и превращенія его въ «неонэпъ». На мѣстахъ, внутрипартійная борьба шла подъ ло-

зунгомъ, тайно даннымъ изъ Москвы по линіи молотовскаго аппарата: «Долой Троцкаго, долой военный коммунизмъ. Да здравствуетъ Сталинъ, да здравствуетъ неонэпъ». Правда, на мѣстахъ я встрѣтилъ много партійныхъ работниковъ губернскаго масштаба, не довѣрявшихъ искренности этихъ лозунговъ. Говорилось прямо о томъ, что борьба Сталина съ Троцкимъ носитъ совершенно безпринципный характеръ, являясь, по существу, дракой двухъ перессорившихся по личнымъ причинамъ вождей. И тотъ, и другой по своимъ политическимъ взглядамъ были чрезвычайно близки. Оба отличались доктринерствомъ, догматизмомъ, нежеланіемъ учитывать реальную обстановку, узкимъ духомъ профессіональнаго «дѣланія революціи», вѣрой въ силу магическихъ лозунговъ и словесныхъ формулъ и вѣрой въ близкое пришествіе новой волны міровой революціи. На мѣстахъ, правда, считали, что, независимо отъ личныхъ взглядовъ Сталина, необходимость опереться на партійный аппаратъ и мѣстныя организаціи, вызванная острой борьбой съ Троцкимъ, создастъ для него необходимость далеко идущихъ уступокъ сторонникамъ неонэпа. Эта борьба, по мнѣнію многихъ губернскихъ работниковъ, поддерживая Сталина, должна была чрезвычайно повысить удѣльный вѣсъ умѣренныхъ членовъ Политбюро, превративъ его въ правильно функціонирующій органъ конституціонной жизни партіи. Я долженъ сказать откровенно, что, въ свою очередь, почти полностью раздѣлялъ эту, оказавшуюся совершенно ошибочной, точку зрѣнія. Мы не учитывали одного: полной политической безпринципности Сталина, его готовности мѣнять свои политическіе лозунги чуть ли не каждый день, его знаніе внутренней политической кухни партіи,

а, главное, его сильной воли и смѣлости, въ сравненіи съ его слабодушными и трусливыми партнерами. Бѣдный Староста Калининъ и, даже сравнительно смѣлый, Рыковъ неминуемо должны были, оставшись одинъ на одинъ со Сталинымъ въ Политбюро, потерять даже то сравнительно небольшое значеніе, которое они имѣли раньше во внутренней партійной жизни. Роль партійнаго аппарата нами также была переоцѣнена. Этотъ аппаратъ, въ большей своей части, уже успѣлъ сгнить, превратившись въ касту бюрократовъ-чиновниковъ, имѣющихъ свои собственные кастовые интересы, независимо отъ общихъ интересовъ страны и даже коммунистической партіи. Такой аппаратъ можно было легко держать въ рукахъ обычными методами, примѣняющимися къ бюрократическимъ аппаратамъ всѣхъ странъ и народовъ. Достаточно было бы Сталину полностью подчинить себѣ руководителя этого аппарата, Молотова, — а это было совсѣмъ нетрудно, — чтобы партійный аппаратъ въ большей своей части безпрекословно перешелъ на сторону того, кто взялъ въ свои руки палку. Такъ это и случилось впослѣдствіи, но въ то время многимъ казалось, что борьба и побѣда надъ Троцкимъ будетъ означать окончательную побѣду идеи неонэпа, т. е., по существу, будетъ приближаться къ Термидору совѣтской революціи.

Интересно было наблюдать, какъ измѣнялось настроеніе партійныхъ круговъ за 1926-ой и 1927-ой года. Недовольство деревни начинало широко проникать въ партійныя организаціи, вызывая настроеніе злобы и раздраженія противъ центральнаго руководства. Часть партійной и комсомольской интеллигенціи прямо выдвигало требованіе о необходимости предоставить крестьянству воз-

можность создать самостоятельную политическую организацію, которая отражала бы интересы крестьянства и защищала бы его нужды. Въ связи съ этимъ была довольно широко распространена въ комсомольскихъ кругахъ теорія двухъ партій: коммунистической партіи, какъ отражающей и защищающей интересы рабочихъ, и второй партіи, чисто крестьянской, имѣющей цѣлью защищать крестьянскія требованія. Нѣкоторые, даже весьма отвѣтственные, члены коммунистической партіи выступали, пока что, лишь въ частныхъ разговорахъ, сторонниками этой теоріи двухъ партій. На сторонѣ этой теоріи были и нѣкоторые члены Политбюро, въ частности, Калининъ. Въ пылу драки съ троцкистами, сталинскій аппаратъ не проявлялъ большого желанія бороться съ такими настроеніями. Основной лозунгъ былъ: главный огонь по лѣвому уклону. Правый уклонъ оставлялся въ покоѣ и могъ, поэтому, широко распространять въ партійныхъ кругахъ свои взгляды и настроенія. Правда, сторонникамъ этихъ взглядовъ приходилось соблюдать нѣкоторую осторожность во время своихъ оффиціальныхъ выступленій. Такъ, нѣкоторые изъ выступавшихъ съ этими взглядами на партійныхъ собраніяхъ или въ печати, были подвергнуты различнымъ мѣрамъ партійнаго взысканія, вплоть до исключенія изъ партіи.

Отвѣтственные члены партіи, съ которыми приходилось бесѣдовать по вопросамъ внутрипартійныхъ разногласій, соблюдали при этомъ максимальную осторожность. Они явно остерегались давать ясные и точные отвѣты, не зная, на какой политической позиціи станетъ въ рѣшающій моментъ Сталинъ и его аппаратъ. Всѣ они прекрасно знали, что, по своимъ взглядамъ, Сталинъ

очень близокъ къ Троцкому. Однако, у нихъ существовала надежда на инерцію давленія на Сталина большей части партійныхъ организацій, главнымъ образомъ, деревенскихъ круговъ. Притомъ же и самъ Сталинъ на этой стадіи борьбы вынужденъ былъ развязывать правыя настроенія, ибо передъ партійнымъ фронтомъ борьба развивалась, какъ столкновеніе двухъ политическихъ программъ, а не безпринципная драка двухъ вождей.

Со всѣхъ сторонъ передавали, что въ Политбюро формируется крѣпкое правое ядро изъ Рыкова, Томскаго и Калинина, къ которому въ отдѣльныхъ голосованіяхъ могутъ примыкать Рудзутакъ, Ворошиловъ и Куйбышевъ.

Къ этимъ внутрипартійнымъ разногласіямъ, развившимся въ центрѣ политической жизни страны, въ Москвѣ, присоединялись спеціальныя внутрипартійныя тренія на окраинахъ въ національныхъ республикахъ. Такъ, на Украинѣ сильно развивались націоналистическія настроенія въ низовыхъ партійныхъ кругахъ, особенно среди деревенскихъ коммунистовъ. Эти настроенія въ окаррикатуренномъ видѣ перебрасывались и на общіе вопросы внутрипартійной борьбы. По странной ироніи событій, націоналистическое крыло украинской коммунистической партіи было болѣе склонно контактировать и сотрудничать съ крыломъ Троцкаго, чѣмъ со Сталинымъ и группирующимися вокругъ него умѣренными кругами.

Такимъ образомъ, въ сложной россійской обстановкѣ снова повторились соотношенія силъ 1917-го года, когда самые крайнія націоналистическія теченія контактировали и сотрудничали съ самыми лѣвыми политическими партіями.

Глава VII

МОСКВА

(окончаніе)

Въ окт. 1927 г. мнѣ сообщили черезъ Наркоминдѣлъ, что Сталинъ желаетъ меня видѣть для большого политическаго разговора, связаннаго съ моей работой въ Японіи и предстоящей мнѣ работой во Франціи. Было жаркое время. Готовилось постановленіе объ исключеніи оппозиціонеровъ, и тотъ фактъ, что въ этотъ жаркій моментъ Сталинъ все же хотѣлъ удѣлить мнѣ время для разговора, показывало, что онъ придаетъ этому разговору большое значеніе и считаетъ его политически очень важнымъ.

Сталинъ встрѣтилъ меня на этотъ разъ чрезвычайно привѣтливо. Мнѣ пришлось ожидать его не болѣе пяти минутъ въ комнатѣ его секретаря, Товстухи. Интересно отмѣтить, что въ этотъ моментъ, когда борьба съ оппозиціей достигала чрезвычайной остроты, были крайне усилены мѣры по личной охранѣ Сталина: въ распоряженіи ГПУ имѣлись свѣдѣнія, что возможно покушеніе на Сталина со стороны оппозиціонеровъ. Поэтому попасть къ

Сталину можно было пройдя черезъ тщательно организованный контроль.

Мнѣ пришлось оставить свой дипломатическій паспортъ внизу, въ помѣщеніи комендантуры, гдѣ мнѣ дали пропускъ, послѣ чего при входѣ въ зданіе ЦК дежурный чиновникъ ГПУ подвергъ меня внимательному разспросу и довольно долгому разглядыванію. Я чувствовалъ, что ему очень хотѣлось попросить меня открыть мой портфель, но онъ не рѣшился, очевидно, предъявить такое требованіе, такъ какъ на предложенные мнѣ нѣсколько вопросовъ я отвѣтилъ въ сухомъ тонѣ и попросилъ не задерживать меня по пустякамъ.

Сталинъ началъ съ разспросовъ о китайскихъ дѣлахъ и о моей работѣ въ Японіи. Онъ отпустилъ при этомъ по моему адресу нѣсколько неуклюжихъ комплиментовъ, сказавъ, что Политбюро осталось чрезвычайно довольнымъ моимъ умѣлымъ маневрированіемъ въ Японіи. Онъ объяснилъ мнѣ, что это удовлетвореніе, главнымъ образомъ, объяснялось тѣмъ, что ГПУ удалось выкрасть секретную переписку одного посла въ Токіо, со своимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этой перепискѣ иностранный посолъ чрезвычайно расхваливалъ меня, приписывая мнѣ, впрочемъ, совершенно незаслуженно, разныя дипломатическія побѣды.

— Вы маневрировали превосходно, показавъ образецъ работы умѣлаго совѣтскаго дипломата. Однако, я хотѣлъ бы уже сейчасъ указать вамъ на нѣкоторые ваши недостатки, которые могутъ проявляться и впослѣдствіи въ вашей работѣ. Къ этимъ недостаткамъ, въ первую очередь, слѣдуетъ отнести вашу чрезмѣрную мягкость. Въ международныхъ отношеніяхъ и дипломатической работѣ

нужно показывать больше твердости и настойчивости, иначе вы легко поддаетесь вліянію окружающей васъ, по существу, враждебной намъ среды. Васъ обволакивали лаской и вниманіемъ, которыя вы принимали за чистую монету, а не за техническій пріемъ въ работѣ японской дипломатіи. Я знаю, что вы были очень близки съ Дебучи и при этомъ вели себя даже не вполнѣ тактично съ точки зрѣнія требованій, предъявляемыхъ къ пролетарской дипломатіи. Вы черезчуръ афишировали свою личную дружбу съ представителями буржуазной дипломатіи, что не могло не компрометировать васъ въ глазахъ японскаго пролетаріата. Но, въ данномъ случаѣ, поскольку вы имѣли передъ собой совершенно исключительную по своей важности задачу и успѣшно справились съ ней, все остальное отходитъ на задній планъ и не можетъ вамъ ставиться въ вину. Мы поручили вамъ маневрировать такъ, чтобы Японія не пошла на совмѣстную интервенцію съ Англіей въ Китаѣ, и вы блестяще справились съ этой задачей. Политбюро поручило мнѣ благодарить васъ за эту работу. . .

Я отвѣтилъ, что мнѣ приписываютъ совершенно незаслуженно эту побѣду. Отказъ Японіи отъ совмѣстной съ Англіей интервенціи въ Китаѣ вытекалъ изъ совершенно объективныхъ факторовъ, а не изъ моихъ субъективныхъ заслугъ. Я воспользовался этимъ разговоромъ, чтобы еще разъ подчеркнуть Сталину необходимость крайней осторожности въ Китаѣ и Манчжуріи, такъ какъ въ случаѣ ущемленія нами японскихъ интересовъ въ Китаѣ, никакое маневрированіе нашихъ пословъ въ Токіо не спасетъ насъ отъ вооруженнаго конфликта съ Японіей.

Сталинъ отвѣтилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, заявле-

ніе Дебучи разсчитано на то, чтобы напугать насъ и заставить идти полностью въ фарватерѣ японской политики въ Китаѣ. При этомъ онъ добавилъ, что временная неудача китайской революціи снимаетъ пока что этотъ вопросъ съ порядка дня.

На мое замѣчаніе, что неудача китайской революціи была совершенно неизбѣжна, ибо мы ставили передъ собой утопическія задачи — совѣтизировать китайскую революцію — и что національная революція въ Китаѣ должна была проходить по кемалистскому образцу, Сталинъ отвѣтилъ мнѣ, что я, очевидно, полностью усвоилъ себѣ оппортунистическія идеи Коппа и ходъ мыслей японскаго министра Дебучи.

— Вы хотите танцовать отъ печки, какъ семинаристъ въ извѣстномъ анекдотѣ, — сказалъ Сталинъ. — Тотъ фактъ, что одна изъ національныхъ революцій, турецкая, прошла успѣшно по опредѣленному образцу, который вы называете кемалистскимъ, вовсе не означаетъ, что любая національная революція въ любой странѣ должна развиваться по этому образцу. Такъ разсуждать можно лишь схоластически, а не діалектически. Въ Турціи имѣлись специфическія условія, въ частности, полное отсутствіе національной буржуазіи, какъ индустріальной, такъ и торговой. Индустріи вообще не было, а торговали въ Турціи греки и армяне, но не турки. Турецкая революція прошла подъ флагомъ борьбы турецкаго крестьянства. И въ этой борьбѣ ея вождь, Кемаль, осторожно велъ Турцію типичнымъ путемъ всякой мелко-буржуазной политической мысли. И, конечно, онъ боялся турецкихъ коммунистовъ тѣмъ же самымъ паническимъ страхомъ, съ какимъ относился къ нимъ мелкій турецкій лавочникъ или мужичекъ,

дрожащій за свою жалкую земельную собственность, не превышающую пары гектаровъ. Потомъ, не нужно забывать еще одного обстоятельства: въ сферѣ нашей международной политики мы полностью использовывали и использовываемъ кемалистскую Турцію въ нашей борьбѣ противъ Англіи. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что мы должны идеализировать внутреннюю политику Кемаля, изображая его настоящимъ, послѣдовательнымъ революціонеромъ. Кемаль можетъ насъ тоже продать и предать, конечно, не Англіи, а другой капиталистической странѣ, которая обнаружитъ больше покладистости и у которой отсутствуютъ тѣ коренные антагонизмы, что характеризуютъ англо-турецкія отношенія. Вспомните только договоръ Кемаля съ Франклэнъ-Буйономъ и вы поймете, что кемалистская Турція можетъ прекрасно сочетать дружбу съ совѣтской Россіей съ дружбой съ другими странами. Въ Китаѣ передъ нами стояли совершенно другія задачи. Намъ нужно было такое китайское правительство, которое согласилось бы стать рычагомъ всей нашей революціонной политики въ Азіи и, особенно, въ Индіи и Индо-Китаѣ. Кемалистскій Китай далъ бы въ качествѣ руководителей своихъ такихъ китайскихъ политиковъ, которые были бы черезчуръ связаны съ иностранными интересами Китая. Вы вѣдь знаете, что такое китайскіе компрадоры, эти китайскіе посредники, которые самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ иностранной торговлей.

— Кемализировать китайскую революцію, означало бы поставить у власти этихъ компрадоровъ. Въ такомъ видѣ китайская революція намъ не нужна. Затѣмъ, другое. Китай все же, не въ примѣръ Турціи, имѣетъ въ нѣкоторыхъ районахъ высоко развитую индустрію и милліонный

пролетаріатъ. Этотъ пролетаріатъ долженъ былъ сдѣлаться гегемономъ китайской революціи съ той же неизбѣжностью, съ которой въ 1905-мъ году русскій пролетаріатъ сдѣлался гегемономъ россійской революціи. Вообще, условія революціоннаго движенія въ Китаѣ и соотношенія силъ крайне напоминаетъ Россію. То же многочисленное крестьянство, задыхающееся въ тискахъ аграрнаго кризиса, та же индустрія, находящаяся въ рукахъ иностранцевъ, и, сравнительно, многочисленный количественно, но слабый по удѣльному вѣсу пропорціонально количеству населенія страны пролетаріатъ.

— Конечно, мы сдѣлали страшную ошибку въ Китаѣ, но вовсе не тамъ, гдѣ вы ее видите. Китайскую революцію можно было совѣтизировать, но при одномъ условіи: широко развить аграрное движеніе въ странѣ. Китайскій крестьянинъ долженъ былъ получить ясныя и точныя директивы отъ коммунистической партіи въ своей борьбѣ съ помѣщиками. Надо было китайскому крестьянину сразу сказать то же самое, что мы сказали русскому крестьянину: «Жги имѣнія, убивай помѣщиковъ, захватывай и дѣли землю». А вмѣсто этого, мы занимались всякими отвлеченными дискуссіями по вопросу о гоминданѣ. . .

Я очень пространно возражалъ Сталину и, въ частности, обратилъ его вниманіе на тотъ фактъ, что никакой статистики въ Китаѣ вообще не существуетъ, что никому не извѣстно не только о китайскихъ земельныхъ отношеніяхъ, но и о точномъ числѣ населенія въ отдѣльныхъ китайскихъ провинціяхъ. Такъ, напримѣръ, населеніе нѣкоторыхъ китайскихъ провинцій одними статистиками исчисляется въ 10 милліоновъ человѣкъ, другими — въ 20

милліоновъ, а третьими — въ 40 милліоновъ. Точно также неизвѣстна точная картина земельныхъ отношеній въ Китаѣ. Во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ китайскихъ провинцій нѣтъ не только латифундій, но даже средней земельной собственности, и земли находятся въ пользованіи крестьянина мелкими участками. Я указалъ Сталину, что феодализмъ въ Китаѣ дѣйствительно существуетъ, но совсѣмъ не въ тѣхъ формахъ земельныхъ отношеній, какія онъ себѣ представляетъ.

Феодализмъ въ Китаѣ сказывается въ другомъ фактѣ: въ томъ, что каждая провинція имѣетъ своего дубаня, генералъ-губернатора, фактически совершенно независимаго сатрапа, распоряжающагося вооруженной силой и заставляющаго крестьянъ платить ему опредѣленные налоги съ земли, находящейся въ пользованіи крестьянина (собственность на землю въ Китаѣ, какъ извѣстно, въ большинствѣ провинцій не существуетъ). Этотъ дубань по существу представляетъ собой типичнаго средневѣковаго феодала-разбойника, грабящаго окрестное населеніе. Существованіе такихъ феодаловъ-разбойниковъ возможно лишь вслѣдствіе слабости или, вѣрнѣе, почти полнаго отсутствія центральной власти въ Китаѣ. Слѣдовательно, основной и первоочередной задачей китайской революціи было бы созданіе такой сильной центральной власти, что совершенно невозможно безъ привлеченія къ участію въ правительствѣ хозяйственно крѣпкихъ слоевъ населенія. Я указалъ и на то, что аналогія съ русской революціей грѣшитъ поверхностностью, такъ какъ русская революція все же объяснялась не только внутренними политическими отношеніями въ странѣ, но и общей хозяйственно-политической разрухой, вызванной войной.

Мы довольно долго говорили на эту тему, и Сталинъ оспаривалъ мою точку зрѣнія, но я не замѣтилъ на этотъ разъ въ немъ ни обычной рѣзкости, ни грубости, ни увѣренности въ отстаиваніи своихъ позицій. Видно было, что ему самому вопросъ этотъ не представляется достаточно яснымъ и что онъ просто пытается подгонять факты къ сложившимся у него опредѣленнымъ политическимъ схемамъ. Возможно, что въ нѣкоторомъ отсутствіи увѣренности играло роль и то обстоятельство, что меня въ ту пору политбюро считало знатокомъ Дальняго Востока, и мои возраженія, которыя я непрерывно иллюстрировалъ конкретными цифровыми указаніями, производили на Сталина несомнѣнное впечатлѣніе.

Закончивъ часть бесѣды, касавшуюся Японіи и Китая, Сталинъ сказалъ мнѣ, что онъ считалъ совершенно необходимымъ повидать меня передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ, такъ какъ въ Парижѣ создалась очень трудная обстановка, и онъ не считалъ возможнымъ мой отъѣздъ во Францію безъ предварительнаго обмѣна мнѣній съ нимъ.

— Къ сожалѣнію, — сказалъ онъ, — намъ не удалось сохранить Раковскаго въ Парижѣ. Это большой ударъ: Раковскій плавалъ, какъ рыба въ водѣ, во французской обстановкѣ. По своей натурѣ, онъ западно-европейскаго типа государственный дѣятель. Онъ любитъ парламентскую трескотню и разные фокусы межпартійныхъ комбинацій. Въ нашей совѣтской обстановкѣ ему скучно, и это не даетъ простора его западно-европейскимъ талантамъ.

Попавъ въ Парижъ, онъ, несомнѣнно, увлекся развитіемъ личныхъ и политическихъ связей и сталъ черезчуръ

вліятельной и активной фигурой на внутриполитическомъ французскомъ горизонтѣ; этимъ объясняется острая антипатія къ нему со стороны французскаго правительства и особенно со стороны предсѣдателя совѣта министровъ. Мы нѣсколько разъ указывали Раковскому на необходимость сократить свою активность, но онъ возражалъ, отвѣчая, что иначе въ Парижѣ невозможно работать и ставя намъ въ примѣръ испанскаго посла, Кинонесъ-де-Леоне, который, де, имѣетъ гораздо большія, чѣмъ онъ, связи... Конечно, кампанія противъ Раковскаго была инспирирована Англіей. Но эта кампанія не дала бы реальныхъ результатовъ, если бы самъ Раковскій не сдѣлалъ себя такой одіозной фигурой въ глазахъ правительства. Вдобавокъ, у Раковскаго слишкомъ бурный темпераментъ. Вмѣсто того, чтобы успокоиться и дать забыть о себѣ, онъ сейчасъ же послѣ засѣданія совѣта министровъ въ Рамбуйэ выступилъ съ сообщеніями, интервью, и только подлилъ масла въ огонь.

Большую роль въ этой исторіи сыграло также то обстоятельство, — продолжалъ Сталинъ, — что въ вашемъ миломъ вѣдомствѣ царятъ исключительно безобразные нравы. Личные счеты сводятся на вопросахъ первостепенной государственной важности. Этотъ полупьяный паникеръ, Чичеринъ, готовъ утопить Раковскаго въ ложкѣ воды. Съ 2-го по 14-ое сентября, когда вся французская печать пошла на Раковскаго въ штыки, онъ не проронилъ ни слова. А вмѣстѣ съ нимъ принуждена была молчать и наша пресса. У французовъ создалось впечатлѣніе, что мы не собираемся, или не можемъ, защищать Раковскаго. Политбюро не замѣтило интриги Чичерина. Узнали мы о ней только отъ вернувшагося изъ отпуска

Литвинова. Литвиновъ сообщилъ также, что чичеринская запись разговора съ Эрбеттомъ, якобы, требовавшимъ отозванія Раковскаго подъ угрозой немедленнаго разрыва отношеній между Франціей и совѣтскимъ союзомъ, явно переврана, и переврал ъ ее намѣренно самъ Чичеринъ, впавшій въ панику.

Чтобы спасти Раковскаго и предотвратить разрывъ, мы поспѣшили урегулировать вопросъ о долгахъ, несмотря на всю политическую и финансовую тяжесть такого рѣшенія. Но Раковскаго спасти не удалось, а разрывъ намъ, оказывается, не угрожалъ. . . Теперь надо подумать о томъ, какъ выйти изъ положенія, если французы вздумаютъ подхватить наши предложенія и серьезно приступятъ къ переговорамъ о долгахъ. Впрочемъ, вы, дипломаты, народъ хитрый, выпутаться всегда сумѣете. Зато вамъ и деньги платимъ въ иностранной валютѣ, — пошутилъ онъ.

Я сталъ доказывать Сталину, что врядъ ли можно вести дипломатическую работу во Франціи, имѣя единственную директиву — сорвать предложеніе Раковскаго о долгахъ.

Сталинъ возражалъ:

— Политбюро, помимо принципіальныхъ соображеній, считаетъ, что у насъ денегъ нѣтъ и что платить французамъ нѣтъ смысла, ввиду потери Парижемъ его прежняго положенія, какъ кредитно-финансоваго центра. Можно подумать о замѣнѣ платежей нѣкоторыми уступками политическаго характера, и ихъ цѣной укрѣпить франко-совѣтскія отношенія. Такими уступками могло бы явиться улучшеніе съ нашей стороны отношеній съ Польшей или окончательная уступка Бессарабіи, что позво-

лило бы одновременно установить нормальныя отношенія съ Румыніей.

По цѣлому ряду соображеній, внутренняго и внѣшне-политическаго характера, я не считаю возможнымъ длительное улучшеніе отношеній съ Польшей, — прибавилъ Сталинъ. — Лучше ужъ договариваться съ Румыніей о Бессарабіи. Но, помните одно, это чрезвычайно щекотливый вопросъ, онъ можетъ легко попасть въ орбиту нашихъ внутрипартійныхъ споровъ. Будьте очень осторожны. Сначала прощупайте почву, и сдѣлайте это такъ, чтобы никто въ Наркоминдѣлѣ ничего не зналъ...

Послѣ разговора со Сталинымъ, я повидалъ Чичерина, съ которымъ снова имѣлъ разговоръ о франко-совѣтскихъ отношеніяхъ, а заодно объ обстановкѣ работы совѣтскаго посольства въ Парижѣ. Литвиновъ въ это время отсутствовалъ и вмѣсто него техническія директивы и указанія долженъ былъ дать мнѣ Чичеринъ.

Чичеринъ былъ крайне обезпокоенъ продолжавшейся противъ совѣтскаго посольства кампаніей во французской прессѣ. Эта кампанія уже почти утихла, но Чичеринъ боялся, что она можетъ снова вспыхнуть въ связи съ происходившимъ тогда въ Парижѣ процессомъ Шварцбарда, убившаго Петлюру. Вообще, Чичеринъ на этотъ разъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, насквозь непропитаннаго паникерскими настроеніями. Онъ боялся немедленнаго разрыва, боялся военной интервенціи, боялся всѣхъ и вся. Я попросилъ его обрисовать мнѣ аппаратъ совѣтскаго посольства въ Парижѣ. Чичеринъ криво усмѣхнулся: въ этомъ аппаратѣ сейчасъ почти никого нѣтъ. Первымъ секретаремъ останется Дивильковскій, бывшій личный секретарь Литвинова, устроенный имъ, въ награ-

ду за вѣрную службу, въ парижскомъ посольствѣ. Дивильковскій имѣетъ одно только положительное качество: онъ хорошо говоритъ по-французски. Въ остальномъ это полнѣйшее ничтожество, а главное, сплетникъ и интриганъ. При этомъ онъ отличается феноменальной трусостью. Пріѣзжавшіе изъ Парижа, товарищи разсказывали мнѣ очень забавную исторію. Когда, послѣ коммунистическихъ демонстрацій въ Парижѣ, вызванныхъ приговоромъ надъ Сакко и Ванцетти, французская полиція начала высылку многихъ совѣтскихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ политической работѣ во Франціи, Раковскій послалъ Дивильковскаго въ префектуру полиціи съ порученіемъ повидаться лично съ префектомъ полиціи, Кьяппомъ, и просить, отъ имени Раковскаго, задержать высылку нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ представителя совѣтскаго телеграфнаго агентства. Кьяппъ долго не принималъ Дивильковскаго, а когда послѣдній вошелъ къ нему въ кабинетъ, встрѣтилъ его сухо и такими раздраженными фразами, громко крича на весь кабинетъ, что Дивильковскій отъ испуга не могъ вымолвить ни одного слова, и блѣдный и растерянный удалился изъ кабинета Кьяппа, такъ и не передавъ ему порученія Раковскаго. Возвратившись въ посольство, Дивильковскій слегъ въ постель и нѣсколько дней лежалъ съ повышенной температурой, такой ужасъ нагналъ на него Кьяппъ. — Вы сами понимаете, — закончилъ Чичеринъ, — какова цѣна подобнымъ работникамъ.

— Кромѣ Дивильковскаго, вы будете имѣть въ посольствѣ второго секретаря, Гельфанда. Это — вновь назначенный чиновникъ, какъ говорятъ, хорошій администраторъ. Впрочемъ, онъ будетъ заниматься дѣлами, не

имѣющими прямого отношенія къ работѣ посольства: ему поручено руководство работой всѣхъ совѣтскихъ общественныхъ организацій въ Парижѣ и сотрудничество въ работѣ этой съ тамошнимъ представителемъ ГПУ. Имѣйте въ виду, что у Гельфанда далеко не безупречное прошлое: онъ въ 1924-мъ году игралъ очень большую роль, будучи замѣстителемъ начальника политическаго секретаріата народнаго комиссара путей сообщенія. Затѣмъ его исключили изъ партіи по постановленію центральной контрольной комиссіи за всякія служебныя преступленія, хищенія и безхозяйственность. Приняли его въ партію снова лишь благодаря протекціи и поддержкѣ покойнаго Дзержинскаго и Рудзутака. Но въ работѣ съ нимъ нужно быть очень осторожнымъ, такъ какъ характеръ его нисколько не измѣнился послѣ понесеннаго имъ наказанія.

— Однако, — улыбнулся Чичеринъ, — мы вамъ даемъ очень крупнаго работника, который долженъ будетъ помогать вамъ въ вашей работѣ въ Парижѣ. Вчера политбюро приняло постановленіе о назначеніи въ Парижъ вторымъ совѣтникомъ посольства товарища Аренса. Это одинъ изъ самыхъ способныхъ политическихъ работниковъ въ Наркоминдѣлѣ. У него имѣется, правда, крупный недостатокъ — онъ попалъ въ коммунистическую партію лишь въ 1921-мъ году, перейдя въ нее изъ еврейской соціалъ-демократической партіи «бундъ», и сохранилъ личныя и семейныя связи съ разными своими родственниками, и теперь еще находящимися въ рядахъ бунда. Аренсъ, правда, утверждаетъ, что онъ использовываетъ эти связи исключительно для нашей же пользы, и я готовъ ему вѣрить, но въ политбюро къ нему относятся нѣсколько подозрительно. Эта подозрительность объясняет-

ся также и тѣмъ обстоятельствомъ, что еще въ 1920-мъ году Аренсъ служилъ въ одной коммерческой фирмѣ въ Парижѣ, которая занималась поставкой военнаго снаряженія для Польши во время происходившей тогда польско-совѣтской войны.

Аренсъ имѣетъ громаднѣйшія знакомства и связи въ Парижѣ, и ему поручена, поэтому, спеціальная работа: онъ долженъ установить контактъ съ прессой, расширять наши общественныя и политическія связи и тормазить ведущуюся противъ насъ во французской прессѣ кампанію. Политбюро ассигновало на эту надобность большую сумму: 120 тысячъ долларовъ въ годъ. Аренсъ будетъ получать эти деньги черезъ васъ и отчитываться передъ центральной контрольной комиссіей. Вы же, со своей стороны, присылайте насъ сообщенія о взятыхъ имъ суммахъ. Это нужно для полнаго контроля и для того, чтобы мы также были въ курсѣ дѣла, — кисло усмѣхнулся Чичеринъ. — Притомъ же я не имѣю права подозрѣвать тов. Аренса въ желаніи использовать эти суммы на свои личныя надобности, но онъ любитъ широко пожить; навѣрняка, обзаведется въ Парижѣ отдѣльной квартирой (ему это разрѣшено въ видѣ исключенія), и въ этихъ условіяхъ нуженъ все же возможно болѣе строгій контроль надъ расходованіемъ отпущенныхъ ему средствъ. Это нужно сдѣлать тѣмъ болѣе, что Аренсъ, будетъ также являться неоффиціальнымъ представителемъ Коминтерна; у него въ Коминтернѣ старыя связи, еще со временъ работы тамъ Радека, всегда являвшагося однимъ изъ главныхъ покровителей Аренса. Имѣйте въ виду, что, хотя Аренсъ, какъ второй совѣтникъ посольства, будетъ находиться формально въ вашемъ подчиненіи, тѣмъ не менѣе, въ виду

важности поручаемой ему спеціальной работы, онъ будетъ по этой работѣ непосредственно отчитываться и сноситься съ Москвой. Постарайтесь установить съ нимъ хорошія личныя отношенія, и тогда вы сможете быть въ курсѣ общаго направленія его работы, но имѣйте въ виду, что формально Аренсъ не обязанъ отчитываться передъ вами...

Я задалъ Чичерину нѣсколько вопросовъ о работѣ во Франціи органовъ ГПУ и Коминтерна. Онъ уклонился отъ точнаго отвѣта, отдѣлываясь общими фразами и ссылаясь на то, что точныя свѣдѣнія я смогу получить въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ. Сейчасъ представителемъ ГПУ въ Парижѣ является второй секретарь посольства, Михайловъ, который вскорѣ будетъ переведенъ въ Берлинъ. На его мѣсто уже назначенъ представителемъ ГПУ Яновичъ, бывшій представитель ГПУ въ Константинополѣ и Прагѣ. Онъ работалъ тамъ подъ другими фамиліями: въ Константинополѣ онъ носилъ фамилію Вилянскій. Формально онъ будетъ числиться у васъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи посольства. Кстати, основную работу будетъ выполнять не онъ, а его жена...

Что касается работы во Франціи Коминтерна, то могу вамъ лишь сказать, что на эту работу Коминтернъ отпускаетъ ежегодно около 4 милліоновъ франковъ. Деньги проходятъ черезъ берлинскій финансовый центръ.

Въ концѣ бесѣды Чичеринъ сказалъ мнѣ: — Все же надо отдать справедливость работѣ нашего ГПУ. Имъ удалось найти ключъ къ цѣлому ряду шифровъ, въ томъ числѣ къ шифру фрацузскаго посольства въ Москвѣ. Если хотите, я покажу вамъ расшифрованную телеграмму

французскаго посольства въ Москвѣ, сообщающую въ Парижъ о вашемъ назначенiи...

Чичеринъ протянулъ мнѣ небольшой клочекъ бумаги, на которомъ я прочиталъ расшифрованную телеграмму.

Меня заинтересовало это обстоятельство, и я задалъ Чичерину вопросъ, какимъ образомъ ГПУ могло добиться такого успѣха. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:
— Вы вѣдь знаете, что они не посвящаютъ насъ въ тайны своей оперативной техники. Такъ называемый, спецотдѣлъ ГПУ, то-есть отдѣлъ, руководящiй работой всѣхъ нашихъ шифровальщиковъ и работой по расшифровыванiю иностранныхъ телеграммъ, поставленъ превосходно. Начальнику этого отдѣла, Бокiю, удалось найти нѣкоторыхъ старыхъ работниковъ по шифрамъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ платитъ имъ колоссальныя деньги, обезпечилъ ихъ квартирами и предоставилъ возможность жить лучше, чѣмъ они жили раньше. Эти работники сидятъ по 12-16 часовъ въ день за расшифровкой телеграммъ. Конечно, для расшифровки имъ необходимо какое-нибудь маленькое дополнительное указанiе. Напримѣръ, знать приблизительно о содержанiи отправляемой телеграммы, знать хотя бы одно слово, встрѣчающееся въ этой телеграммѣ. Такiя указанiя легко добыть черезъ имѣющихся въ каждомъ посольствѣ секретныхъ агентовъ ГПУ, среди низшаго персонала. А также благодаря прекрасно организованной системѣ микрофоннаго подслушиванiя. Вѣдь, знаете, эти прохвосты изъ ГПУ имѣютъ свои микрофоны почти во всѣхъ иностранныхъ посольствахъ, находящихся въ Москвѣ. У нихъ существуетъ даже специальная комната, гдѣ сосредоточены

подслушивательные пункты. Помню, какъ-то Трилиссеръ, который, очевидно, желалъ хвастнуть передо мною своей блестящей организаціей, сказалъ мнѣ: «Хотите послушать, какъ сегодня афганскій посолъ будетъ объясняться въ любви одной изъ артистокъ оперетты. Приходите ко мнѣ, и вы услышите всю эту сцену»... Эти прохвосты такъ гордятся своими успѣхами, — продолжалъ Чичеринъ, — что иногда совершаютъ прямую неосторожность, разсказывая объ этомъ въ подвыпившемъ видѣ. Такъ, въ частности, они чуть было не испортили моихъ отношеній съ Брокдорфомъ-Ранцау, который случайно, вслѣдствіе неосторожности ГПУ, узналъ о подслушиваніи своихъ разговоровъ.

Я невольно обвелъ взглядомъ кабинетъ Чичерина. Онъ улыбнулся и сказалъ: — Не безпокойтесь, насъ тоже подслушиваютъ. Въ прошломъ году у меня дѣлали здѣсь, въ кабинетѣ, ремонтъ, и несомнѣнно, этимъ ремонтомъ воспользовались для того, чтобы установить здѣсь микрофонный аппаратъ. Менжинскій не считаетъ нужнымъ даже скрывать это обстоятельство. Онъ какъ-то сказалъ мнѣ: ГПУ **обязано** знать все, что происходитъ въ совѣтскомъ союзѣ, начиная отъ политбюро, и кончая сельскимъ совѣтомъ. И мы достигли того, что нашъ аппаратъ прекрасно справляется съ этой задачей.

Я вышелъ отъ Чичерина въ подавленномъ состояніи. Всемогущество ГПУ и его всепроникающая освѣдомленность не составляли для меня тайны. Я имѣлъ возможность лично наблюдать за границей, какъ отдѣлы ГПУ внимательно наблюдаютъ за жизнью въ совѣтскихъ посольствахъ и за всѣми сотрудниками, начиная отъ посла и кончая послѣднимъ швейцаромъ. Но тамъ, въ загранич-

ной обстановкѣ, это могло еще, если не оправдываться, то, по крайней мѣрѣ, объясняться специальнымъ положеніемъ каждаго совѣтскаго аппарата, находящагося за границей, въ обстановкѣ непрерывной борьбы и столкновенія съ окружающей средой. Но здѣсь, внутри СССР, такая система шпіонажа, когда ГПУ держитъ подъ наблюденіемъ всѣхъ высшихъ сановниковъ совѣтской республики, не могла найти никакого объясненія, кромѣ одного: постепеннаго переростанія аппарата ГПУ изъ одного изъ орудій государственнаго управленія въ механизмъ всесильнаго полицейски-террористическаго властвованія, не имѣющаго передъ собой никакихъ задачъ и цѣлей, кромѣ одной — утвержденія своего всепроникающаго полицейскаго террора. И, дѣйствительно, злобной ироніей исторіи вѣяло отъ того факта, что аппаратъ подобнаго, одновременно полицейскаго и судебнаго террора, появился въ республикѣ, основатели которой выставляли своимъ девизомъ уничтоженіе всякаго насилія и всякой эксплоатаціи. Я невольно задумался надъ мыслью о томъ, можетъ ли оправдать самая благородная цѣль тѣ отвратительные методы, какими приходится бороться за ея осуществленіе.

И мнѣ начинало казаться съ неоспоримой ясностью: путемъ революціи можетъ и долженъ быть путь кратковременнаго вооруженнаго возстанія, съ неизбѣжнымъ при этомъ пролитіемъ крови и неизбѣжными эксцессами толпы. Но путемъ революціи ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть методъ организованной полицейско-судебной диктатуры, всеобщаго сыска, шпіонажа и полнаго подавленія на **длительный періодъ** права человѣческой личности. Методъ этотъ ведетъ лишь къ весьма быстрой деморализа-

ціи тѣхъ, кто выставилъ передъ собою какую бы то ни было благородную цѣль.

Механика борьбы очень быстро оттѣсняетъ и затушевываетъ ея цѣли и приноситъ этимъ цѣлямъ вредъ, гораздо большій, чѣмъ вредъ, наносимый ихъ прямыми врагами и угнетателями народныхъ массъ. Идею нельзя убить или задавить, но ее легко можно дискредитировать. Это единственный способъ уничтоженія идеи. И ГПУ сдѣлало все возможное и даже невозможное, чтобы дискредитировать ту идею, для защиты которой оно было создано Ленинымъ.

Въ Коминтернѣ мнѣ сказали, что на Францію начинаютъ возлагать очень большія надежды въ связи съ блестящимъ результатомъ коммунистической демонстраціи въ Парижѣ въ день Сакко-Ванцетти. Я прочиталъ одинъ изъ докладовъ, посвященныхъ этому вопросу. Въ немъ говорилось о томъ, что революціонная ситуація во Франціи несомнѣнно наростаетъ, и что демонстраціи Сакко-Ванцетти явятся прекрасной репетиціей для надвигающихся революціонныхъ столкновеній. Правда, эти доклады отмѣчали, что экономическое положеніе во Франціи, къ сожалѣнію (это характерно отмѣтить: въ докладѣ такъ и было сказано: «къ сожалѣнію») недостаточно плохо, чтобы тѣмъ самымъ вызвать непосредственное недовольство рабочихъ массъ. Однако, доклады возлагали большія надежды на надвигавшуюся волну забастовокъ, вызванныхъ стремленіемъ къ повышенію заработной платы. Большія надежды возлагались также на предстоящую стабилизацію франка, въ связи съ чѣмъ ожидался ростъ дороговизны и обостреніе борьбы за заработную плату.

Большія жалобы встрѣчались въ этихъ докладахъ на

личный составъ руководства французской коммунистической партіи. Все руководство, за немногими исключеніями, подвергалось жесточайшей и безпощадной, а иногда прямо неприличной критикѣ. Нѣкоторыхъ руководителей партіи объявляли повинными въ разныхъ некрасивыхъ дѣлахъ. Я не хочу называть по фамиліи тѣхъ, противъ кого шли эти упреки, но могу привести одну запомнившуюся мнѣ хорошо фразу: «Основной язвой руководства французской коммунистической партіи являются перекрасившіеся вчерашніе оппортунисты и оборонцы, а также нѣкоторые безпринципные адвокаты, компрометирующіе своимъ богатствомъ и образомъ жизни коммунистическую партію, въ рядахъ которой они состоятъ. Наилучшіе революціонные элементы встрѣчаются въ парижскихъ предмѣстьяхъ, но, къ сожалѣнію, эти элементы заражены синдикализмомъ и недостаточно выдержаны съ точки зрѣнія ихъ полной дисциплинированности директивамъ и указаніямъ изъ Москвы. Намъ поэтому приходится лавировать въ строительствѣ партійныхъ органовъ, создавая отъ случая къ случаю руководящій центръ».

Одинъ изъ руководителей Коминтерна, Мануильскій, хорошо знавшій Францію, гдѣ онъ проживалъ еще и до и во время войны, не раздѣлялъ, впрочемъ, общей оптимистической оцѣнки революціонной ситуаціи во Франціи. Онъ сказалъ мнѣ:

— Франція, къ сожалѣнію, черезчуръ разъѣдена системой парламентаризма. Эта система не только коснулась состоятельныхъ слоевъ населенія, но она проникла въ самую толщу народа, вплоть до французскаго пролетаріата. Конечно, французы, по своему темпераменту, склонны къ весьма бурнымъ революціоннымъ выступле-

ніямъ. Но эта склонность отнюдь не доказываетъ, что французскій рабочій можетъ рѣшиться начать длительную революціонную борьбу, требующую огромной выдержки, а, главное, терпѣнія и выносливости. Знаете, меня называютъ циникомъ, — сказалъ Мануильскій, — но я скажу вамъ прямо: если кто-нибудь вздумаетъ мѣсяцъ подрядъ лишить французскаго рабочаго его ежедневнаго аперитива, то онъ пошлетъ такого человѣка къ чорту, хотя бы это былъ эмиссаръ Коминтерна и даже если этотъ рабочій, по натурѣ своей и настроенію, является крайнимъ революціонеромъ и коммунистомъ. А соціальная революція — хитро подмигнулъ Мануильскій, — это вѣдь не то, что лишить на мѣсяцъ аперитива. Это значитъ — посадить на пару лѣтъ на голодный паекъ. И я не вѣрю, что при теперешнемъ блестящемъ хозяйственномъ положеніи Франціи французскій рабочій можетъ пойти на такую перспективу. Франція — единственная страна, гдѣ парламентаризмъ имѣетъ естественныя формы и прекрасную базу во психологіи народныхъ массъ. Народъ производитъ короткія революціонныя демонстраціи и успокаивается, а парламентъ пользуется этими демонстраціями, какъ признакомъ опредѣленнаго недовольства, чтобы производить соотвѣтствующія реформы. При этомъ французскій парламентъ реагируетъ на недовольство страны съ точностью хорошо вывѣреннаго барометра. Вотъ почему французскимъ рабочимъ было бы очень трудно замѣнить парламентскую систему системой открытой, хотя бы пролетарской, диктатуры. Ну, а затѣмъ, я уже не говорю о французской крестьянской массѣ, насквозь пропитанной традиціей собственности и порядка. Эта масса еще и теперь является однимъ изъ основныхъ хозяйственныхъ устоевъ

страны, и найти въ ней ходы для насъ почти невозможно. Французская коммунистическая партія недаромъ не занимается вопросомъ о работѣ въ деревнѣ. Работать среди батраковъ безсмысленно: большая часть изъ нихъ иностранцы. Работать же среди французскихъ крестьянъ, хотя бы малоземельныхъ, просто невозможно. Знаете, одинъ изъ руководителей французской коммунистической партіи, имѣющій связи съ французскими крестьянами и интересующійся крестьянскимъ вопросомъ, разсказалъ мнѣ однажды слѣдующій фактъ. Онъ бесѣдовалъ съ группой винодѣловъ, чрезвычайно радикально настроенныхъ, и расхваливалъ передъ ними крестьянскую политику совѣтскаго правительства и его общую хозяйственную политику. Винодѣлы очень внимательно слушали бесѣдовавшаго съ ними коммуниста, но вдругъ одинъ изъ нихъ задалъ ему вопросъ: «А правда, что въ совѣтской Россіи послѣ октябрьскаго переворота былъ наложенъ арестъ на всѣ вклады въ банкахъ и эти вклады, даже самые мелкіе, не были возвращены?». Коммунистъ вынужденъ былъ подтвердить этотъ общеизвѣстный фактъ. Тогда настроеніе винодѣловъ немедленно рѣзко измѣнилось, и они наотрѣзъ заявили, что такой образъ дѣйствій считаютъ попросту грабительскимъ, а правительство, прибѣгающее къ подобной финансовой политикѣ — разбойничьимъ. . .

— Видите, — сказалъ Мануильскій, — у насъ совершенно не принимаютъ во вниманіе той разницы въ психологіи и развитіи, которая существуетъ между большинствомъ русскаго крестьянства и иностранными крестьянами. Русскій крестьянинъ былъ, конечно, мелкимъ собственникомъ, какъ и иностранный крестьянинъ. Но это былъ мелкій собственникъ, еще не успѣвшій довести свое

хозяйство до настоящаго товарнаго уровня. Онъ былъ крайне мало связанъ съ общимъ финансово-кредитнымъ аппаратомъ страны, неминуемо страдавшимъ больше всего на первой стадіи пролетарской революціи. Вотъ почему русскій крестьянинъ могъ спокойно замкнуться въ первые мѣсяцы послѣ октября въ свое хозяйство, не обращая вниманія на то, что мы дѣлали въ городахъ. Въ Европѣ совершенно иное положеніе. Тамъ крестьянинъ долженъ жестоко пострадать отъ паралича финансово-кредитнаго аппарата, неминуемаго въ первые годы пролетарской революціи. . .

Мануильскій бесѣдовалъ со мной и о перспективахъ на Дальнемъ Востокѣ, разсказавъ о спеціальныхъ задачахъ Коминтерна въ Индіи, Индо-Китаѣ и на Зондскихъ островахъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что революціонное движеніе въ Индіи и прилегающихъ къ ней странахъ должно неминуемо развиваться и крѣпнуть въ ближайшіе годы. Хозяйственный организмъ Британской Индіи начинаетъ принимать уже форму вполнѣ развитаго организма современной страны. Рабочій классъ въ Индіи становится все болѣе и болѣе многочисленнымъ и начинаетъ играть замѣтную политическую роль въ жизни страны. Въ этихъ условіяхъ Коминтерну пришлось поставить вопросъ о необходимости спеціальныхъ дополнительныхъ работъ по развитію и укрѣпленію въ этихъ странахъ революціоннаго движенія и по возможно болѣе крайнему его радикализированію. Президіумомъ Коминтерна принято постановленіе, — сказалъ Мануильскій, — объ ассигнованіи 750 тысячъ долларовъ на эту работу. Профинтерну предложено обратить особое вниманіе на охватъ индійскихъ профессіональныхъ союзовъ и на руководство ихъ стачечной

борьбой. Особенное вниманіе предложено удѣлить текстильнымъ районамъ, организовывая въ нихъ массовыя забастовки и выступленія саботажнаго характера. Для работы въ Индіи будетъ направлено 20 студентовъ изъ Коммунистическаго Университета Трудящихся Востока. . .

— Мы рѣшили также обратить большое вниманіе на революціонную работу въ Индо-Китаѣ, — сказалъ Мануильскій. — До сихъ поръ эта работа шла крайне вяло изъ-за слабости французской коммунистической партіи. Мы предложили имъ создать специальный колоніальный отдѣлъ для руководства этой работой. Однако, этотъ колоніальный отдѣлъ работалъ очень слабо. Теперь мы даемъ совершенно категорическія директивы, одновременно съ усиленіемъ ассигнуемыхъ имъ матеріальныхъ средствъ. Мы требуемъ усиленія работы, созданія широко развитой нелегальной организаціи, которая могла бы въ подходящій моментъ начать возстаніе, а, главное, проникновенія ея въ туземную армію. Безъ этого послѣдняго условія революціонныя перспективы въ Индо-Китаѣ останутся крайне слабыми. Правда, намъ приходится дѣйствовать крайне осторожно, такъ какъ французы еще болѣе чувствительны ко всякой революціонной работѣ въ колоніяхъ, чѣмъ англичане. Просто, они еще не такъ привыкли къ этому, — улыбнулся Мануильскій. — Вотъ почему, а также по причинѣ нашего неполнаго довѣрія конспиративнымъ способностямъ французскихъ коммунистовъ и ихъ активности, мы рѣшили руководить движеніемъ въ Индо-Китаѣ не только черезъ французскую коммунистическую партію, но и непосредственно изъ Москвы черезъ посылаемыхъ нами спеціальныхъ эмиссаровъ: иностранцевъ, индусовъ и аннамитовъ. Эти же эмиссары будутъ

руководить, въ случаѣ надобности, вооруженнымъ возстаніемъ въ Индо-Китаѣ. Впрочемъ, у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ индо-китайскихъ настроеніяхъ, и я не знаю, — закончилъ Мануильскій, — сможетъ ли вооруженное возстаніе нашей нелегальной организаціи разшевелить индо-китайское крестьянство...

Въ нидерландской Индіи положеніе представляется болѣе благопріятнымъ. Тамъ существуетъ уже большая и широко развѣтвленная подпольная организація. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы возстаніе въ нидерландской Индіи произошло возможно скорѣе, такъ какъ въ случаѣ успѣха, оно очень больно ударитъ по двумъ отраслямъ сырьевой добычи: по нефти, а, главное, по каучуку. Параличъ этой сырьевой промышленности, несомнѣнно, отзовется съ крайней болѣзненностью на экономическомъ положеніи во многихъ капиталистическихъ странахъ. Вотъ почему, съ моей точки зрѣнія, — сказалъ Мануильскій, — представляется наиболѣе желательнымъ возможно скорѣе развивать революціонную работу именно въ нидерландской Индіи, ведя ее съ разсчетомъ на неминуемое въ ближайшемъ будущемъ вооруженное возстаніе. Кстати, и по линіи нашей внѣшней политики мы будемъ въ данномъ случаѣ идти въ сторону наименьшаго сопротивленія. Въ Индо-Китаѣ необходимо соблюдать крайнюю осторожность, ибо, въ случаѣ нашего провала и выясненія участія Коминтерна, мы рискуемъ разрывомъ съ Франціей и, можетъ быть, кое-чѣмъ похуже, такъ какъ французы могутъ больно укусить насъ черезъ лимитрофы. Въ нидерландской Индіи можно дѣйствовать совершенно открыто и безнаказанно, такъ какъ Голландіи намъ бояться нечего, и прижать насъ она ничѣмъ не можетъ.

После свиданія съ Мануильскимъ, я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми руководителями Нефтесиндиката. Нефтесиндикатъ являлся организаціей, весьма заинтересованной во франко-совѣтскихъ отношеніяхъ, ввиду большого количества нефти, потребляемаго французскимъ рынкомъ. Въ Нефтесиндикатѣ были вполнѣ довольны нефтяной торговлей съ Франціей. Указывали лишь на то, что нѣкоторыя неудобства представляетъ требованіе совѣтскаго Госбанка объ инкассированіи всѣхъ нефтяныхъ документовъ, — въ томъ числѣ и французскихъ, — черезъ Нью-Іоркъ. Это требованіе, вызванное необходимостью для Госбанка имѣть большой валютный текущій счетъ въ Нью-Іоркѣ, какъ обезпеченіе совѣтскихъ валютныхъ расчетовъ за границей, обостряло отношенія съ французскими банками и не давало возможности создать какую бы то ни было здоровую базу для финансовыхъ операцій во Франціи.

Я задалъ нѣсколько вопросовъ руководителямъ Нефтесиндиката, и убѣдился въ томъ, что совѣтская нефтяная промышленность находится въ крайне напряженномъ и затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе трудности увеличить количество очищенныхъ нефтяныхъ продуктовъ. Переоборудованіе очистительныхъ заводовъ происходило въ крайне слабыхъ размѣрахъ. Было принято рѣшеніе использовать для увеличенія очищенныхъ продуктовъ такъ называемую крекинговую систему, закупивъ необходимое оборудованіе въ Англіи у Виккерса. Однако, техническая часть Нефтесиндиката въ своихъ секретныхъ докладахъ постоянно указывала, что расширеніе очистительной операціи будетъ происходить очень медленнымъ темпомъ и что крекинговое оборудованіе, какъ совершен-

но незнакомое въ Россіи, на первыхъ порахъ будетъ работать недостаточно хорошо.

Въ Нефтесиндикатѣ мнѣ сказали о начавшихся переговорахъ съ испанской нефтяной монополіей, причемъ руководители Нефтесиндиката, указывая, что непосредственные переговоры съ испанской нефтяной монополіей начаты вслѣдствіе давленія народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, высказывали при этомъ большія опасенія всякихъ матеріальныхъ непріятностей для Нефтесиндиката, какъ результата этихъ переговоровъ. Дѣло въ томъ, что Нефтесиндикатъ подписалъ соглашеніе съ однимъ крупнымъ французскимъ банкомъ, согласно которому этотъ банкъ получалъ опсіонъ на право перепродажи совѣтской нефти въ Испаніи. Нефтесиндикатъ справедливо указывалъ, что, приступая къ непосредственнымъ переговорамъ съ испанской нефтяной монополіей, мы нарушимъ этотъ договоръ и дадимъ возможность французскому банку начать противъ Нефтесиндиката дѣло объ убыткахъ. Въ Нефтесиндикатѣ были вообще раздражены тѣмъ обстоятельствомъ, что, по чисто политическимъ соображеніямъ, имъ приходилось нарушать договоръ, подписанный представителями Нефтесиндиката, Мальцманомъ и Часовниковымъ.

Я былъ совершенно не въ курсѣ всего этого вопроса, такъ какъ Чичеринъ не говорилъ со мною по этому поводу, и для меня все дѣло представлялось чрезвычайно неяснымъ. Я не могъ понять, какъ и по какимъ политическимъ причинамъ понадобилось нарушить договоръ съ крупнымъ французскимъ банкомъ и создать крайне тяжелое положеніе для Нефтесиндиката.

Для разъясненія этого вопроса я обратился къ за-

вѣдующему отдѣломъ Западной Европы въ Наркоминдѣлѣ, пресловутому Кагану. Каганъ началъ пространно объяснять мнѣ, что Наркоминдѣлъ рѣшилъ побудить Нефтесиндикатъ вступить въ прямую связь и прямыя торговыя операціи съ испанской нефтяной монополіей, чтобы создать возможность для насъ имѣть базу политическаго вліянія въ Испаніи. По цѣлому ряду причинъ, въ Наркоминдѣлѣ придавали большое значеніе возобновленію дипломатическихъ отношеній между Испаніей и СССР. Въ изложеніи Кагана, я, собственно, не могъ уяснить всѣхъ этихъ причинъ. Единственное, что я могъ понять, это было желаніе Наркоминдѣла имѣть совѣтское посольство еще въ одной средиземно-морской странѣ. Какъ бы то ни было, Наркоминдѣлъ считалъ возможныя политическія выгоды отъ появленія совѣтскаго посольства въ Испаніи настолько большими, что сознательно шелъ на нарушеніе контракта съ французскимъ банкомъ и на неминуемый судебный процессъ, исходъ котораго представлялся болѣе, чѣмъ сомнительнымъ.

Я задалъ Кагану нѣсколько вопросовъ, съ цѣлью выяснить, можетъ ли дѣйствительно новый контрактъ Нефтесиндиката непосредственно съ испанской нефтяной монополіей дать намъ возможность имѣть свое посольство въ Мадридѣ. Каганъ отвѣтилъ мнѣ, что по этому поводу уже проведена большая подготовительная работа, съ результатами которой я могу ознакомиться по имѣющемуся у него спеціальному досье. Испанская нефтяная монополія стремится получить базу для своей борьбы съ міровыми нефтяными трестами. Совѣтская нефть, получаемая отъ Нефтесиндиката, явится для испанской нефтяной монополіи такой базой. Между тѣмъ, руководи-

тели монополіи очень близки къ Прима де Ривера и имѣютъ большое политическое вліяніе на испанское правительство. Если они будутъ заинтересованы въ развитіи нефтяныхъ отношеній съ совѣтскимъ Союзомъ, то можно будетъ, путемъ опредѣленнаго давленія, добиться отъ нихъ обязательства помочь въ возстановленіи дипломатическихъ отношеній между Испаніей и совѣтскимъ Союзомъ.

Я сказалъ Кагану, что не совсѣмъ понимаю, почему совѣтская нефть, полученная въ Испаніи непосредственно отъ Нефтесиндиката, можетъ произвести тамъ большее политическое впечатлѣніе, чѣмъ та же совѣтская нефть, полученная черезъ французскій банкъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, Нефтесиндикатъ, какъ продавецъ, будетъ рѣшать вопросъ, дать нефть, или не давать ее, и, если дать, то въ какомъ количествѣ. Слѣдовательно, орудіе политическаго нажима на испанское правительство остается въ нашихъ рукахъ, причемъ одновременно мы избѣгаемъ опасности проигрышнаго для насъ судебнаго процесса, а также того неминуемаго раздраженія, которое можетъ вызвать во Франціи нарушеніе нами контракта съ французскимъ банкомъ.

Каганъ отвѣтилъ мнѣ, что вопросъ этотъ уже обсуждался въ Наркоминдѣлѣ и что тамъ пришли къ выводу о необходимости порвать контрактъ съ французскимъ банкомъ, придравшись къ какому-нибудь формальному нарушенію этого контракта. Совѣтскимъ юристамъ поручено найти формальный поводъ для расторженія контракта. Что же касается переговоровъ съ Испаніей, то эта задача возложена на совѣтское посольство въ Парижѣ, причемъ имѣется въ виду поручить руководство всей этой рабо-

той совѣтскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, то-есть **мнѣ.**

Я былъ нѣсколько удивленъ послѣднимъ обстоятельствомъ, такъ какъ мнѣ, будущему руководителю всей этой работой, никто не считалъ нужнымъ сообщить о ней, и лишь вслѣдствіе случайности, благодаря посѣщенію Нефтесиндиката, я узналъ о предстоящей мнѣ работѣ.

Черезъ два дня послѣ этихъ разговоровъ Политбюро, по предложенію Наркоминдѣла, приняло постановленіе, уполномочивавшее меня руководить работой по переговорамъ съ Испаніей и, въ случаѣ надобности, поѣхать лично въ Мадридъ. . .

Глава VIII

ПАРИЖЪ

Я ѣхалъ въ Парижъ, имѣя двѣ основныхъ задачи: вести переговоры съ Испаніей и зондировать, по порученію Сталина, возможность соглашенія съ Румыніей по бессарабскому вопросу.

Первое порученіе я началъ выполнять немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ. Къ этому времени группа совѣтскихъ хозяйственныхъ дѣятелей успѣла побывать въ Мадридѣ. Меня поставили въ курсъ происходившихъ тамъ разговоровъ. Договоръ съ испанской нефтяной монополіей былъ уже подписанъ, безъ того, чтобы совѣтская сторона могла получить какія-либо твердыя гарантіи помощи со стороны руководителей монополіи въ возстановленіи дипломатическихъ отношеній между Испаніей и совѣтскимъ Союзомъ.

Договоръ былъ подписанъ на нѣсколько лѣтъ, съ поставкой опредѣленнаго количества очищенныхъ нефтепродуктовъ, по цѣнамъ, значительно пониженнымъ въ сравненіи съ цѣнами нефти на міровомъ рынкѣ. Съ коммерческой стороны, такимъ образомъ, договоръ не представ-

лялъ для насъ никакихъ преимуществъ. Политически его можно было использовать, лишь базируясь на туманныхъ и неопредѣленныхъ обѣщаніяхъ предсѣдателя нефтяной монополіи, сенатора Доминэ, который считался человѣкомъ близкимъ съ Прима де Ривера, и одного изъ директоровъ монополіи, сеньора Анастасіо, близкаго къ министру финансовъ, маркизу Де Кальво Сотелло. Я былъ чразвычайно раздраженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что договоръ былъ подписанъ, не дожидаясь моего пріѣзда. Оказалось, что распоряженіе о подписаніи договора было сдѣлано изъ Москвы, тогдашнимъ предсѣдателемъ Нефтесиндиката, Соловьевымъ. Произошла обычная въ совѣтскихъ междувѣдомственныхъ отношеніяхъ неразбериха. Народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ не былъ въ курсѣ этого дѣла и не могъ задержать подписанія этого договора.

На мой вопросъ представителямъ Нефтесиндиката, получены ли ими твердыя обѣщанія отъ руководителей испанской нефтяной монополіи, мнѣ было отвѣчено слѣдующее: «Намъ обѣщали провести черезъ министерство финансовъ постановленіе о сниженіи пошлинъ на привозимый въ Испанію русскій лѣсъ. Затѣмъ, намъ было сказано, что испанское правительство разсмотритъ вопросъ объ открытіи совѣтскаго торговаго представительства въ Мадридѣ. И, наконецъ, намъ было сказано, что испанскіе правительственные круги склонны обсудить вопросъ о возобновленіи дипломатическихъ отношеній между Испаніей и совѣтскимъ Союзомъ. Насъ, однако, предупредили, что всѣ предварительные переговоры должны происходить исключительно въ Мадридѣ, или неоффиціальнымъ путемъ, черезъ пріѣзжающихъ въ Парижъ представите-

лей испанской нефтяной монополіи, и что объ этихъ переговорахъ ни въ коемъ случаѣ не должно ничего знать испанское посольство въ Парижѣ, такъ какъ Кинонесъ де Леонъ является противникомъ возстановленія отношеній. Дѣятели монополіи устроили намъ визитъ къ Янгуасу, къ Кальво-Сотелло и къ Примо де Ривера».

Мнѣ оставалось только пожать плечами. Сниженіе пошлинъ на совѣтскій лѣсъ не давало намъ никакихъ преимуществъ, такъ какъ въ то время лѣсной рынокъ поглощалъ всю экспортируемую изъ СССР древесину, и у насъ не было никакого спеціальнаго интереса проникать на новый, испанскій рынокъ. Остальныя обѣщанія носили чрезвычайно неопредѣленный характеръ.

Я сообщилъ обо всемъ этомъ въ Москву и съ крайней рѣзкостью возражалъ противъ безобразнаго факта подписанія Нефтесиндикатомъ договора, имѣющаго политическое значеніе, безъ вѣдома и согласія посольства въ Парижѣ. Въ результатѣ моего доклада былъ впослѣдствіи смѣщенъ предсѣдатель Нефтесиндиката, Соловьевъ, но реальныхъ результатовъ это дать не могло. Единственный, и то не Богъ вѣсть какой, реальный козырь въ нашихъ переговорахъ съ Испаніей былъ упущенъ.

Черезъ нѣкоторое время въ Парижъ пріѣхали руководители нефтяной монополіи. Я встрѣтился съ ними за завтракомъ у Лаперуза и мы долго бесѣдовали. Мнѣ было отвѣчено, что испанское правительство съ принципіальной стороны не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ открытію совѣтскаго торгпредства въ Мадридѣ. Что касается возобновленія дипломатическихъ отношеній, то Прима де Ривера нѣсколько стѣсненъ въ этомъ отношеніи, ибо онъ опасается встрѣтить противодѣйствіе коро-

ля. Во всякомъ случаѣ, въ Мадридѣ полагаютъ, что появленіе совѣтскаго торгпредства въ Испаніи и нѣсколько мѣсяцевъ его работы дадутъ возможность поставить и разрѣшить положительно вопросъ объ обмѣнѣ послами.

Сообщенія испанцевъ понравились Москвѣ. Тамъ рѣшили, что пока будетъ достаточно открытія одного торгпредства, и предложили мнѣ лично поѣхать въ Мадридъ для встрѣчи съ испанскими представителями и для переговоровъ. По совѣту руководителей испанской монополіи, я обратился съ просьбой о визѣ въ испанское консульство въ Парижѣ, указавъ цѣлью своей поѣздки желаніе совершить туристическое путешествіе. Виза была мною получена по распоряженію изъ Мадрида.

Я рѣшилъ, однако, изъ осторожности, не ѣхать сразу въ Мадридъ, а отправить туда секретаря посольства для болѣе детальныхъ свѣдѣній. Оказалось, что я поступилъ правильно. Изъ Мадрида мною была получена шифрованная телеграмма (нами было оговорено право шифрованной переписки), что испанскіе круги разработали конкретный планъ работы совѣтскаго торгпредства въ Мадридѣ. Они пришли къ слѣдующему рѣшенію: торгпредство должно будетъ имѣть характеръ чисто коммерческаго общества смѣшаннаго типа, съ участіемъ совѣтскаго и испанскаго капитала и съ участіемъ испанскихъ представителей въ совѣтѣ торгпредства. Испанцы мотивировали этотъ проектъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ невозможны будутъ нападки на торгпредство, какъ чисто совѣтскую организацію, имѣющую, кромѣ торговыхъ, еще иныя, политическія цѣли. По сути дѣла, испанцы намъ просто не довѣряли и, допуская къ себѣ торгпредство, желали имѣть возможность полностью контролировать

его работу. Испанцы предлагали намъ также, въ случаѣ непріемлемости для насъ этого предложенія, открыть въ Мадридѣ агентуру совѣтскаго торгпредства во Франціи и производить торговыя операціи черезъ эту агентуру.

Проектъ испанцевъ вызвалъ бурю возмущенія въ Москвѣ. Тамъ поняли, что Мадридъ желаетъ попросту отмахнуться отъ рѣшенія вопроса. Однако, Микоянъ, которому хотѣлось во что бы то ни стало имѣть торговый аппаратъ въ Мадридѣ, поддерживалъ въ Политбюро пріемлемость для насъ испанскаго предложенія, какъ временнаго модуса вивенди. Наркоминдѣлъ, однако, высказался категорически противъ принятія этого предложенія, заявивъ, что мы создадимъ такимъ образомъ крайне опасный прецедентъ, и что всѣ страны, въ которыхъ уже существуютъ совѣтскія торгпредства, могутъ послѣдовать испанскому примѣру и потребовать аналогичной реконструкціи въ работѣ совѣтскихъ представительствъ. Наркоминдѣлъ предложилъ мнѣ все же поѣхать въ Мадридъ и тамъ лично обсудить этотъ вопросъ съ испанскими представителями, но я наотрѣзъ отказался отъ поѣздки, заявивъ, что ѣздить впустую не нахожу нужнымъ, и что лучше будетъ встрѣтиться снова съ испанцами въ Парижѣ.

Такая встрѣча вскорѣ произошла, но испанцы остались при своихъ прежнихъ предложеніяхъ. Уже впослѣдствіи, послѣ пріѣзда въ Парижъ Довгалевскаго, къ намъ пріѣхалъ для переговоровъ сенаторъ Доминэ, которому былъ устроенъ торжественный завтракъ, съ участіемъ Довгалевскаго, Пятакова и моего, въ ресторанѣ Ларю. За завтракомъ произносились очень дружественныя рѣчи, и Довгалевскій поднималъ бокалъ за здоровье Прима

де Ривера, но испанцы остались по прежнему при своихъ, непріемлемыхъ для Москвы, предложеніяхъ.

Вскорѣ же послѣ пріѣзда въ Парижъ я замѣтилъ крайне тревожную обстановку и прямо-таки паническое настроеніе, существовавшее среди сотрудниковъ полпредства. Это настроеніе, впрочемъ, питалось отчасти информаціей изъ Москвы. Такъ, наканунѣ 7-го ноября 1927-го года была получена изъ Москвы, по линіи ГПУ, обширная шифрованная телеграмма, въ которой сообщалось, что «бѣлогвардейскія и монархическія организаціи, по свѣдѣніямъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, готовятся произвести 7-го ноября нападеніе на совѣтское посольство въ Парижѣ». Въ виду этого, предлагалось соблюдать чрезвычайную осторожность, наглухо запереть всѣ двери, держать наготовѣ для сожженія секретный архивъ и шифры, и даже не устраивать въ день 7-го ноября никакого пріема.

Я не привыкъ въ Японіи къ подобной обстановкѣ, къ тому же моя работа въ Варшавѣ пріучила меня къ разнаго рода паническимъ телеграммамъ, являвшимся, какъ правило, результатомъ информаціи секретныхъ сотрудниковъ ГПУ, подслушивающихъ разговоры за выпивкой въ разныхъ ресторанахъ. Поэтому я спокойно гулялъ по улицамъ весь день 7-го ноября, но, когда я возвратился вечеромъ въ посольство, всѣ сотрудники были въ страшной паникѣ и разгуливали по корридорамъ съ заряженными револьверами. На мой вопросъ, что произошло, второй секретарь посольства, Гельфандъ, съ блѣднымъ отъ страха лицомъ, сказалъ мнѣ, что въ помѣщеніи секретной комнаты шифровальнаго отдѣла явственно слышенъ какой-то стукъ въ стѣнѣ, и онъ, Гельфандъ, дума-

етъ, что «это бѣлые помѣщаютъ, навѣрное, адскую машину въ стѣнѣ, со стороны дома № 81 по улицѣ Гренелль, стѣна котораго соприкасается со стѣной секретной комнаты шифровальнаго отдѣла». Во всякомъ случаѣ, охрана шифровальнаго отдѣла уже оставила свое помѣщеніе и стояла на лѣстницѣ посольства, боясь войти въ комнату.

Я вошелъ въ шифровальное отдѣленіе и, подойдя къ стѣнѣ, дѣйствительно, услышалъ какой-то неясный стукъ. Характеръ звуковъ былъ, однако, такой, что я сразу же рѣшилъ, что звуки идутъ не изъ сосѣдняго дома, а снизу, передаваясь по стѣнѣ. Спустившись въ подвальное помѣщеніе посольства, мы вошли въ длинный корридоръ, въ концѣ котораго въ это время какъ разъ устраивали дверь, отгораживавшую корридоръ отъ сосѣдняго погреба. Работавшіе тамъ производили стукъ, передававшійся по стѣнѣ въ комнату шифровальнаго отдѣла и принятый, сперва пугливымъ Дивильковскимъ, а потомъ и Гельфандомъ, за стукъ при устройствѣ адской машины. Я много смѣялся послѣ этого и думалъ о томъ, въ какой паникѣ держитъ постоянно ГПУ совѣтскія посольства.

Въ Парижѣ мнѣ пришлось столкнуться и съ другимъ обстоятельствомъ. Многіе совѣтскіе отвѣтственные работники пріѣзжали въ Парижъ, останавливаясь въ посольствѣ, якобы по служебнымъ дѣламъ, а въ самомъ дѣлѣ для подробнаго ознакомленія съ Парижемъ и, особенно, для изученія «моральнаго паденія и развращенности буржуазіи». Эти отвѣтственные работники разгуливали по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ и, иногда, въ пьяномъ видѣ, устраивали легкія скандалы, переругиваясь съ эмигрантами. Большею частью эти скандалы были, срав-

нительно, невиннаго характера. Такъ, напримѣръ, Луначарскій, пріѣхавшій въ Парижъ вмѣстѣ со своей женой, отправился съ нею въ одинъ изъ дансинговъ. Женѣ Луначарскаго захотѣлось во что бы то ни стало потанцовать и, такъ какъ самъ Луначарскій, хотя и является большимъ знатокомъ танцевъ и балета, не танцуетъ, она обратилась къ услугамъ наемнаго танцора.

Однако, послѣ танца, танцоръ подошелъ къ Луначарскому и, отрекомендовавшись бывшимъ офицеромъ, потребовалъ съ него двѣсти франковъ, заявивъ, что дешевле этой суммы за танецъ съ комиссаршей взять не желаетъ. Смущенный Луначарскій заплатилъ деньги и быстро удалился изъ дансинга со своей женой.

Впрочемъ, не всегда эти приключенія имѣли такой невинный характеръ, и я былъ настроенъ противъ посѣщеній совѣтскими отвѣтственными работниками увеселительныхъ заведеній, боясь какихъ-нибудь серьезныхъ инцидентовъ. Поэтому мною было отдано распоряженіе секретарямъ полпредства, не только не сопровождать пріѣзжающихъ въ ихъ прогулкахъ по Парижу, но запрещать отъ моего имени, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ, подобнаго рода прогулки.

Въ началѣ 1928-го года пришлось, однако, однажды отмѣнить это запрещеніе. Въ Парижъ пріѣхалъ съ двумя своими личными секретарями замѣститель предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ, народный комиссаръ путей сообщеній и членъ политбюро коммунистической партіи, Рудзутакъ. Немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ Рудзутакъ захотѣлъ познакомиться съ «буржуазнымъ развратомъ» и обратился ко мнѣ съ просьбой пойти съ нимъ въ нѣсколько увеселительныхъ заведеній. Я отказался

наотрѣзъ, и пытался отговорить Рудзутака отъ этой затѣи, указывая ему на возможность какого-нибудь инцидента, могущаго просочиться въ прессу. Однако, Рудзутакъ во что бы то ни стало хотѣлъ совершить такую прогулку. Пришлось предоставить въ его распоряженіе обоихъ секретарей посольства, Дивильковскаго и Гельфанда, которые сопровождали его въ качествѣ гидовъ.

Рудзутакъ пропадалъ всю ночь, и вернулся въ посольство уже на разсвѣтѣ. Дивильковскій и Гельфандъ передали мнѣ, что «буржуазный развратъ» былъ изученъ ими вплотную и что они побывали во всѣхъ болѣе или менѣе увеселительныхъ домахъ, вплоть до знаменитаго заведенія на улицѣ Шабанэ. Въ этомъ заведеніи къ услугамъ Рудзутака была предоставлена спеціальная комната, въ которой побывало нѣсколько коронованныхъ особъ. Эти ночныя похожденія обошлись Рудзутаку около десяти тысячъ франковъ, истраченныхъ имъ за одну ночь, послѣ чего онъ немедленно прервалъ свое лѣченіе, для котораго пріѣзжалъ во Францію, и возвратился въ Москву. . .

На почвѣ этихъ похожденій Рудзутака едва не вспыхнулъ скандалъ въ коммунистической ячейкѣ посольства. Жена одного изъ секретарей, Дивильковскаго, коммунистка, женщина строгихъ семейныхъ правилъ, устроила своему мужу страшный скандалъ изъ-за посѣщенія имъ, вмѣстѣ съ Рудзутакомъ, домовъ терпимости. Она угрожала поставить этотъ вопросъ въ ячейкѣ, указывая на недопустимость для членовъ коммунистической партіи, а особенно для ея руководителей и членовъ политбюро, посѣщать дома терпимости. И Дивильковскому съ большимъ трудомъ удалось потушить скандалъ.. .

По пріѣздѣ въ Парижъ я приступилъ къ исполненію порученія Сталина, касавшагося Бессарабіи. Такъ какъ по смыслу сказанныхъ мнѣ словъ необходимо было выполнить это порученіе съ чрезвычайной осторожностью, я рѣшилъ сдѣлать это черезъ третье лицо, какого-нибудь дипломата страны, не находящейся въ плохихъ отношеніяхъ съ совѣтскимъ союзомъ. Вскорѣ мнѣ представился благопріятный случай.

Поздней осенью 1927-го года, какъ извѣстно, вновь обострился Виленскій вопросъ. Между Польшей и Литвой создались чрезвычайно натянутыя отношенія, прорывавшіяся временами въ пограничныхъ стычкахъ и инцидентахъ. Надъ Восточной Европой снова нависла угроза военнаго пожара, который легко могъ переброситься на всѣ окружающія страны.

Совѣтская дипломатія занимала въ этомъ вопросѣ нѣсколько двусмысленную позицію. Съ одной стороны, Москва была заинтересована въ томъ, чтобы какими угодно средствами помѣшать польско-литовскому примиренію. Виленскій вопросъ всегда являлся болѣзненной занозой во внѣшней политикѣ Польши и стѣснялъ свободу ея маневрированія. Однако, съ другой стороны, въ Москвѣ прекрасно понимали, что, въ случаѣ польско-литовскаго военнаго столкновенія, малочисленная литовская армія будетъ смята въ нѣсколько дней и Польша сумѣетъ продиктовать ковенскому правительству свои условія мира. Между тѣмъ, въ Москвѣ имѣлись свѣдѣнія, что въ этомъ случаѣ возможно присоединеніе къ Польшѣ, на опредѣленныхъ конфедеративныхъ условіяхъ, части Литвы, или даже всей Литвы, съ Мемельской прибрежной полосой. Такимъ образомъ, Польша получила бы выходъ къ мо-

рю, отъ котораго не можетъ отказаться ни одна польская политическая партія. Этотъ дополнительный выходъ къ морю крайне уменьшилъ бы политическую цѣнность для Польши такъ называемаго Данцигскаго корридора съ его узенькой полоской морского берега, создавая тѣмъ самымъ благопріятныя перспективы для польско-нѣмецкаго примиренія. Между тѣмъ, такое примиреніе является однимъ изъ самыхъ одіозныхъ моментовъ для Москвы, ибо оно, несомнѣнно, внесло бы полное успокоеніе въ политическую обстановку Восточной Европы.

Совѣтская дипломатія проводила, поэтому, въ Виленскомъ вопросѣ слѣдующую тактику: поддерживать правительство Вольдемараса всѣми имѣющимися въ распоряженіи Москвы дипломатическими средствами, давить на польское правительство, запугивая его возможностью выступленія совѣтской Россіи на сторонѣ Литвы въ случаѣ польско-литовскаго вооруженнаго конфликта.

Однако, это запугиваніе должно было вестись такимъ образомъ, чтобы не связывать себѣ рукъ, ибо въ Москвѣ желали во что бы то ни стало избѣжать военнаго конфликта, прекрасно понимая, что такой конфликтъ неминуемо поведетъ къ революціонному взрыву внутри Россіи.

Совѣтская дипломатія получила, поэтому, отъ наркоминдѣла слѣдующія указанія: активно выступать, разоблачая «агрессивный характеръ польскихъ намѣреній въ отношеніи Литвы, но на вопросъ, приметъ ли совѣтская Россія участіе въ вооруженномъ конфликтѣ между Польшей и Литвой, не давать прямого отвѣта, ограничиваясь заявленіемъ, что такое столкновеніе поставило бы подъ угрозу существенные интересы совѣтскаго союза,

изъ чего совѣтское правительство вынуждено было бы сдѣлать соотвѣтствующіе выводы».

Въ такомъ духѣ дѣлались заявленія всѣми совѣтскими дипломатами. Правительство Вольдемараса, явно не удовлетворявшееся такими уклончивыми заявленіями, пыталось получить отъ Москвы гарантіи тѣснаго, вплоть до прямыхъ формъ, военнаго союза. Вольдемарасъ говорилъ на эту тему нѣсколько разъ съ совѣтскимъ посломъ въ Ковно, выражая свое недоумѣніе по поводу уклончивыхъ отвѣтовъ.

Какъ-то мнѣ пришлось бесѣдовать на эту же тему съ литовскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Климасомъ. Климасъ, принадлежащій къ числу наиболѣе выдающихся литовскихъ дипломатовъ, очень долго говорилъ со мной по поводу польско-литовскаго конфликта, и прямо сказалъ, что, несмотря на крайнюю трудность для Литвы сдѣлать фактическую уступку въ Виленскомъ вопросѣ (о формальномъ признаніи присоединенія Виленской области къ Польшѣ литовское правительство и слышать не хотѣло), ей придется сдѣлать, въ концѣ концовъ, эту уступку, такъ какъ на вооруженный конфликтъ съ Польшей Литва не можетъ пойти. Это равнялось бы акту государственнаго самоубійства.

Въ отвѣтъ я изложилъ Климасу точку зрѣнія наркоминдѣла. Это изложеніе его не удовлетворило. Онъ сказалъ, что Литва, конечно, будетъ противодѣйствовать всѣми дипломатическими средствами присоединенію Виленской области къ Польшѣ, но что поскольку совѣтское правительство избѣгаетъ принять на себя совершенно точно очерченное обязательство раздѣлить съ Литвой рискъ вооруженнаго конфликта, противодѣйствіе Литвы

польскимъ домогательствамъ не можетъ идти дальше извѣстнаго предѣла. Тутъ же Климасъ сказалъ мнѣ, что совѣтская политика въ отношенiи Польши всегда страдала пассивностью и отсутствiемъ разъ навсегда взятой линiи. Климасъ подчеркнулъ мнѣ, что основой возможнаго дипломатическаго сопротивленiя Польши напору съ востока всегда былъ и останется польско-румынскiй военный союзъ, ставящiй подъ угрозу лѣвый флангъ совѣтскихъ армiй въ случаѣ конфликта съ Польшей. Между тѣмъ, для Румынiи военный союзъ съ Польшей имѣетъ политическiй смыслъ лишь какъ перестраховка своей бессарабской границы. Такимъ образомъ, въ случаѣ устраненiя опасности для Бессарабiи, польско-румынскiй союзъ потерялъ бы свое значенiе для Румынiи и могъ бы быть легко расторгнутъ.

Я, конечно, не могъ не раздѣлить полностью всѣхъ этихъ соображенiй Климаса. Больше того, въ своей бесѣдѣ я также проводилъ вполнѣ аналогичныя мысли. Мы перешли, поэтому, къ бесѣдѣ по существу вопроса, причемъ я разсказалъ Климасу, что въ свое время, на вѣнской конференцiи, и намѣчался компромиссъ между румынской и совѣтской сторонами. Этотъ компромиссъ сводился къ тому, что совѣтская сторона отказывалась отъ Бессарабiи при условiи небольшого исправленiя границы Хотинскаго уѣзда, сѣверная часть котораго должна была отойти къ совѣтской Россiи. Румынская сторона, въ свою очередь, отказывалась отъ требованiй возвращенiя захваченнаго въ Москвѣ въ 1917 г., золотого фонда, составлявшаго внушительную сумму въ нѣсколько сотъ миллiоновъ рубл. золотомъ. Однако, въ послѣднюю минуту этотъ компромиссъ былъ сорванъ вслѣдствiе категорическаго от-

каза политбюро россійской коммунистической партіи одобрить выработанный наркоминдѣломъ проектъ соглашенія. Отказъ политбюро объяснялся, главнымъ образомъ, бурными протестами Раковскаго, съ пѣной у рта протестовавшаго противъ «такого подарка самому трусливому правительству въ мірѣ». Раковскій, какъ извѣстно, болгаринъ румынскаго происхожденія, питалъ къ румынамъ совершенно не скрываемую національную ненависть и не стѣснялся въ проявленіяхъ этой ненависти и презрѣнія не только въ отношеніи румынскаго правительства, но и румынскаго народа. Такъ, кромѣ вышеприведенной презрительной фразы о румынскомъ правительствѣ, Раковскій, во время того же самаго засѣданія политбюро, произнесъ не менѣе оскорбительную фразу по адресу румынъ въ цѣломъ, сказавъ, что «румыны это — не нація, а профессія». Я помню, какъ въ 1922-мъ году, проѣзжая черезъ Варшаву на Лозанскую конференцію, Раковскій горячо спорилъ со мной по вопросу о Бессарабіи. Во время этого спора онъ нѣсколько разъ произносилъ по адресу румынъ крайне нелестныя фразы.

Разсказавъ Климасу о намѣчавшемся въ свое время соглашеніи между румынской и совѣтскими сторонами, я сказалъ ему, что, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, нѣкоторыя вліятельныя фигуры въ Москвѣ готовы были бы снова возобновить переговоры съ румынами, принимая въ основу вырабатывавшійся во время вѣнской конференціи компромиссъ.

Я предупредилъ Климаса, что все это должно быть строго секретнымъ, такъ какъ я могу сообщить ему о нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ, а не объ оффиціальной точкѣ зрѣнія совѣтскаго правительства.

Климасъ былъ явно обрадованъ моимъ сообщеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что готовъ взять на себя посредничество, если мы начнемъ такіе разговоры въ Парижѣ. Онъ вызвался встрѣтиться съ румынскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Діаманди, и передать ему о своемъ разговорѣ со мной.

Прошло нѣкоторое время послѣ этого разговора. Неожиданно я получилъ отъ Чичерина короткую шифрованную телеграмму, въ которой мнѣ предлагалось прекратить немедленно всякіе разговоры по бессарабскому вопросу. Я былъ крайне удивленъ этой телеграммѣ, такъ какъ порученіе о бессарабскихъ переговорахъ было дано мнѣ непосредственно Сталинымъ, минуя наркоминдѣлъ. Вскорѣ, однако, я получилъ подробное письмо отъ Чичерина, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что ГПУ перехватило копію письма Климаса литовскому министру иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ письмѣ Климасъ сообщалъ въ Ковно о своемъ разговорѣ со мной, указывая, что онъ взялъ на себя посредничество въ этомъ вопросѣ.

Чичеринъ выражалъ въ своемъ письмѣ крайнее возмущеніе моимъ разговоромъ съ Климасомъ, указывалъ, что онъ предлагаетъ мнѣ впредь «не начинать самочинныхъ переговоровъ» и что онъ поручаетъ мнѣ оборвать начавшійся уже разговоръ, но сдѣлать это въ такой формѣ, чтобы осталось неяснымъ то обстоятельство, что намъ стала извѣстна копія письма Климаса въ Ковно. Чичеринъ подчеркивалъ при этомъ, что таково требованіе ГПУ, которое боится «провалить своего цѣннѣйшаго ковенскаго освѣдомителя», и что на меня возлагается вся отвѣтственность въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе какого-нибудь не-

осторожнаго поступка, я провалю этого ковенскаго освѣдомителя. . .

Я почувствовалъ себя чрезвычайно неловко. У меня не было никакого намѣренія дѣйствовать въ этомъ вопросѣ за спиною Чичерина. Я не хотѣлъ, поэтому, оставаться въ его глазахъ недисциплинированнымъ работникомъ, и счелъ необходимымъ въ откровенномъ письмѣ изложить съ полной точностью и откровенностью причины начатыхъ мною переговоровъ и то лицо, отъ котораго я получилъ эти директивы, т. е. Сталина.

Мое письмо вызвало бурю негодованія въ наркоминдѣлѣ. Политбюро никогда не считало наркоминдѣлъ чѣмъ нибудь инымъ, какъ своей канцеляріей по иностраннымъ дѣламъ. Съ этой канцеляріей не считались при рѣшеніи вопросовъ международной политики, но ее все же находили необходимымъ держать въ курсѣ всѣхъ рѣшеній и даже мнѣній политбюро по вопросамъ международной политики. На этотъ разъ Сталинъ, съ присущей ему грубостью, нарушилъ сложившійся обычай, и разговоры по бессарабскому вопросу были начаты не только помимо коллегіи наркоминдѣла, но и безъ того, чтобы эта коллегія знала мнѣніе Сталина и желательность начать переговоры.

Выходка Сталина сплотила противъ него всю коллегію наркоминдѣла въ цѣломъ и временно примирила даже такихъ непримиримыхъ враговъ, какъ Чичеринъ и Литвиновъ.

Въ политбюро былъ заявленъ протестъ со стороны коллегіи наркоминдѣла противъ моихъ переговоровъ въ Парижѣ, причемъ и Чичеринъ и Литвиновъ выражали свое глубокое негодованіе и угрожали выходомъ въ от-

ставку. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ для Сталина. Въ это время развертывалась очень острая внутрипартійная борьба съ троцкистами. Позиція украинской коммунистической организаціи могла сыграть въ этой борьбѣ рѣшающую роль. Въ Харьковѣ сидѣлъ, правда, въ качествѣ партійнаго воеводы, вѣрный приказчикъ Сталина — Кагановичъ, но украинская организація не являлась очень надежной, и если бы свѣдѣнія о попыткѣ Сталина уступить румынамъ Бессарабію проникли бы въ широкіе партійные круги, это вызвало бы взрывъ негодованія противъ Сталина, особенно сильный въ украинской организаціи. Такое негодованіе могло бы сыграть рѣшающую роль въ развертывающейся партійной борьбѣ. Сталинъ быстро понялъ, чѣмъ грозило ему раскрытіе факта переговоровъ о Бессарабіи. Онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы успокоить Чичерина и Литвинова, заявивъ, что переговоры въ Парижѣ были начаты мною совершенно самочинно, безъ его указаній. Но, такъ какъ я не желалъ принимать на себя политическую и моральную отвѣтственность за эти переговоры, продолжая настаивать на томъ, что у меня имѣлись точныя директивы Сталина эти переговоры вести, Сталину пришлось, въ концѣ концовъ, признать фактъ своего разговора со мной, но при этомъ онъ категорически настаивалъ, что разговоръ былъ начатъ по моей инціативѣ и что это я, а не онъ, высказывалъ мнѣніе о возможности примиренія съ Румыніей цѣною рѣшенія бессарабскаго вопроса. Онъ, Сталинъ, якобы предупредилъ даже меня, что хотя онъ и не возражаетъ противъ намѣченной мною точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе онъ, во избѣжаніе недоразумѣній, категорически

запрещаетъ вести въ Парижѣ какіе бы то ни было переговоры съ румынами.

Съ большимъ трудомъ удалось Сталину потушить начавшійся, было, скандалъ и не дать ему дойти до свѣдѣнія широкихъ партійныхъ круговъ.

Но весь этотъ случай породилъ въ немъ самую острую антипатію ко мнѣ. Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ крупныхъ партійныхъ работниковъ, что въ интимномъ кругу Сталинъ высказалъ мнѣніе, будто я «спровоцировалъ свой разговоръ съ нимъ о Бессарабіи для того, чтобы имѣть потомъ возможность начать въ Парижѣ переговоры съ румынами, якобы отъ его имени, нанося тѣмъ самымъ ударъ во внутрипартійной борьбѣ группировкѣ центральнаго комитета». Сталинъ добавилъ при этомъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ политическій интриганъ.

Позже, изъ круговъ, близкихъ Сталину, мнѣ передавали, что онъ считалъ, будто моимъ партійнымъ долгомъ было принять всю вину на себя и уйти въ отставку, прикрывъ этимъ генеральнаго секретаря партіи въ моментъ самой яростной атаки противъ него со стороны оппозиціи. Тотъ фактъ, что я этого не сдѣлалъ, заставилъ его подумать, не было ли съ моей стороны во всемъ этомъ дѣлѣ намѣреннаго желанія скомпрометировать Сталина, какъ генеральнаго секретаря коммунистической партіи.

Курьезно отмѣтить, что ГПУ, открывшее по перехваченной копіи письма Климаса, фактъ моихъ переговоровъ по бессарабскому вопросу, также думало, что я дѣйствую совершенно самочинно, и сообщило объ этомъ наркоминдѣлу, желая меня «подсидѣть».

Мои разговоры съ Климасомъ на эту тему оборва-

лись, причемъ интересно указать, что румынское правительство Братіано, съ своей стороны, не считало возможнымъ тогда начать эти разговоры. Объ этомъ передалъ мнѣ Климасъ, сообщившій, что Діаманди передалъ его предложеніе въ Бухарестъ, и получилъ отвѣтъ о несвоевременности такихъ разговоровъ.

Этимъ закончилась еще одна попытка русско-румынскаго соглашенія по бессарабскому вопросу.

Отсутствіе дипломатической работы въ Парижѣ оставляло мнѣ много свободнаго времени. Я использовалъ это время, чтобы изучать экономическія науки и, съ цѣлью самопровѣрки, руководилъ кружкомъ по политической экономіи, состоявшемъ изъ сотрудниковъ посольства и торгпредства, членовъ коммунистической партіи. Такіе кружки создаются по предписанію центральнаго комитета коммунистической партіи во всѣхъ партійныхъ ячейкахъ совѣтскихъ сотрудниковъ и гражданъ СССР за границей.

Кромѣ кружка по политической экономіи, я руководилъ также кружкомъ по изученію программы партіи.

Въ процессѣ этой работы мнѣ приходилось много разъ призадумываться и иногда пересматривать внутри себя не только мое отношеніе къ тактикѣ коммунистической партіи, но и къ тѣмъ или инымъ теоретическимъ взглядамъ и положеніямъ.

Когда я снова перечитывалъ курсъ экономики марксизма, я невольно подумалъ о томъ, какому малому, въ сущности, идейному вліянію этой доктрины поддался я за время своего нахожденія въ рядахъ коммунистической партіи. Я очень высоко цѣнилъ, и продолжаю цѣнить теперь, качества этой доктрины, какъ одного изъ самыхъ

могучихъ орудій соціально-экономическая анализа. Съ этой стороны Марксъ всегда увлекалъ меня стройностью своего математическаго мышленія и глубиной соціальнаго анализа. Но я невольно думалъ, что эти положительныя качества доктрины таятъ въ себѣ большую опасность для многихъ ея послѣдователей, особенно тѣхъ, которые не отличаются широкимъ общественно-политическимъ кругозоромъ и не умѣютъ цѣнить преимущества самостоятельной постановки основныхъ вопросовъ политическаго міровоззрѣнія. Я видѣлъ это на участникахъ моего кружка, зачастую совершенно неграмотныхъ въ политическихъ вопросахъ и пытавшихся, тѣмъ не менѣе, превращать стройныя алгебраическія формулы Маркса въ конкретную расшифровку соціальныхъ отношеній. Иногда я невольно улыбался, наблюдая, какъ человѣкъ, не знающій, гдѣ находится Болгарія и смѣло помѣщающій ее въ Южную Америку, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ давать точные отвѣты по вопросу о соціальныхъ отношеніяхъ въ этой странѣ. Я невольно началъ думать о томъ, что марксизмъ, какъ всякая политическая и соціальная идея, можетъ быть самостоятельнымъ методомъ мышленія лишь у интеллигенціи, т. е. у того же самаго общественнаго слоя, который поставляетъ своихъ идеологовъ всѣмъ политическимъ партіямъ. Русская коммунистическая партія не избѣгла этой участи. Ея основатель и теоретикъ былъ интеллигентъ и потомственный дворянинъ Россійской имперіи — Ленинъ. Характерно, съ какой цѣломудренной стыдливостью обходятъ этотъ вопросъ въ коммунистическихъ справочникахъ, сообщающихъ, что Ленинъ былъ крестьянскаго происхожденія. Съ такой же цѣломудренной стыдливостью прикрывается фактъ принадлежности къ ин-

теллигенціи всѣхъ остальныхъ основателей и идеологовъ россійской коммунистической партіи. Я вспомнилъ составъ центральнаго комитета коммунистической партіи въ 1918 году, когда этотъ центральный комитетъ, дѣйствительно, включалъ въ себя самые избранные элементы партіи, а не просто ставленниковъ московскаго аппарата. Среди нихъ было 90% интеллигенціи.

Я думалъ о томъ, что блестящая по своимъ методамъ марксистская теорія не можетъ быть тѣмъ универсальнымъ рецептомъ на всѣ случаи жизни, какимъ хотятъ ее изобразить не въ мѣру ретивые послѣдователи. Тѣмъ болѣе, что крайнее несовершенство и слабо разработанная методологія анализа общественныхъ явленій сводитъ зачастую къ нулю даже эту могучую теорію. Когда-то, въ студенческіе годы, я увлекался и просиживалъ ночи напролетъ надъ интегрированіемъ дифференціальныхъ уравненій, и мнѣ начинало иногда казаться, что если бы было возможно всю динамику общественнаго развитія включить въ эти стройныя уравненія, политика перестала бы быть искусствомъ, и сдѣлалась бы наукой.

Но уже самое поверхностное знакомство съ общественными отношеніями показало мнѣ, что самый характеръ этихъ отношеній не позволяетъ включить ихъ во вполнѣ замкнутыя формулы математическаго анализа. И, одновременно съ этимъ, я вынужденъ былъ съ горечью констатировать, что человѣческій умъ въ состояніи интегрировать лишь сравнительно малую часть дифференціальныхъ уравненій, т. е. что даже не всѣ явленія математическаго порядка могутъ быть охвачены человѣческимъ умомъ. Въ Парижѣ снова Дюбуа-Реймоновское «игнорабимусъ» пришло мнѣ въ голову. И я невольно улыб-

нулся, такъ какъ вспомнилъ, сколько разъ мнѣ приходилось отражать нападки по обвиненію въ «буржуазномъ агностицизмѣ».

Иногда партійная ячейка устраивала торжественныя собранія по случаю тѣхъ или иныхъ историческихъ годовщинъ. Такъ было въ день 9-го января, 18-го марта и т. д. Въ эти дни меня, обычно, выставляли докладчикомъ. Но когда лѣтомъ 1928-го года праздновалась годовщина 25-лѣтія коммунистической партіи и партійная ячейка предложила мнѣ выступить докладчикомъ, я наотрѣзъ отказался, ссылаясь на усталость. На самомъ дѣлѣ, я просто не чувствовалъ уже въ себѣ силы, чтобы сдѣлать искренно докладъ въ духѣ шпаргалки, полученной изъ центральнаго комитета партіи. Докладъ былъ порученъ нѣкоему Голубю, старому члену партіи, безобидному дурачку, получившему, въ качествѣ синекуры, сначала вице-консульскій постъ въ Парижѣ, а затѣмъ должность секретаря коммунистической ячейки.

Я сидѣлъ рядомъ съ Пятаковымъ, тогда торгпредомъ въ Парижѣ, и въ душномъ воздухѣ іюньскаго дня слушалъ тихое сюсюканіе Голубя, точно передававшаго напечатанный въ «Правдѣ» конспектъ «примѣрнаго» доклада. Иногда лишь онъ уклонялся въ сторону, пуская отсебятины, и тогда мы съ Пятаковымъ оживлялись немного, такъ какъ въ этихъ отсебятинахъ Голубь безпощадно перевиралъ всѣ факты, лица и событія. Недослушавъ доклада, я вышелъ съ Пятаковымъ въ садъ посольства, и мы долго ходили по саду и обмѣнивались мыслями. Я откровенно сказалъ Пятакову, что доклады, вродѣ голубевскаго, могутъ лишь нагнать жестокую тоску и разогнать любое революціонное настроеніе. Пятаковъ отвѣ-

тилъ, что онъ съ этимъ согласенъ, но что это совершенно неизбѣжно, такъ какъ «революція вышла изъ стадіи энтузіазма и вошла въ стадію мирнаго строительства. Въ началѣ октябрьская революція была просто авантюрой. Затѣмъ она сдѣлалась удачной авантюрой. Я помню, какъ въ интимномъ кругу Ильича мы бесѣдовали, нѣсколько руководителей октябрьскаго переворота, объ этихъ дняхъ. Кто-то сказалъ Ленину: а сознайтесь, Владиміръ Ильичъ, вы вѣдь тоже не вѣрили, что октябрьская революція вполнѣ удастся? Ленинъ улыбнулся и отвѣтилъ: конечно, не вѣрилъ; вѣдь, октябрьская революція, по сути дѣла, была лишь авантюрой всемірно-историческаго масштаба. Но если бы она и не удалась, мы оставили бы міру образецъ исторической программы возставшаго и побѣдившаго пролетаріата. Это гораздо цѣннѣе, чѣмъ побѣдившая, но выродившаяся въ свою противоположность революція. Качество настоящаго революціонера въ умѣніи не только во время наступать, но и во время отступать»...

Я посмотрѣлъ на Пятакова. «Такъ что же, наступать или отступать?». — Онъ только безнадежно махнулъ рукой.

— Надо отступать, — сказалъ я.

Послѣ одного изъ моихъ очередныхъ докладовъ, я разговорился съ однимъ изъ сотрудниковъ посольства, съ которымъ у меня установились тѣсныя товарищескія отношенія. Мы долго говорили о теперешнемъ руководящемъ составѣ центральнаго комитета коммунистической партіи. Впослѣдствіи, уже послѣ моего ухода изъ посольства, я, въ одной изъ своихъ статей, изложилъ свои взгляды и картину совѣтскихъ и партійныхъ правящихъ

круговъ. Я думаю, что будетъ небезинтересно воспроизвести снова эту картину.

Совѣтскимъ союзомъ правитъ Сталинъ. Но правитъ не одинъ, а совмѣстно съ двумя помощниками.

Судьбы СССР рѣшаетъ «тройка»: Сталинъ, Молотовъ, Кагановичъ; 1-ый, 2-ой и 3-ій секретари коммунистической партіи. Они — вершители судебъ. Въ ихъ рукахъ партія, коминтернъ, совнаркомъ, СТО, ВСНХ. Они правители Россіи. Но «тройка» — не коллегія. Молотовъ и Кагановичъ только помощники, а надъ ними Главный. Онъ — коренникъ въ тройкѣ. Двѣ пристяжныя нужны потому, что Главный за всѣмъ усмотрѣть, всѣмъ распорядиться, всѣхъ направить — физически не въ силахъ.

Это онъ тащитъ возъ, въ которомъ корчится и трясется обезкровленное тѣло Россіи. А двѣ пристяжныя скачутъ рядомъ, давя встрѣчныхъ и попутчиковъ и помогая вытаскивать возокъ на ухабахъ.

Сначала о пристяжныхъ.

Въ широкихъ партійныхъ кругахъ Молотова прозвали «каменнымъ задомъ».

Неуклюжій, медлительный мужчина, лѣтъ сорока, преисполненный сознанія высокаго своего значенія и власти. Трудолюбивъ и усидчивъ. Просиживаетъ за столомъ иногда по 16 часовъ въ сутки. Считается въ политбюро спецемъ по внѣшней политикѣ и по крестьянскому вопросу. Съ опалой Бухарина, на него легла вся тяжесть выработки теоретическихъ установокъ и руководящихъ линій. Но производитъ онъ только черную работу. По собраннымъ и обработаннымъ Молотовымъ матеріаламъ «установку» и «линію» опредѣляетъ самъ Сталинъ, и дѣ-

лаетъ это часто вопреки Молотову. Возражать Молотовъ не смѣетъ и молчитъ.

Сильно сомнѣваюсь, чтобъ онъ вѣрилъ вообще въ идеи. По внѣшнему виду, онъ типичный чиновникъ, по укладу личной жизни — толстовецъ-вегетаріанецъ. Чрезвычайный трезвенникъ: не пьетъ, не куритъ. Единственная страсть — игра въ преферансъ съ «выставкой», «съ разбойникомъ» и пр., за пулькой иногда проводитъ ночи до разсвѣта. Архисемьянинъ. Живетъ по мѣщански, и домашнимъ своимъ обиходомъ могъ бы быть поставленъ въ примѣръ любому мѣщанину европейскихъ городовъ. Ни въ міровую революцію, ни въ «строительство соціализма», конечно, не вѣритъ. Но служитъ міровой революціи и «соціалистическому строительству» добросовѣстно и старательно.

Вдохновляетъ его мечта занять, со временемъ, мѣсто Сталина. Несмотря на то, что получилъ высшее образованіе — окончилъ экономическій отдѣлъ Петроградскаго политехникума — онъ, по интеллектуальному уровню, могъ бы соотвѣтствовать посту не выше секретаря средняго губкома партіи. Играетъ въ политбюро роль луны: свѣтитъ только по ночамъ, отражая на партію сталинскіе лучи... Сталинъ цѣнитъ его трудолюбіе, чиновную добросовѣстность, но довѣряетъ ему мало и не любитъ. Въ домѣ Сталина Молотовъ почти не бываетъ.

Оперируя авторитетомъ Сталина, Молотовъ любитъ проявлять власть надъ меньшей братіей и примѣнять къ ней «оргвыводы». Нажилъ себѣ вслѣдствіе этого много враговъ. Отношенія его съ 3-мъ секретаремъ, Кагановичемъ, чрезвычайно скверныя, и въ ихъ совмѣстной работѣ постоянно происходятъ недоразумѣнія.

Молотовъ помогъ Сталину превратить политбюро въ абсолютно послушное учрежденіе. Онъ сознаетъ значеніе услуги, оказанной диктатору, и позволяетъ себѣ, поэтому, роскошь собственнаго мнѣнія въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ. Въ партійной верхушкѣ чрезвычайно недовольны искусственно раздутой ролью «каменнаго зада». Ненавидитъ его и государственный аппаратъ, особенно наркоминдѣлъ Чичеринъ и Литвиновъ. Оба они получаютъ руководящія директивы по общей политикѣ непосредственно отъ Молотова.

«Каменный задъ», понимающій во внѣшней политикѣ не больше сапожника въ теоріи относительности, давитъ ихъ своею тяжестью: никто пикнуть не смѣетъ противъ «каменнаго зада» пока на него опирается Сталинъ. Сталинъ сознаетъ чрезвычайную посредственность 2-го секретаря ЦК, но цѣнитъ его исполнительность и послушность. Цѣнитъ, впрочемъ, не настолько, чтобы не желать съ нимъ разлуки. За нѣсколько дней до бѣгства съ рю Гренелль, я получилъ отъ партійнаго товарища и друга письмо изъ Москвы, съ сообщеніемъ, что Молотова вскорѣ, вѣроятно, уберутъ изъ Политбюро. Сталинъ понимаетъ, что «каменный задъ» мѣтитъ ему въ преемники. При первомъ удобномъ случаѣ, онъ переведетъ его изъ секретарей ЦК на болѣе безопасное и менѣе почетное мѣсто. . .

Товарищъ Молотова по работѣ и соперникъ по вліянію на Сталина, Кагановичъ, не имѣетъ никакого образованія. Онъ простой шорникъ изъ Гомеля, выросъ въ бѣдной семьѣ еврея-ремесленника и съ началомъ революціи — тогда ему было 23 года — весь отдался партійной работѣ.

Привлекательная и представительная внѣшность,

громкій голосъ, умѣніе хорошо говорить и быстро схватывать обстановку, незаурядныя природныя способности быстро выдвинули его въ первые ряды революціонныхъ дѣятелей.

Начавъ карьеру въ 1919-мъ году предсѣдателемъ Нижегородскаго губисполкома и предсѣдателемъ гомельскихъ профсоюзовъ, онъ перешелъ затѣмъ на службу въ секретаріатъ партіи. Въ 1923-мъ году былъ избранъ членомъ ЦК и сразу получилъ отвѣтственную должность учраспреда: завѣдывать личнымъ составомъ партіи и вести работу въ деревнѣ.

Когда, въ 1926-мъ году, на Украинѣ возникъ кризисъ секретаріата, Москва предложила трехъ кандидатовъ на должность генеральнаго секретаря украинской компартіи: Молотова, Кагановича и Орджоникидзе.

Хитрый Петровскій, предсѣдатель ВУЦИК-а, не желая имѣть возлѣ себя крупную партійную фигуру, остановилъ выборъ на наименѣе извѣстномъ и наиболѣе незамѣтномъ изъ троихъ: на Кагановичѣ. И жестоко ошибся. Кагановичъ проявилъ на Украинѣ большую приспособляемость и большія государственныя способности. Понимая, что противъ него могутъ возстать, какъ противъ еврея и какъ пришельца, онъ сразу взялъ курсъ на украинскую часть партіи. По 3-4 часа въ день проводилъ за изученіемъ украинскаго языка, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ свободно выступать съ рѣчами и на немъ. Перетрусившій Петровскій повелъ противъ Кагановича борьбу всѣми средствами. Среди этихъ средствъ были, напримѣръ, и такія: вернувшись изъ отпуска, Кагановичъ узналъ, что ему отведенъ для жительства роскошный особнякъ на Епархіальной улицѣ, отремонтиро-

ванный и обставленный дорогой мебелью; сдѣлано это было для того, чтобы дискредитировать генсека передъ харьковскими рабочими, весьма чувствительными къ такого рода вещамъ. Кагановичъ понялъ маневръ, разругался съ Петровскимъ и поселился въ гостинницѣ. Украинскіе члены ЦК повели противъ него антисемитскую агитацію:

— Пребываніе еврея на посту генсека недопустимо, такъ какъ можетъ вызвать погромныя настроенія.

Началась открытая война. Вмѣшался Сталинъ и пытался помирить. Но къ Петровскому присоединился Чубарь и пригрозилъ, что вся украинская партія перейдетъ въ оппозицію къ Москвѣ, если центръ не уберетъ Кагановича. Сталинъ уступилъ, но далъ Кагановичу повышеніе: назначилъ его 3-мъ секретаремъ ЦК. Въ случаѣ ухода Молотова, ему обезпечено мѣсто 2-го секретаря.

Въ ЦК партіи Кагановичъ завѣдуетъ организаціонными вопросами и понемногу прибираетъ къ рукамъ партійный аппаратъ, повторяя опытъ, продѣланный въ свое время Сталинымъ. Но дѣлаетъ онъ это осторожно, стараясь не вызывать опасеній подозрительнаго диктатора. Сталинъ цѣнитъ его больше Молотова и, вопреки обычаю, поддерживаетъ съ нимъ довольно близкія личныя отношенія: не въ примѣръ Молотову, Кагановича всегда приглашаютъ на рѣдкіе интимные пріемы къ диктатору въ Горки.

Если Молотовъ «каменный задъ», то Кагановичъ — руки Сталина.

Несомнѣнно, въ первые годы революціи Кагановичъ былъ искреннимъ идеалистомъ. Не думаю, чтобъ онъ сохранилъ эту вѣру на всѣ 100%. Но вѣритъ онъ въ Мар-

кса, Ленина, а теперь въ Сталина, конечно, больше, чѣмъ Молотовъ. Кагановичъ многимъ обязанъ женѣ, бывшей эсдечкѣ (старше его на нѣсколько лѣтъ), содѣйствовавшей его образованію. Живетъ скромно. Увлекается спортомъ: греблей и плаваньемъ. Собственныя коммунистическія и соціалъ-демократическія убѣжденія жены не мѣшаютъ обоимъ вести тихій, мелко-буржуазный образъ жизни. Мало пьетъ, необыкновенно много куритъ и — подобно Молотову — обожаетъ игру въ преферансъ.

Преферансъ — любимая игра партійныхъ верховъ.

Политбюро, функціей котораго является выработка руководящихъ линій дѣятельности для коминтерна и совнаркома, давно не существуетъ, какъ коллегія. Все рѣшаетъ Сталинъ. Возражать никто не рѣшается. Даже тѣ, что годъ назадъ пытался (Калининъ, Ворошиловъ, Рудзутакъ), превратились теперь въ покорныхъ рабовъ. Оппозиціонное ядро — Рыковъ, Томскій, Бухаринъ, — фактически отстранены отъ работы, а Рыковъ, бывшій раньше главнымъ вдохновителемъ правой оппозиціи, пошелъ вспять и пытается установить «дѣловой контактъ» со Сталинымъ, желая спасти свое мѣсто предсѣдателя совнаркома СССР.

О сдачѣ Рыкова мнѣ подробно разсказывалъ членъ ЦК Варейкисъ, пріѣзжавшій въ Парижъ въ началѣ августа. Удара, нанесеннаго ему Сталинымъ, — устраненіе съ поста предсѣдателя совнаркома РСФСР, — Рыковъ не выдержалъ. Устраненіе рѣшилъ единолично Сталинъ, указавъ въ оффиціальной мотивировкѣ на перегруженность Рыкова государственной работой и замѣнивъ его, во главѣ РСФСР, Сырцовымъ — блѣдной, никчемной личностью, но абсолютно послушной. Частнымъ образомъ

Рыкову передали отъ Сталина: «Это предостереженіе. Будешь бузить, выгонимъ и изъ совнаркома СССР»...

Рыковъ струсилъ. Онъ слишкомъ любитъ власть и «занятіе государственными дѣлами», чтобы ими рисковать: во имя чего? Ради идей?.. Но стоитъ послушать Алексѣя Ивановича въ близкомъ кругу за рюмкой водки; это такія контръ-революціонныя рѣчи, что передъ ними блѣднѣютъ самыя яростныя страницы эмигрантской печати.

Сталинъ прощаетъ, такъ какъ сознаетъ моральный авторитетъ Рыкова въ партіи, по существу же считаетъ его глубоко безвреднымъ.

Итакъ, политбюро, органъ высшей власти надъ совѣтскимъ союзомъ, коминтерномъ, превратилось съ прошлаго года въ абсолютно послушное учрежденіе при диктаторѣ Сталинѣ. Оставлено оно исключительно для декораціи, въ соблюденіе партійнаго устава.

Вліяніе и значеніе Сталина въ жизни партіи сейчасъ неизмѣримо больше, чѣмъ было вліяніе и значеніе Ленина. Онъ — неограниченный самодержецъ.

Привязываетъ къ нему партійцевъ его идейная честность, стальная воля, вѣра въ его организаціонныя способности, сознаніе, что безъ него все рухнетъ, и... личный страхъ. Такъ, вѣроятно, боялись въ прежнія времена бояре Ивана Грознаго. Но страхъ понятенъ: въ столѣ Сталина лежатъ аккуратно сложенныя «досье» на каждаго виднаго члена партіи: пока членъ партіи ведетъ себя послушно, «досье» лежитъ въ ящикѣ; какъ только членъ партіи забузитъ, изъ «досье» извлекаются справки о прошлыхъ, никому неизвѣстныхъ грѣхахъ бунтаря, и надъ несчастнымъ нависаетъ угроза партійнаго суда, опа-

лы, ссылки, иногда даже разстрѣла... Сталинъ тщательно собралъ эти «досье» за время пребыванія на посту генсека партіи. Порядку и полнотѣ его секретныхъ ящиковъ можетъ позавидовать любая европейская префектура.

Когда предсѣдатель украинскаго ВЦИК-а, старый большевикъ Петровскій, обнаружилъ неповиновеніе, Сталинъ вызвалъ его къ себѣ, ткнулъ пальцемъ на «досье» и сказалъ:

— Видишь. Въ Павлоградѣ цѣловался съ исправникомъ въ 1905-мъ году... Смотри, будутъ нэпріятности...

Сталинъ говоритъ съ очень сильнымъ грузинскимъ акцентомъ. Ораторъ онъ плохой. Пишетъ рѣчи и произноситъ ихъ плохо, заглядывая въ бумажку. Впечатлѣніе на слушателей производятъ не слова, а рѣшительность тона и жестовъ. Иногда, впрочемъ, и слова: на засѣданіяхъ политбюро Сталинъ бываетъ чрезвычайно грубъ и пересыпаетъ рѣчь матерной бранью.

Кстати, о матерщинѣ. Обсужденіе государственныхъ вопросовъ въ политбюро и совнаркомахъ рѣдко когда не сопровождается непечатными словами. Но и въ этомъ отношеніи соблюдается строгая партійная іерархія: при Сталинѣ позволяютъ себѣ «материться» теперь только Рыковъ да Ворошиловъ, остальные же почтительно сдерживаются и распускаютъ языки тогда, когда за Сталинымъ закрывается дверь. Изъ извѣстныхъ мнѣ лично наркомовъ и «вождей» одинъ только украинскій наркомземъ Шлихтеръ не терпитъ непечатной брани, и произнесенное въ его присутствіи матерное слово считаетъ для себя оскорбленіемъ.

Сталинъ живетъ въ Горкахъ подъ Москвой, въ домѣ, гдѣ доживалъ послѣдніе дни разбитый параличемъ Ле-

нинъ. Живетъ уединенно и замкнуто. Поддерживаетъ личныя отношенія съ очень немногими: съ Ворошиловымъ, Кагановичемъ, Орджоникидзе, Микояномъ. Любитъ заигрывать съ молодежью, часто зазываетъ къ себѣ членовъ ЦК комсомола и подолгу бесѣдуетъ, стараясь ознакомиться съ настроеніями подрастающей смѣны. Изрѣдка приглашаетъ къ себѣ двухъ-трехъ ближайшихъ друзей изъ числа поименованныхъ выше, и выпиваетъ. Но случается это рѣдко, не чаще трехъ-четырехъ разъ въ годъ. Недавно принялся вдругъ за изученіе англійскаго языка. Зачѣмъ — никто не могъ понять. Училъ годъ, но безуспѣшно. . . Едва научился читать англійскія газеты со словаремъ и бросилъ.

Въ Горкахъ его охраняетъ отрядъ ГПУ изъ 15 человѣкъ. Каждое утро его доставляетъ къ 9 час. утра въ Москву мощный, безшумный, сверкающій чистотой Рольсъ-Ройсъ. Внутри автомобиля на переднихъ скамеечкахъ сидятъ два агента ГПУ, а сзади его сопровождаетъ открытый автомобиль ГПУ. При проѣздѣ принимаются чрезвычайныя мѣры охраны. Дорога въ Горки находится подъ постояннымъ и непрерывнымъ наблюденіемъ ГПУ. Весь день Сталинъ сидитъ въ ЦК, возвращается домой поздно вечеромъ, иногда поздней ночью. Работаетъ по 16-18 часовъ въ сутки. Для личной жизни у него почти не остается времени.

Онъ деспотъ не только въ политикѣ. Деспотическая натура его сказывается и въ любви, и въ дружбѣ. Дорожитъ онъ только тѣми, кого считаетъ полезнымъ и нужнымъ. И въ любви столь же безпощаденъ, какъ и въ ненависти. Замашки азіатскаго сатрапа, не знающаго удержу желаніямъ и гнѣву.

Когда его давняго друга, Камо, соратника по экспропріаціямъ при царскомъ режимѣ, нечаянно переѣхалъ на смерть автомобиль въ Тифлисѣ, Сталинъ въ ярости отправилъ тифлисскому ГПУ личную телеграмму:

«Разстрѣлять шоффера».

Когда Пятаковъ запилъ горькую и свалился съ язвами на ногахъ отъ отравленія никотиномъ и алкоголемъ, Сталинъ въ бѣшенствѣ призвалъ къ себѣ врачей:

— Вылѣчить въ двѣ недѣли!..

Врачи исполнили приказъ. Черезъ двѣ недѣли Пятаковъ былъ на ногахъ, но, нѣсколько дней спустя, снова свалился и проболѣлъ два мѣсяца, борясь со смертью.

Узнавъ, что кто-нибудь изъ нужныхъ людей боленъ, Сталинъ шлетъ ему пудъ сливочнаго масла или боченокъ меда, съ запиской: «Ѣшь и поправляйся. Ты намъ нуженъ»... Отъ такого любовнаго вниманія погибъ Фрунзе. Слухи, распространившіеся въ свое время, о его смерти, невѣрны. Дѣло было такъ:

Сталинъ высоко цѣнилъ Фрунзе. Въ 1924-мъ году Москва переживала критическія минуты. Въ теченіе двухъ недѣль мы всѣ ждали переворота. Троцкій могъ, какъ Пилсудскій, буквально въ нѣсколько минутъ, овладѣть властью. Письмо Антонова-Овсѣенко въ политбюро, съ предупрежденіемъ, что «если тронутъ Троцкаго, то вся красная армія встанетъ на защиту совѣтскаго Карно», напрягло нервы сталинцевъ до крайности. Съ минуты на минуту могла совершиться катастрофа. Но Троцкій смалодушествовалъ. Сталинъ тѣмъ временемъ вызвалъ изъ Харькова Фрунзе, быстро все передѣлавшаго, замѣнившаго командный составъ своими людьми съ Украины. Черезъ короткое время опасность переворота была устра-

нена, а струсившій Троцкій безнадежно скомпрометированъ. Прошлогодняя расправа съ нимъ произошла совсѣмъ уже безболѣзненно, и Сталинъ навсегда избавился отъ самаго опаснаго врага.

Послѣ этой исторіи Сталинъ приблизилъ къ себѣ Фрунзе, оказывалъ ему всякіе знаки любви и вниманія. Узнавъ, что «побѣдитель Троцкаго» страдаетъ желудочными болями, мѣшающими работать, онъ встревожился и поспѣшно вызвалъ его къ себѣ:

— Говору тэбѣ, у тэбѣ язва въ желудкѣ или въ кишкэ. Обязательно вырѣжь. Ты намъ нуженъ...

По мнѣнію врачей, Фрунзе могъ бы благополучно прожить со своей язвой еще много лѣтъ. Но обезпокоенный деспотъ настаивалъ. Фрунзе долго возражалъ, но, наконецъ, легъ на операціонный столъ и... умеръ подъ ножемъ хирурга.

Сталинъ непривѣтливъ, грубъ, плохой товарищъ, не имѣетъ личныхъ друзей. Любезенъ и добръ только съ тѣми, кто ему нуженъ. Онъ политически честенъ, не мѣтитъ въ Бонапарты, твердо «претъ» къ намѣченной цѣли. Держится онъ необычайно развитой въ коммунистической средѣ вѣрой въ сильную личность, хотя такая вѣра и противорѣчитъ марксистской установкѣ. Основной недостатокъ его — малый уровень политической грамоты и общей культуры. Не знаетъ Запада, языковъ. Мыслитъ отвлеченными схемами, по шпаргалкѣ. Дѣлаетъ грубые политическіе просчеты, но отыгрывается на чисто азіатскомъ умѣніи лавировать среди единомышленниковъ и враговъ. Привязываетъ къ нему, какъ я уже говорилъ, вѣра въ его идейную честность и сознаніе, что безъ него «все рухнетъ».

Сталинъ — единственный изъ старой октябрьской гвардіи — до сихъ поръ вѣритъ въ міровую революцію.

Губительности своей экономической политики внутри страны онъ искренно не замѣчаетъ и не понимаетъ. И къ людямъ онъ безпощаденъ. Онъ глубоко вѣритъ, что ему удастся сохранить партійный аппаратъ до того дня, когда, несмотря на всѣ задержки и неувязки, вспыхнетъ, наконецъ, міровой революціонный пожаръ.

Какъ онъ могъ сохранить эту вѣру? Какъ можно вѣрить вопреки очевидности? Вѣру въ немъ подкрѣпляютъ заграничные полпреды и спеціальные эмиссары.

Изъ Берлина, изъ Токіо, изъ Стокгольма, изъ Рима, и, конечно, изъ Парижа — я самъ видѣлъ донесенія Довгалевскаго, — полпреды сообщаютъ въ политбюро о «неуклонномъ поступательномъ развитіи революціоннаго процесса». Ложь необходима. Если полпредъ напишетъ правду, ему не повѣрятъ, заподозрятъ въ «уклонѣ» и уволятъ. Если факты не соотвѣтствуютъ «идеологической установкѣ», выработанной въ Москвѣ, — тѣмъ хуже для фактовъ. А потому, вотъ уже шестой годъ, полпредства сначала запрашиваютъ Москву объ установкѣ, а затѣмъ сочиняютъ докладъ о политическомъ положеніи данной страны.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, донеся о результатахъ 1-го августа, Довгалевскій сообщалъ о «необыкновенномъ успѣхѣ пролетарскихъ массъ во Франціи, явившемся новымъ крупнымъ толчкомъ въ процессѣ классовой дифференціаціи и консолидаціи революціонныхъ силъ французскаго пролетаріата». Когда же я написалъ правду: «1-го августа на улицы Парижа вышли 20.000 полицейскихъ и 2.000 рабочихъ», — ко мнѣ при-

слали Ройзенмана съ требованіемъ явиться на партійный судъ...

Но Сталина не только намѣренно вводятъ въ заблужденіе, боясь гнѣва и опалы. Иногда это происходитъ невольно, и результаты такихъ «невольныхъ свидѣтельствъ» еще вреднѣе. Сталинъ имъ вѣритъ больше, чѣмъ оффиціальнымъ донесеніямъ.

Въ прошломъ году завѣдывать инженернымъ отдѣломъ торгпредства прибылъ въ Парижъ тов. Терьянъ, близкій Сталину человѣкъ, бывшій начальникъ красной дикой дивизіи. Напичканный передовицами «Правды», онъ ходилъ со мной по парижскимъ улицамъ, хваталъ меня за руку на каждомъ перекресткѣ и, при видѣ группы рабочихъ въ синихъ блузахъ, возбужденно восклицалъ:

— Какккое рреволюціонное настроеніе!..

Я смѣялся и не разубѣждалъ. Что подѣлаешь съ маніакомъ? Единственный французъ, съ которымъ онъ разговаривалъ за время своего пребыванія въ Парижѣ, былъ его квартирный хозяинъ въ Сенъ-Клу, коммунистъ желѣзнодорожникъ, членъ СЖТЮ.

Четыре мѣсяца тому назадъ я получилъ отъ Терьяна письмо:

«..... лично разсказывалъ Главному о Франціи, и Главный остался чрезвычайно доволенъ ходомъ революціоннаго движенія....».

Упрямой вѣрой Сталина въ міровую революцію держится совѣтская диктатура. Уйди Сталинъ — все рухнетъ. Достойнаго преемника ему нѣтъ. Замѣнитъ его, въ случаѣ ухода, коллегія, въ которую, во всякомъ случаѣ, войдутъ: Молотовъ, Кагановичъ, Ворошиловъ, Орджоникидзе, Чубарь. Но тогда развалъ и конецъ.

Когда я ѣхалъ изъ Москвы въ Парижъ, мнѣ было сказано, что, поскольку совѣтское посольство въ Лондонѣ прекратило свою дѣятельность послѣ разрыва съ Англіей, совѣтское посольство въ Парижѣ будетъ являться директивнымъ центромъ въ работѣ тѣхъ совѣтскихъ хозяйственныхъ организацій, которыя остались въ Англіи послѣ разрыва.

Въ это время хозяйственные круги въ Москвѣ придавали большое значеніе возможности расширенія англо-совѣтскихъ экономическихъ отношеній и, особенно, возможности осуществленія той большой финансово-кредитной схемы работы съ Мидландъ-банкомъ, которая была разработана наканунѣ разрыва отношеній. Эта схема, какъ извѣстно, сводилась къ открытію Мидландъ-банкомъ кредита совѣтскимъ хозяйственнымъ органамъ на сумму въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ Москвѣ считали, что осуществленіе такой схемы можетъ въ значительной степени помочь укрѣпленію хозяйственныхъ отношеній между Англіей и совѣтской Россіей и тѣмъ самымъ дать возможность англійскому правительству пересмотрѣть вопросъ о разрывѣ.

Въ Москвѣ мнѣ сказали, что въ этихъ вопросахъ мнѣ окажетъ самое цѣнное содѣйствіе Владиміръ Петровичъ Багговутъ-Коломійцевъ, имѣвшій большія связи въ англійскихъ финансовыхъ и торгово-промышленныхъ кругахъ.

Тамъ же мнѣ дали характеристику Багговута-Коломійцева. Мнѣ сказали, что онъ представляетъ собой своеобразнаго смѣновѣховца, въ 1922-мъ году открыто перешедшаго изъ рядовъ эмиграціи на платформу смѣновѣховства, и возвратившагося на короткое время въ Москву. Въ Москвѣ Багговутъ-Коломійцевъ произвелъ настолько

сильное впечатлѣніе на многихъ отвѣтственныхъ руководителей совѣтскаго государственнаго аппарата, что ему предлагали занять самые высокіе посты въ высшемъ совѣтѣ народнаго хозяйства. Объ этомъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи и Пятаковъ, питавшій всегда большое уваженіе къ способностямъ Багговута, какъ организатора и финансоваго дѣятеля.

Уже во время своего перваго пріѣзда въ Москву Багговутъ открыто въ разговорахъ со всѣми совѣтскими дѣятелями говорилъ о своей политической платформѣ. Онъ называлъ себя «націоналъ-большевикомъ» и постоянно подчеркивалъ, что онъ согласенъ идти нога въ ногу съ существующей въ Москвѣ властью, поскольку эта власть, волей исторіи, выполняетъ національныя задачи собиранія и укрѣпленія Россіи. Онъ такъ часто и настойчиво подчеркивалъ то обстоятельство, что собирается пройти вмѣстѣ съ Кремлемъ лишь опредѣленный отрѣзокъ своей работы, и такъ скептически относился къ установившимся внутри совѣтской Россіи методамъ хозяйственной работы, отказываясь отъ сдѣланныхъ ему отвѣственныхъ предложеній, что скоро выяснилась невозможность для него, несмотря на его политически-дружественную платформу, работать технически въ совѣтскихъ хозяйственныхъ органахъ внутри Россіи.

Тогда Красинъ, находившійся съ Багговутомъ въ очень интимныхъ дружескихъ отношеніяхъ, предложилъ ему выѣхать за границу и работать въ контактѣ съ совѣтскими хозяйственными органами, въ частности, съ нефтесиндикатомъ. Багговутъ выѣхалъ во Францію, гдѣ работалъ одно время въ одномъ изъ французскихъ банковъ, связанныхъ съ нефтесиндикатомъ. Это былъ тотъ самый

французскій банкъ, договоръ съ которымъ былъ нарушенъ нефтесиндикатомъ во время переговоровъ съ испанской нефтяной монополіей. Я помню, какъ возмущался и протестовалъ Багговутъ во время рѣшенія въ нефтесиндикатѣ разорвать договоръ. Онъ указывалъ, что такой образъ дѣйствій въ сильнѣйшей степени компрометируетъ работу совѣтскихъ хозяйственныхъ органовъ за границей и что ему, Багговуту, представляется почти невозможнымъ, въ случаѣ продолженія такихъ поступковъ, поддерживать контактъ съ совѣтскими хозяйственными органами.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился впервые съ Багговутомъ, желая освѣдомить его о той помощи, какую онъ, по мысли Москвы, долженъ былъ мнѣ оказать, я засталъ Багговута въ тяжеломъ настроеніи. Онъ прямо сказалъ мнѣ, что чувствуетъ почти полную безплодность своей работы, въ виду тѣхъ ошибочныхъ линій внѣшней и внутренней хозяйственной политики, которую начало проводить совѣтское правительство.

— Я не скрою отъ васъ, — сказалъ Багговутъ, — какъ я этого никогда и ни отъ кого не скрывалъ, что, идя на совмѣстную работу съ вами, я ставилъ ставку на эволюцію совѣтской власти. Я считалъ, что, поскольку такая эволюція представлялась возможной, я, какъ русскій человѣкъ, обязанъ былъ помогать Россіи черезъ существовавшее въ данный моментъ правительство. Но теперь мнѣ начинаетъ казаться, что я ошибся, или, вѣрнѣе, что теперешнее правительство Россіи, которое приходится считать однимъ изъ самыхъ неумныхъ правительствъ въ мірѣ, начинаетъ сознательно извращать тѣ принципы, какіе начали проводиться въ совѣтской поли-

тикѣ послѣ нэпа. Я хочу вамъ подчеркнуть, что я еще не отказываюсь отъ контактной работы съ вами, но что я значительно суживаю этотъ контактъ, и что, возможно, въ скоромъ времени передо мной станетъ вопросъ, продолжать ли этотъ контактъ вообще?..

Слова Багговута произвели на меня очень сильное впечатлѣніе. Искренность, прямота и то безстрашіе, съ какимъ онъ высказывалъ свою точку зрѣнія, настолько рѣдки въ совѣтской обстановкѣ, зараженной подхалимствомъ и карьеризмомъ, что я не могъ не почувствовать къ нему несомнѣнную симпатію, такъ какъ его политическая идеологія очень близко подходила въ основныхъ пунктахъ къ моей. Мнѣ, конечно, какъ оффиціальному представителю московскаго правительства, было не совсѣмъ удобно выслушивать тотъ отзывъ о немъ, какой сдѣлалъ Багговутъ, но по сути дѣла я не могъ не согласиться и съ этимъ отзывомъ и съ тѣми общими мыслями, какія были имъ высказаны.

Я далъ это понять Багговуту, и замѣтилъ, что онъ очень обрадовался, найдя во мнѣ близкаго ему по политическимъ настроеніямъ человѣка. Онъ послѣ этого съ полной откровенностью развивалъ передо мной не только свою точку зрѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ, но и общій политическій подходъ при проведеніи дававшихся ему порученій.

Я сказалъ Багговуту, что Москва ждетъ отъ него помощи въ вопросахъ полученія кредита въ Мидландъ-банкѣ. Онъ отвѣтилъ, что не только берется получить кредитъ, но больше того, онъ обѣщаетъ склонить Мидланъ-банкъ къ увеличенію намѣчавшагося кредита до 15 милліоновъ

фунтовъ стерлинговъ. Багговутъ тутъ же подчеркнулъ, что онъ будетъ выполнять это порученіе не за страхъ, а за совѣсть, такъ какъ считаетъ, что такой большой кредитъ свяжетъ правительство Сталина и заставитъ его вести болѣе умѣренную политику. Руководитель Мидландъ-банка, Макъ-Кенна, по словамъ Багговута, стоялъ на точкѣ зрѣнія необходимости толкать совѣтскую систему къ эволюціи путемъ расширенія хозяйственно-финансовыхъ связей между совѣтской системой и внѣшнимъ міромъ. Поэтому Багговутъ былъ увѣренъ, что можно будетъ склонить Макъ-Кенна къ расширенію кредита. Для Москвы же въ этотъ періодъ времени полученіе кредитовъ отъ Мидландъ-банка имѣло большое политическое значеніе. Еще недавно произошелъ разрывъ съ Англіей, и фактъ полученія кредитовъ въ размѣрахъ, большихъ, чѣмъ тѣ, какіе предполагались до разрыва, явился бы очень выигрышнымъ для внѣшней политики московскаго правительства. Вотъ почему я нисколько не сомнѣвался, что не только совѣтскіе хозяйственные органы, заинтересованные въ кредитахъ по чисто торговымъ соображеніямъ, но и политбюро, которое должно было рѣшать вопросъ политически, легко пойдутъ на расширеніе предполагавшейся суммы.

Багговутъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Лондонъ для переговоровъ по этому вопросу, и вскорѣ привезъ мнѣ сообщеніе, что Мидландъ-банкъ формально подтвердилъ свое согласіе предоставить краткосрочные кредиты по учету совѣтскихъ векселей изъ процента, нормально дѣйствующаго при учетѣ. Я поздравилъ Багговута съ достигнутымъ успѣхомъ, и сообщилъ въ Москву.

Отвѣтъ Москвы показалъ мнѣ, съ какой скоростью

наростали новыя тенденціи сталинской политики. Прежде всего, мнѣ выражали неудовольствіе по поводу того, что я на свою личную отвѣтственность рѣшилъ такой важный вопросъ, какъ увеличеніе суммы кредитовъ, съ 10 до 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ сообщалось, что вопросъ полученія этихъ кредитовъ имѣетъ для насъ исключительно политическое, а не финансовое значеніе. Политбюро прямо высказывало опасеніе, что краткосрочные кредиты Мадландъ-банка по учету совѣтскихъ векселей, въ условіяхъ заостряющагося въ СССР экономическаго и валютнаго кризиса могутъ явиться «ловушкой», предназначенной для того, чтобы загнать насъ въ финансовый и, слѣдовательно, политическій тупикъ. «Лисья хитрость Макъ-Кенна можетъ для насъ оказаться опаснѣе прямыхъ наскоковъ Джойнсонъ-Хикса. Конечно, мы съ внѣшней стороны выразимъ свое глубокое удовлетвореніе по поводу предоставленныхъ намъ кредитовъ, но пользоваться ими будемъ лишь въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, чтобы не связывать себѣ рукъ».

Эта политическая боязнь политбюро воспользоваться предоставленными Мидландъ-банкомъ кредитами совпала со своеобразными интересами отдѣльныхъ англійскихъ фирмъ и нѣкоторыхъ крупныхъ чиновниковъ совѣтскаго полпредства въ Лондонѣ. Совѣтскіе векселя въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ странахъ, учитывались изъ непомѣрно высокаго процента, въ три-четыре раза превышавшаго процентъ, указанный Мидландъ-банкомъ. Разница между нормальнымъ процентомъ и процентомъ учета совѣтскихъ векселей шла въ пользу фирмъ, продавав-

шихъ свои предметы совѣтскому торгпредству и державшихъ въ своемъ портфелѣ полученные отъ торгпредства векселя. Ясно также, что при назначеніи этихъ высокихъ учетныхъ ставокъ, деморализовавшихъ всю обстановку совѣтской торговли въ Англіи, открывалось широкое поле для злоупотребленій отвѣтственныхъ чиновниковъ совѣтскаго торговаго представительства. Когда за учетъ векселя берутъ не семь или восемь процентовъ, а 20, 25 или 30%, то нормы учета перестаютъ регулироваться какими бы то ни было факторами финансоваго рынка и даютъ возможность торгпредству, рѣшающему вопросъ о нормахъ учета, назначить нѣсколько лишнихъ процентовъ, половина которыхъ идетъ въ карманъ чиновниковъ торгпредства. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, интересы крайней политики Сталина со всѣми ея нелѣпостями, совпадаютъ съ интересами наиболѣе развращенной, деморализованной, коррумпированной части совѣтскаго чиновничества.

Это совпаденіе интересовъ дало себя вскорѣ чувствовать. Сталинъ давалъ приказъ, по возможности не пользоваться полученнымъ нами кредитомъ Макъ-Кенна, исходя при этомъ изъ соображеній высокой политики. Совѣтскіе чиновники за совѣсть выполняли это приказаніе, толкуя его въ расширительномъ духѣ, и клали себѣ въ карманъ полученные при этомъ барыши. Отдѣльныя англійскія фирмы, сильно зарабатывавшія на совѣтскомъ кредитѣ, также тормазили реализацію учета векселей въ Мидландъ-банкѣ, отказываясь отъ этого подъ разными предлогами.

Вся эта тройственная коалиція въ пару мѣсяцевъ свела на нѣтъ кредиты Мидландъ-банка. Макъ-Кенна из-

вѣстилъ вскорѣ совѣтскіе органы, что онъ отзываетъ открытый въ Мидландъ-банкѣ кредитъ.

Уже въ первые дни послѣ моего пріѣзда во Францію, я убѣдился въ томъ, что франко-совѣтскія отношенія зашли въ тупикъ и что по сути дѣла обѣ стороны придерживаются, такъ называемой, «политики присутствія», т. е. ограничиваются фактомъ существованія французскаго посольства въ Москвѣ и совѣтскаго въ Парижѣ. Одинъ изъ французскихъ дипломатовъ далъ этому факту еще болѣе яркое и вѣрное названіе. Онъ назвалъ эту политику «политикой ночника» (veilleuse), настолько слабымъ и непрочнымъ для какихъ бы то ни было отношеній былъ фактъ существованія посольствъ, лишенныхъ возможности заниматься какой бы то ни было реальной работой.

Я прекрасно понималъ, что такое состояніе франко-совѣтскихъ отношеній объясняется цѣлымъ рядомъ объективныхъ причинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я считалъ, что основной причиной невозможности наладить нормальныя франко-совѣтскія отношенія является неурегулированность вопроса о русскомъ долгѣ. Этотъ вопросъ не могъ не отравлять франко-совѣтскихъ отношеній, такъ какъ русскій долгъ задѣвалъ интересы самыхъ широкихъ слоевъ мелкихъ рантье.

Въ моментъ кампаніи противъ Раковскаго, когда политбюро боялось разрыва съ Франціей, было рѣшено урегулировать этотъ вопросъ, и Раковскій, незадолго до своего отъѣзда изъ Парижа, сдѣлалъ, какъ извѣстно, французскому правительству предложеніе платить въ теченіе 62 лѣтъ по 60 милліоновъ золотыхъ франковъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что совѣтская сторона полу-

читъ пятилѣтній кредитъ въ суммѣ 600 милліоновъ золотыхъ франковъ. Такимъ образомъ, это предложеніе давало возможность совѣтской сторонѣ до момента реальнаго начала платежей по русскому долгу получить дополнительный заемъ на внушительную сумму.

Однако, когда выяснилось, что кампанія противъ Раковскаго ограничится отъѣздомъ посла и не превратится въ кампанію за разрывъ отношеній, Москва рѣшила не повторять сдѣланнаго уже предложенія и, во всякомъ случаѣ, не стараться добиться отъ французскаго правительства отвѣта.

Лѣтомъ 1928-го года, въ кабинетѣ Довгалевскаго было созвано небольшое совѣщаніе, состоявшее изъ Довгалевскаго, меня и Пятакова. Мы обсуждали вопросъ о перспективахъ франко-совѣтскихъ отношеній. Въ это время я былъ уже настроенъ въ достаточной степени пессимистически. Я видѣлъ кругомъ хозяйственный развалъ, я видѣлъ тупую политику Сталина, сжимавшую въ кольцѣ крестьянское хозяйство и вмѣстѣ съ нимъ всю экономику совѣтской Россіи. Внутри страны уже почти не оставалось никакихъ надеждъ на то, что удастся миновать новой вспышки военнаго коммунизма, еще болѣе острой по своимъ проявленіямъ и еще болѣе невыносимой психологически, такъ какъ на этотъ разъ на границахъ страны шла война, а внутри страны никакой врагъ не грозилъ крестьянину.

Однако, я еще лелѣялъ слабыя надежды на то, что, если удастся связать Сталина рядомъ уступокъ во внѣшней политикѣ и тѣмъ самымъ дать возможность странѣ получить финансовую помощь извнѣ, можно будетъ смяг-

чить политику Сталина, не доводя дѣла до открытаго разрыва съ крестьянствомъ.

Для меня представлялось яснымъ, что нажимъ на крестьянство выростаетъ въ результатѣ той нелѣпой линіи на быструю индустріализацію Россіи, какая была взята правительствомъ Сталина. Эта сверхъ-индустріализація требовала для своего осуществленія колоссальныхъ средствъ и должна была заставить Сталина, въ конечномъ счетѣ, усилить свой нажимъ на крестьянство до тѣхъ предѣловъ, за которыми начинается голодъ и смерть милліоновъ людей.

Я прекрасно понималъ, что внѣшняя политика Сталина на этотъ періодъ времени явится производной его такъ называемой «генеральной линіи». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ области внѣшней политики можно было давить на Сталина гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ области внутренней. Перспектива полученія большого иностраннаго займа, могла вызвать нѣкоторый поворот настроеній среди вліятельныхъ членовъ политбюро и непосредственнаго сталинскаго окруженія. Партійный аппаратъ, руководимый Молотовымъ, шелъ безпрекословно за послѣднимъ тянувшимъ его въ сторону выполненія на мѣстахъ сталинскихъ директивъ. Но партійный аппаратъ шелъ въ сторону нехотя, скрѣпя сердце, такъ какъ для всѣхъ партійныхъ работниковъ на мѣстахъ были ясны трудности и опасности встающія на этомъ новомъ пути острой борьбы съ крестьянствомъ. Вотъ почему перспектива оживленія финансово-экономическихъ отношеній съ за границей могла даже переломить настроеніе партійнаго аппарата и затруднить, если не сдѣлать невозможной, сталинскую политику поворота противъ мужика.

На совѣщаніи Довгалевскаго я высказался за то, чтобы снова поставить передъ Москвой вопросъ объ урегулированіи франко-совѣтскаго долга, сдѣлавъ Франціи новыя предложенія взамѣнъ непріемлемаго для нея предложенія Раковскаго. Я аргументировалъ свою точку зрѣнія цѣлымъ рядомъ соображеній, которыя я изложилъ впослѣдствіи въ своемъ докладѣ въ Москву. Я видѣлъ, что Довгалевскій вполнѣ раздѣляетъ мою точку зрѣнія. Однако, чувствуя, что эта точка зрѣнія встрѣтитъ сильный отпоръ со стороны Сталина и вызоветъ его неудовольствіе противъ иниціаторовъ подобнаго предложенія, Довгалевскій отдѣлался нѣсколькими общими фразами. Пятаковъ раздѣлилъ мою точку зрѣнія, и сказалъ, что онъ считаетъ возможнымъ поставить этотъ вопросъ передъ Москвой. Въ результатѣ совѣщанія Довгалевскій сказалъ, что такъ какъ онъ черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ въ отпускъ, то я, оставшись повѣреннымъ въ дѣлахъ, могу написать докладъ въ Москву, изложивъ мою точку зрѣнія и не будучи стѣсненнымъ въ этомъ изложеніи. Это была, конечно, маленькая хитрость боязливаго чиновника, нежелавшаго раздражать высокое начальство. Я прекрасно понималъ смыслъ этой уловки, но въ свою очередь ничего не имѣлъ противъ нея, такъ какъ оставшись повѣреннымъ въ дѣлахъ, я могъ, въ качествѣ главы посольства свободно и безпрепятственно изложить свою точку зрѣнія.

Послѣ отъѣзда Довгалевскаго я написалъ въ Москву обширный докладъ о перспективахъ франко-совѣтскихъ отношеній. Въ докладѣ я, главнымъ образомъ напиралъ на то, что послѣ стабилизаціи франка, Франція возвращаетъ себѣ прежнее положеніе финансового и кредитнаго

центра и что поэтому рѣшеніе вопроса о долгахъ пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ смыслѣ открытія возможности долгосрочныхъ финансовыхъ операцій во Франціи. Я иллюстрировалъ докладъ богатѣйшими цифровыми данными, подсчиталъ сколько приходится переплачивать на ненормальныхъ кредитныхъ операціяхъ совѣтскихъ органовъ за границей, зачастую получающихъ кредитъ изъ 20, 30 и даже болѣе процентовъ. Въ это время учетъ совѣтскихъ векселей производился главнымъ образомъ при помощи спеціальныхъ посредниковъ по совершенно непомѣрнымъ процентамъ. Отсутствіе нормальнаго банковскаго кредита вызванное неурегулированностью вопроса о русскомъ долгѣ, загоняло совѣтскія хозяйственныя операціи въ финансово-кредитный тупикъ. Когда я подсчиталъ сколько приходится переплачивать на учетѣ совѣтскихъ векселей, получилась въ итогѣ переплата въ сто, полтораста милліоновъ рублей въ годъ. Мнѣ казалось совершенно раціональнымъ за счетъ исчезновенія этой переплаты въ случаѣ возстановленія нормальнаго банковскаго кредита, увеличить размѣры аннуитета, выплачиваемаго по франко-совѣтскому урегулированію русскаго долга. Я настаивалъ поэтому на возобновленіи переговора о долгахъ и на необходимости сдѣлать Франціи новыя предложенія, считая возможнымъ довести ежегодные платежи Франціи до ста пятидесяти милліоновъ золотыхъ франковъ. Разумѣется эта цифра въ сто пятьдесятъ милліоновъ золотыхъ франковъ, указанная мной, являлась максимальной точкой, своего рода предѣльнымъ пунктомъ будущихъ переговоровъ. Но даже эта максимальная точка, требуя отъ насъ дополнительной жертвы въ 90 милліоновъ золотыхъ франковъ, дала бы возмож-

ность устранить ежегодную переплату на ненормальныхъ кредитахъ, размѣры которой по самымъ скромнымъ исчисленіямъ достигали ста милліоновъ рублей или трехсотъ милліоновъ золотыхъ франковъ. Такимъ образомъ даже беря максимальную точку выплачиваемаго французамъ аннуитета и минимальную точку ежегодной переплаты на ненормальныхъ кредитахъ, получалась разница въ 200 милліоновъ золотыхъ франковъ въ годъ, представлявшая внушительный валютный резервъ, который можно было бы бросить на индустріализацію страны. Я считалъ, что на базѣ новаго предложенія Франціи о выплатѣ ста пятидесяти милліоновъ франковъ въ годъ, можно было бы, помимо общаго удешевленія товарныхъ кредитовъ и отказа учитывать торговые векселя изъ позорно высокихъ процентовъ, добиться также возможности производить во Франціи долгосрочныя финансовыя операціи, т.-е. по существу снова открыть парижскій финансовый рынокъ для операцій совѣтской Россіи. Ясно было какія перспективы это можетъ принести не только въ дѣлѣ индустріализаціи совѣтской Россіи, но и въ области сельскаго хозяйства, улучшенія дорогъ, возсозданія транспорта, словомъ оживленія пульса всей экономики страны. Конечно, это оживленіе должно было отразиться немедленно и на внутренней экономической политикѣ Сталина и на его внѣшней политикѣ. Расширяющіяся финансовыя связи съ внѣшнимъ міромъ требовали соотвѣтствующей перестройки всей системы совѣтской внѣшней политики и въ первую очередь очищенія ея отъ связей съ нелегальной коминтерновской работой. Я понималъ поэтому, что мое предложеніе имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ, но признаться я расчитывалъ на психологиче-

скій эффектъ моихъ цифръ среди членовъ политбюро, а также и на то обстоятельство, что по существу вопроса можно было бы вполнѣ подвести разработанную мною финансово-кредитную схему подъ любую самую ортодоксальную концепцію самаго стопроцентнаго ленинизма. Основная линія на индустріализацію страны, являющаяся по необходимости базой экономическаго, а слѣдовательно и политическаго существованія Кремля оставалась совершенно нетронутой. Измѣнялось только направленіе, по которому должны были притекать средства для этой индустріализаціи. Тотъ фактъ, что средства эти должны были получаться извнѣ, устанавливалъ лишь необходимость опредѣленнаго рода уступокъ, которыя можно было объяснить такой же необходимостью «экономической передышки», какъ въ свое время Брестскій миръ объяснялся необходимостью политической передышки. Я привожу этотъ ходъ мысли не какъ свои собственныя разсужденія, а какъ то объясненіе предлагаемыхъ мною мѣропріятій, которое предназначалось для такъ называемыхъ ортодоксовъ ленинизма, т.-е. для людей, ищущихъ въ ленинскихъ теоріяхъ объясненій и оправданій для каждаго правительственнаго мѣропріятія. Для меня лично смыслъ моего предложенія заключался въ иномъ: оно должно было поднять экономику страны, поднять благосостояніе русскаго крестьянства, избавить его отъ тяжелыхъ жертвъ своимъ имуществомъ и своею кровью въ результатѣ новыхъ экспериментовъ военнаго коммунизма. Я понималъ, что въ результатѣ принятія сдѣланнаго мною предложенія, хозяйственное положеніе крестьянства настолько окрѣпнетъ и оно сдѣлается настолько вліятельной политической силой, что можно будетъ ставить вопросъ объ увеличеніи

степени участія крестьянства въ политической жизни страны.

Разработанный мною докладъ я разослалъ по пятнадцати адресамъ, всѣмъ членамъ политбюро, а также нѣкоторымъ отвѣтственнымъ руководителямъ совѣтскаго хозяйственнаго аппарата. Кромѣ оффиціальнаго доклада я написалъ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ частныя письма, въ которыхъ доказывалъ необходимость, цѣлесообразность и полную пріемлемость дѣлаемаго мною предложенія. Въ этихъ письмахъ я, признаться, прибѣгъ и къ методу запугиванія. Въ это время было подписано англо-французское морское соглашеніе. Я ссылался на это соглашеніе, какъ на фактъ полнаго сближенія англійской и французской внѣшней политики (разумѣется, это былъ не анализъ, а просто запугиваніе нѣкоторыхъ членовъ политбюро, очень опасающихся внѣшняго конфликта), я указывалъ на то, что англо-французское сближеніе въ моментъ пребыванія у власти въ Лондонѣ консервативнаго правительства, можетъ въ концѣ концовъ вовлечь Францію на тотъ самый путь отношеній съ совѣтскимъ союзомъ, на который стало англійское консервативное правительство. «Между тѣмъ, писалъ я, разрывъ съ Франціей означалъ бы съ чисто автоматической послѣдовательностью заостреніе положенія почти на всей нашей западной границѣ, въ особенности на ея польскомъ и румынскомъ участкѣ. Въ этихъ условіяхъ предлагаемое мною урегулированіе вопроса о русскомъ долгѣ не только является цѣлесообразнымъ и пріемлемымъ, по соображеніямъ экономическаго характера, но является также необходимымъ, какъ средство откупиться отъ грозящаго намъ разрыва и почти неминуемой вслѣдъ за нимъ вой-

ны. Откупъ отъ войны вошелъ въ качествѣ одной из самыхъ важныхъ составныхъ частей во всю систему нашей международной политики. Я ставлю теперь снова на очередь этотъ вопросъ въ порядкѣ тѣхъ конкретныхъ предложенiй, которыя помѣчены въ моемъ докладѣ».

Мой докладъ обсуждался въ политбюро. Его обсужденiе вызвало горячiе споры, причемъ нѣкоторые члены политбюро почти полностью раздѣлили высказанную мною точку зрѣнiя. Но Сталинъ наложилъ свое рѣшительное вето. Мои предложенiя были отвергнуты. Вскорѣ послѣ этого я получилъ телеграфное сообщенiе о томъ, что мнѣ предлагается послѣ возвращенiя Довгалевскаго изъ отпуска прiѣхать въ Москву для личныхъ переговоровъ.

Я выѣхалъ въ Москву въ октябрѣ 1928 года и былъ немедленно вызванъ къ Сталину. Онъ держалъ себя чрезвычайно рѣзко. Очевидно, бессарабская исторiя породила въ немъ глубокiя антипатiи ко мнѣ, хотя о ней онъ ни словомъ не обмолвился во время бесѣды.

— Вы уклоняетесь все дальше и дальше отъ основныхъ линiй нашей внѣшней политики. Вашъ послѣднiй докладъ — яркое доказательство начавшагося въ васъ процесса классового перерожденiя. Это типичная меньшевистская болтовня съ грошевыми выкладками. Дѣло не въ лишнихъ пятидесяти миллiонахъ рублей, а въ нашей основной линiи по вопросу о долгахъ. Мы не можемъ платить долговъ, не измѣняя классовой сущности нашей власти. Неужели это необходимо вамъ объяснять. Если мы предлагали 20 миллiоновъ рублей во время инцидента съ Раковскимъ, то это дѣлалось лишь въ порядкѣ откупа отъ грозившей намъ войны. Это вопросъ маневрированiя. Гро-

зитъ война, надо откупаться. Но то, что вы предлагаете, принципіально отличается отъ откупа. Вы думаете, что можно установить длительное финансовое сотрудничество съ капиталистическимъ міромъ. Но сдавшись Пуанкарэ, мы потеряемъ всякую возможность революціоннаго маневрированія, лишимся одной изъ важнѣйшихъ позицій, — отказа отъ признанія старыхъ долговъ. Мы переплачиваемъ на ненормальныхъ кредитахъ. Вы правы. Но зато мы сохраняемъ полную самостоятельность нашей экономической системы въ ея борьбѣ съ капиталистическимъ окруженіемъ. Надо быть наивнымъ, чтобы думать, будто во Франціи мы можемъ получить долгосрочные кредиты безъ всякихъ условій. Намъ поставятъ условія въ результатѣ которыхъ мы не сможемъ вести свое хозяйство такъ, какъ мы хотимъ. Не мы будемъ руководить, а нами будутъ руководить. Поймите, что краткосрочные товарные кредиты при всей своей дороговизнѣ избавляютъ насъ отъ политической кабалы. Намъ не нужно большихъ внѣшнихъ займовъ. Вѣрнѣе, мы все равно ихъ не получимъ на тѣхъ условіяхъ, какія можемъ предложить. Думать иначе, это значитъ впасть въ отвратительный оппортунизмъ, представлять возможнымъ длительное сотрудничество двухъ непримиримыхъ экономическихъ системъ. Большевикъ, настоящій большевикъ, такъ думать не можетъ. Онъ долженъ умѣть маневрировать и маневрировать ловко, ставя себѣ цѣлью, чтобы столкновеніе двухъ системъ произошло въ максимально благопріятный для насъ моментъ, въ періодъ подъема революціонной волны. Вы же предлагаете установить такое сотрудничество, которое постоянно будетъ приводить насъ къ невыгодному соотно-

шенію силъ. Вашъ докладъ сплошная оппортунистическая и несерьезная болтовня.

Разговоръ продолжался долго, свыше часа. Я пытался спорить, возражать. Это только распалило Сталина. Понять другъ друга мы не могли. Имъ владѣла мысль о «міровой революціи», мной — забота объ интересахъ совѣтскаго государства. Съ рѣзкаго тона онъ перешелъ на грубый. Я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Политика «присутствія» во франко-совѣтскихъ отношеніяхъ продолжалась.

Передъ отъѣздомъ въ Парижъ я явился къ Литвинову за полученіемъ инструкцій. Онѣ поразили меня своей ясностью и опредѣленностью:

— На Францію намъ, — заявилъ наркоминдѣлъ, — собственно говоря, вообще наплевать...

Глава IX

ПАРИЖЪ

(продолженіе)

Въ 1928-мъ году мнѣ пришлось изъ Парижа начать переговоры съ іеменскимъ правительствомъ. Однажды въ посольство явился представитель іеменскаго правительства, Хассанъ Анисъ Паша, бывшій высокій чиновникъ египетскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Хассанъ Анисъ Паша заявилъ мнѣ, что іеменскій король Яхья желалъ бы установить нормальныя дипломатическія сношенія съ совѣтскимъ правительствомъ. Хассанъ Паша показалъ мнѣ письмо и полномочія, подписанныя королемъ и адресованныя совѣтскому правительству, въ которыхъ говорилось о томъ, что Хассанъ Пашѣ поручается начать предварительные переговоры.

Я протелеграфировалъ въ Москву о визитѣ Хассанъ Анисъ Паши. Изъ Москвы черезъ нѣсколько дней получился отвѣтъ, что политбюро придаетъ очень большое значеніе появленію совѣтскаго представительства въ Іеме-

нѣ и что поэтому мнѣ предлагается немедленно начать предварительные переговоры съ Хассанъ Анисъ Пашей.

Хассанъ Анисъ Паша произвелъ на меня очень выгодное впечатлѣніе. Это былъ, несомнѣнно, человѣкъ съ большимъ политическимъ кругозоромъ, прекрасно разбирающійся въ сложныхъ отношеніяхъ Аравійскаго полуострова. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ былъ, несомнѣннно, человѣкомъ чрезвычайно умѣреннымъ.

Онъ началъ предварительные переговоры съ того, что Іеменъ хотѣлъ бы связаться съ совѣтскимъ правительствомъ для установленія торговыхъ отношеній и для полученія нѣкотораго количества предметовъ военнаго снаряженія, финансовой помощи и посылки инструкторовъ авіаціоннаго дѣла вмѣстѣ съ нѣсколькими аэропланами.

Хассанъ Паша заявилъ мнѣ, что Іеменъ представляетъ изъ себя крайне отсталую страну, находящуюся почти цѣликомъ на уровнѣ патріархальнаго хозяйства и что поэтому не приходится даже думать не только о радикальныхъ реформахъ соціальнаго характера, но даже и о быстрой внѣшней модернизаціи страны. Онъ указалъ на то, что іеменское правительство и, въ частности, король Яхья, разработали систему реформъ, но что эта система разсчитана на длительный періодъ времени и проведеніе ея зависитъ не только отъ соображеній внутренней политики Іеменскаго королевства, но и отъ его внѣшней политики. Прежде всего, Іеменское королевство, такъ недавно пережившее вооруженное столкновеніе съ геджаскими вахабитами и все время ожидающее конфликтовъ съ султаномъ Ковейтъ изъ-за пограничныхъ треній, желало бы укрѣпить, по возможности, экономическое поло-

женіе страны и ея средства обороны. Для этого Іемену необходима сильная армія, по возможности, снабженная современной техникой. Въ частности, Іемену необходима артиллерія, такъ какъ купленныя въ свое время въ Италіи, пушки оказались устарѣлаго образца, чуть ли не эпохи кампаніи 1866-го года. Одновременно Іеменъ хотѣлъ бы создать небольшую воздушную эскадрилью. Правда, попытка созданія такой эскадрильи была уже сдѣлана, и въ Іеменъ, въ свое время, прибыли два австрійскихъ летчика съ двумя аэропланами, но эта попытка не дала желательныхъ результатовъ: одинъ изъ летчиковъ вскорѣ разбился, а второй отказался продолжать службу въ Іеменѣ и возвратился къ себѣ на родину.

Съ самаго начала своихъ переговоровъ со мной Хассанъ Анисъ Паша ставилъ прямо вопросъ, что, если московское правительство пожелаетъ, оказавъ поддержку Іемену, имѣть впослѣдствіи возможность толкнуть его противъ Англіи, то онъ заранѣе предупреждаетъ насъ о нежеланіи іеменскаго правительства идти на какія бы то ни было авантюры. Онъ подчеркнулъ, что іеменское правительство можетъ предложить совѣтскому правительству лишь свою дружбу и коммерческія выгоды отъ торговли между двумя странами. Въ то же время іеменское правительство желаетъ сохранить за собой полную свободу дѣйствій въ вопросахъ аравійской политики.

Москва осталась недовольна этими заявленіями Хассанъ Паши. Вскорѣ оттуда сообщили, что «по всей видимости, Хассанъ Паша либо является прямымъ агентомъ Интельдженсъ Сервизъ, либо, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу скрытыхъ англофиловъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, намъ было бы совершенно невоз-

можно продолжать съ нимъ переговоры. Поэтому вамъ рекомендуется дать ему уклончивый отвѣтъ, сообщивъ лишь, что ваше правительство заинтересовалось сдѣланными имъ предложеніями. Мы же имѣемъ въ виду послать спеціальную миссію въ Іеменъ для непосредственныхъ переговоровъ въ Санаа съ королемъ Яхьей. Эта миссія, скорѣе всего, поѣдетъ въ качествѣ торговой экспедиціи одного изъ нашихъ германскихъ обществъ».

Дѣйствительно, въ скоромъ времени въ Іеменъ отправилась торговая экспедиція Воствага, фиктивнаго германскаго общества, игравшаго, по сути дѣла, роль одного изъ передаточныхъ звеньевъ для надобностей работы коминтерна и другихъ спеціальныхъ совѣтскихъ органовъ на Ближнемъ Востокѣ.

Во главѣ этой экспедиціи былъ поставленъ Астаховъ, бывшій первый секретарь совѣтскаго посольства въ Японіи. Астахову было поручено не только проѣхать черезъ Ходейду въ столицу Іеменскаго королевства Санаа, но и заѣхать по дорогѣ въ Геджасъ для встрѣчи съ нѣкоторыми шейхами арабскихъ племенъ Заіорданья, а также усилить и оживить связь съ Абиссиніей, осуществлявшуюся черезъ совѣтскаго генеральнаго консула въ Геджасѣ, Хакимова.

Астаховъ очень умѣло провелъ свою поѣздку. Въ Геджасѣ онъ договорился о расширеніи дѣятельности совѣтскихъ торговыхъ органовъ и передалъ шейхамъ нѣкоторыхъ заіорданскихъ племенъ 20 тысячъ долларовъ. Эта дополнительная субсидія была связана съ усиленіемъ дѣятельности палестинской коммунистической партіи, съ представителями которой Астаховъ встрѣтился по дорогѣ въ Іеменъ. Этимъ представителямъ Астаховъ передалъ ди-

рективу коминтерна, предлагавшую «заострить борьбу противъ англійской оккупаціи и еврейскаго агентства въ Палестинѣ, какъ орудія англійскаго имперіализма. Срочно мобилизовать для этого арабскія массы, не боясь эксцессовъ, могущихъ имѣть внѣшній видъ межнаціональныхъ столкновеній. Вести широкую разъяснительную кампанію среди арабскаго пролетаріата и крестьянства, указывая на общность ихъ интересовъ съ интересами еврейскихъ рабочихъ въ совмѣстной борьбѣ съ агентами англійскаго имперіализма изъ числа сіонистскихъ дѣятелей и еврейской буржуазіи въ цѣломъ. Что касается арабскихъ буржуазныхъ круговъ, то, поскольку на первой стадіи анти-англійскаго движенія въ Палестинѣ, они могутъ примкнуть къ этому движенію, носящему характеръ колоніальной революціи, — намѣренно не заострять пока классовой борьбы внутри арабскаго населенія Палестины, стремясь бросить его въ цѣломъ противъ англійскаго имперіализма и его сіонистскихъ агентовъ».

Помимо встрѣчи съ арабскими шейхами, Астаховъ отправилъ двухъ спеціальныхъ агентовъ въ Абиссинію для собиранія информацій о положеніи этой страны и для встрѣчъ съ нѣкоторыми абиссинскими государственными дѣятелями, настроенными за возобновленіе политическихъ отношеній съ совѣтскимъ правительствомъ.

Эта поѣздка не дала, впрочемъ, большихъ результатовъ, какъ и вся попытка по возстановленію дипломатическихъ отношеній съ Абиссиніей. Эта попытка началась еще въ 1927-мъ году, во время поѣздки негуса Растафари по Европѣ, когда негусъ встрѣтился въ Афинахъ съ тамошнимъ совѣтскимъ представителемъ Устиновымъ. Устиновъ имѣлъ очень длинный разговоръ съ негусомъ,

во время котораго онъ, отъ имени совѣтскаго правительства, предложилъ негусу, что, въ случаѣ возобновленія дипломатическихъ отношеній Абиссиніи съ СССР, совѣтское правительство обязуется отправить въ Абиссинію инструкторовъ-инженеровъ, агрономовъ и врачей, а также оказывать полную дипломатическую поддержку Абиссиніи во всѣхъ ея международно-политическихъ выступленіяхъ.

Такъ какъ Растафари держалъ себя чрезвычайно любезно во время разговора, то Устиновъ сообщилъ въ Москву о несомнѣнномъ желаніи абиссинскаго правительства пойти на возстановленіе дипломатическихъ отношеній. Въ силу этого сообщенія и были посланы Астаховымъ въ Абиссинію два спеціальныхъ агента, которые, однако, возвратились ни съ чѣмъ. Уже позже, въ 1929-мъ году, когда въ Парижъ прибылъ абиссинскій посланникъ, Довгалевскому было поручено начать съ посланникомъ переговоры о возобновленіи отношеній между обѣими странами. Посланникъ держалъ себя очень любезно, но отъ политическихъ переговоровъ до осени 1929-го года рѣшительно уклонился.

По прибытіи въ Санаа, Астаховъ былъ принятъ лично королемъ, съ которымъ были начаты переговоры. Король уклонился отъ подписанія договора, возстанавливающаго дипломатическія отношенія съ СССР. Онъ указывалъ на то, что поскольку Іеменъ не принимаетъ до сихъ поръ иностранныхъ дипломатическихъ представителей, ему неудобно сдѣлать исключеніе и принять совѣтскаго дипломатическаго агента. Поэтому обѣ стороны остановились на подписаніи соглашенія о возстановленіи торговыхъ отношеній между обѣими странами. Въ качествѣ со-

вѣтскаго торговаго представителя, въ Санаа былъ отправленъ бывшій совѣтскій генеральный консулъ въ Геджасѣ — Хакимовъ. Хакимовъ, казанскій татаринъ, прекрасно владѣющій арабскимъ языкомъ, является однимъ изъ самыхъ способныхъ работниковъ коминтерна на Ближнемъ Востокѣ. Считаясь формально торговымъ агентомъ въ Санаа, онъ ведетъ фактически всю политическую работу на Аравійскомъ полуостровѣ, являясь однимъ изъ ея руководителей.

Въ виду опасеній іеменскаго правительства, что подписанный съ Астаховымъ договоръ можетъ вызвать неудовольствіе Англіи, было рѣшено не публиковать текста этого договора, и держать въ тайнѣ самый фактъ его подписанія. Впрочемъ, одна изъ совѣтскихъ газетъ, правда, петитомъ, пропустила сообщеніе о подписаніи договора. За это завѣдующій соотвѣтствующимъ отдѣломъ газеты, по постановленію ГПУ, былъ отправленъ на пять лѣтъ въ Соловки.

Работа отдѣла ГПУ при парижскомъ посольствѣ проходила усиленнымъ темпомъ. Начальникъ отдѣла, Владиміръ Борисовичъ Яновичъ, не представлялъ изъ себя крупной политической фигуры. Въ доброе старое время онъ былъ бы хорошимъ начальникомъ сыскного отдѣленія въ небольшомъ провинціальномъ городѣ. Но этотъ человѣкъ хорошо зналъ технику своего дѣла и сумѣлъ поставить на достаточную высоту организацію ГПУ при посольствѣ.

Отдѣлъ ГПУ занималъ при посольствѣ четыре комнаты въ третьемъ этажѣ, съ окнами, выходившими въ садъ посольства и въ сторону сада сосѣдняго дома на рю Гренелль № 81. Въ одной изъ комнатъ былъ установленъ

на прикрѣпленной подставкѣ прекрасный фотографическій аппаратъ. Въ этой же комнатѣ находилась сильная электрическая лампа, дававшая возможность очень быстро производить всѣ необходимые фотографическіе снимки. Въ сосѣдней комнатѣ, почти всегда запертой, находились приспособленія для проявленія фотографическихъ пластинокъ, а также складъ разныхъ принадлежностей, какъ химическихъ чернилъ и т. д. Въ третьей комнатѣ былъ кабинетъ Яновича. Наконецъ, четвертая, большая, комната служила мѣстомъ работы: въ ней стояли пишущія машинки и тутъ же собирались нѣкоторые изъ секретныхъ сотрудниковъ Яновича, понятно, лишь тѣ изъ нихъ, которые занимали служебную должность въ одномъ изъ совѣтскихъ учрежденій.

Сфера дѣятельности Яновича раздѣлялась на нѣсколько частей. Первая часть состояла въ наблюденіи за всѣми сотрудниками совѣтскихъ учрежденій, не исключая совѣтника и посла. Для этой цѣли Яновичъ имѣлъ многочисленный штатъ секретныхъ сотрудниковъ среди чиновниковъ совѣтскихъ учрежденій. Эти секретные сотрудники прислушивались къ разговорамъ своихъ коллегъ, слѣдили за ихъ дѣятельностью, за ихъ частной жизнью, иногда сами начинали разговоры провокаціоннаго характера, пытаясь вызвать своего собесѣдника на откровенность, послѣ чего о разговорѣ немедленно сообщалось Яновичу. Особенно многочисленъ былъ штатъ секретныхъ сотрудниковъ при хозяйственныхъ совѣтскихъ органахъ, торгпредствѣ, нефтесиндикатѣ и совѣтскомъ банкѣ. Въ этихъ органахъ секретные сотрудники слѣдили не только за политическими убѣжденіями и настроеніями отдѣльныхъ сотрудниковъ, но и за ихъ личными знаком-

ствами съ французскими промышленниками и коммерсантами .

Вторая часть работы Яновича состояла въ наблюденіи за эмиграціей. Для этой цѣли онъ имѣлъ многочисленныхъ секретныхъ сотрудниковъ изъ числа эмигрантовъ, завербованныхъ для работы въ ГПУ. Яновичъ неоднократно говорилъ мнѣ объ успѣшности этой работы, указывая на полную возможность имѣть достаточно хорошія освѣдомленія о дѣятельности эмиграціи. Особенно, по его словамъ, хорошо было поставлено наблюденіе за монархическими кругами разныхъ оттѣнковъ, гдѣ онъ имѣлъ многочисленныхъ секретныхъ сотрудниковъ. Помню какъ-то, говоря о дѣятельности кутеповской организаціи, Яновичъ сказалъ: «У меня имѣется человѣчекъ возлѣ самого Кутепова, который хорошо освѣщаетъ его дѣятельность. Скоро будетъ еще одинъ, и тогда вся дѣятельность Кутепова будетъ проходить передъ нами, какъ подъ стеклянным колпакомъ».

Помню также, что Яновичъ имѣлъ хорошую информацію обо всемъ, что дѣлается въ кругахъ, близкихъ къ газетѣ «Возрожденіе». Онъ говорилъ, что у него имѣется довольно хорошее освѣщеніе этихъ круговъ, благодаря одному секретному сотруднику.

Яновичъ имѣлъ также информацію и о лѣвыхъ эмигрантскихъ группировкахъ. Но эта информація была нѣсколько блѣднѣе, чѣмъ информація о монархистахъ. Въ частности, Яновичъ неоднократно жаловался на то, что ему гораздо труднѣе добывать секретныхъ сотрудниковъ для освѣщенія лѣвыхъ эмигрантскихъ группировокъ.

Списокъ секретныхъ сотрудниковъ, освѣщавшихъ жизнь эмиграціи, хранился у Яновича въ его несгорае-

момъ шкафу, вмѣстѣ съ шифрами. Въ этомъ спискѣ секретные сотрудники были подъ разными кличками, но даже и къ этому законспирированному списку никто не имѣлъ доступа, кромѣ Яновича и его жены.

Наконецъ, третья часть работы Яновича заключалась въ политической развѣдкѣ, въ информаціи обо всемъ, что происходитъ во Франціи и въ связи съ колоніями. Въ этой его работѣ онъ имѣлъ также довольно многочисленныхъ секретныхъ сотрудниковъ, доставлявшихъ ему разную информацію. Помимо этихъ секретныхъ сотрудниковъ, онъ пользовался услугами нѣкоторыхъ чиновниковъ торгпредства и банка, по роду своей дѣятельности встрѣчавшихся съ разными французскими политическими дѣятелями. Эти чиновники, подъ страхомъ увольненія, обязаны были представлять ему подробнѣйшія сообщенія въ письменной формѣ обо всѣхъ своихъ разговорахъ съ иностранцами. Среди лицъ, писавшихъ такія сообщенія, былъ и директоръ совѣтскаго банка въ Парижѣ Навашинъ. Среди нихъ былъ и графъ Игнатьевъ.

Помощникомъ Яновича въ его работѣ была жена, Александра Іосифовна, молодая и красивая женщина. Была ли она въ дѣйствительности женой Яновича, или это былъ лишь бракъ для видимости, по соображеніямъ служебнаго порядка, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, «семейная жизнь» инсценировалась ими недурно. Несмотря на то, что Яновичъ занималъ скромный постъ дѣлопроизводителя, онъ жилъ очень широко, занимая одну изъ лучшихъ квартиръ въ посольствѣ и имѣя отдѣльную прислугу кухарку.

Жена Яновича вѣдала его спеціальнымъ шифромъ, который хранился въ несгораемомъ шкафу. Она шифро-

вала всѣ телеграммы, и на этихъ телеграммахъ, уже въ зашифрованномъ видѣ, посолъ ставилъ свою печать. Содержаніе же телеграммъ оставалось для него неизвѣстнымъ, и онъ могъ свободно расписаться подъ доносомъ на самого себя. Жена Яновича завѣдывала также фотографированіемъ, и она же вела всѣ финансовыя дѣла. Деньги получались, обыкновенно, дипломатической почтой, крупными купюрами, въ долларахъ. Онѣ сдавались въ кассу посольства, размѣнивавшаго ихъ на франки черезъ совѣтскій банкъ. Встрѣчи съ секретными сотрудниками происходили, обычно, черезъ мадамъ Яновичъ, одѣвавшую для этого случая одно изъ своихъ шикарныхъ манто съ мѣховой отдѣлкой. Она считалась, между прочимъ, одной изъ способнѣйшихъ работницъ ГПУ и часто выполняла самыя отвѣтственныя порученія. Такъ, въ Берлинѣ она, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, играла роль венгерской графини. Въ свое время, въ Австріи она изображала жену персидскаго дипломата, а въ Чехословакіи — вдову крупнаго торговца брилліантами.

Кромѣ своей жены, Яновичъ имѣлъ еще двухъ помощниковъ. Это были Ивансъ и Эллертъ. Первый занималъ должность инспектора торгпредства, второй работалъ въ нефтесиндикатѣ.

Супруги Яновичъ часто отлучались изъ Парижа, уѣзжая на нѣсколько дней въ специальномъ Сидъ-карѣ, который былъ присланъ Яновичу изъ Нью-Іорка. Иногда въ этихъ поѣздкахъ ихъ сопровождалъ Эллертъ. Особенно часто они ѣздили въ Нормандію, останавливаясь на нормандскомъ побережьи, большей частью по близости Трувилля. Эти поѣздки всегда объяснялись желаніемъ отдохнуть, хотя, какъ дѣлопроизводитель посольства, Яновичъ

не исполнялъ никакой работы, и лишь иногда, для видимости, заходилъ на нѣсколько минутъ въ канцелярію.

Помимо Яновича, во Франціи работала нелегальная организація ГПУ, во главѣ которой стоялъ Викторъ Кеппъ. Этотъ Кеппъ (Прасоловъ) прибылъ во Францію съ подложнымъ паспортомъ, въ качествѣ иностраннаго гражданина, вмѣстѣ со своей женой, сестрой предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ Россійской совѣтской республики Сырцова, и своимъ помощникомъ, нѣкіимъ Найдисомъ. Въ Парижѣ, на средства ГПУ, Кеппъ организовалъ большое акціонерное общество, продававшее и покупавшее разные товары на десятки милліоновъ франковъ. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько автомобилей и виллъ на югѣ Франціи.

Дѣла общества, основаннаго Кеппомъ, шли очень хорошо, и Кеппъ настолько увлекся своей коммерческой дѣятельностью, что часто получалъ выговоры отъ ГПУ за небрежное выполненіе дававшихся ему порученій. Будучи по натурѣ очень общительнымъ человѣкомъ и имѣя марку крупнаго иностраннаго купца, Кеппъ былъ вхожъ во многіе иностранные дома и къ нѣкоторымъ виднымъ эмигрантамъ, занимавшимся коммерціей. Былъ онъ вхожъ и въ аристократическіе круги. Такъ, очень часто онъ бывалъ въ окрестностяхъ Медона, въ гостяхъ у одного титулованнаго эмигранта. Тамъ онъ встрѣчалъ какъ-то Новый Годъ, и переслалъ затѣмъ въ Москву въ ГПУ фотографическую карточку, изображавшую эту встрѣчу. Въ Москвѣ очень много смѣялись надъ этимъ «единеніемъ ГПУ съ эмиграціей».

Вскорѣ, однако, дѣла Кеппа пошатнулись, такъ какъ онъ увлекся рулеткой и баккара, посѣщая казино и раз-

ные притоны. Въ короткій срокъ онъ проигралъ очень крупную сумму, свыше десяти милліоновъ франковъ. Въ Москвѣ заволновались, боясь, что дѣло Кеппа лопнетъ и что самъ онъ попадетъ въ тюрьму. Боялись также и его измѣны и разоблаченій въ этомъ случаѣ. Было рѣшено во что бы то ни стало добиться пріѣзда Кеппа въ Москву. Въ одинъ прекрасный день Кеппъ больше не появлялся въ своей шикарной квартирѣ на авеню де Версаль № 130. Съ тѣхъ поръ прошло полтора года, и хозяинъ дома напрасно ждетъ своего жильца, исчезнувшаго безслѣдно, бросивъ на произволъ судьбы прекрасно обставленную квартиру, стоившую нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, и автомобиль...

Мнѣ передавали исторію исчезновенія Кеппа. Какъ-то къ казино, гдѣ онъ игралъ въ баккара, подкатилъ шикарный автомобиль. Изъ автомобиля вышло нѣсколько человѣкъ, сотрудниковъ Кеппа по его работѣ. Одинъ изъ нихъ вошелъ въ казино и вызвалъ Кеппа, заявивъ ему, что его ребенокъ опасно заболѣлъ и что поэтому ему необходимо срочно возвращаться въ Парижъ. Кеппъ вошелъ въ автомобиль и.... очнулся въ Гамбургѣ, въ трюмѣ совѣтскаго парохода, увозившаго его въ Ленинградъ. Въ Москвѣ его судила коллегія ГПУ. Благодаря заступничеству брата жены, Сырцова, Кеппъ отдѣлался постановленіемъ, ссылавшимъ его на десять лѣтъ въ Соловки.

Яновичъ велъ свою работу чрезвычайно конспиративно. Но все же, время отъ времени, мнѣ приходилось наблюдать его подвиги. Такъ, лѣтомъ въ 1928-мъ году, произошла слѣдующая исторія. Въ посольство явился какой-то молодой человѣкъ, отрекомендовавшійся атташе одного изъ итальянскихъ посольствъ въ Европѣ. Онъ былъ

принятъ секретаремъ посольства Гельфандомъ, которому заявилъ, что, проигравшись въ карты, сильно нуждается въ деньгахъ, и готовъ продать, поэтому, шифръ, украденный имъ въ итальянскомъ посольствѣ. Гельфандъ немедленно сообщилъ объ этомъ визитѣ Яновичу. Послѣ совѣщанія съ Яновичемъ, итальянцу было сказано, что, предварительно до рѣшенія вопроса о покупкѣ шифра, посолъ Довгалевскій долженъ видѣть перешифровальныя таблицы и словарь шифра. Атташе принесъ требуемыя таблицы и словарь въ посольство. Его оставили ждать въ пріемной, между тѣмъ какъ жена Яновича, въ продолженіи полутора часовъ, сфотографировала и перешифровальныя таблицы и всѣ страницы словаря. Послѣ этого итальянцу было отвѣчено, якобы отъ имени посла, что посольство не занимается покупкой шифровъ. Шифръ достался Яновичу безплатно.

Въ 1929-мъ году аналогичная исторія произошла съ англійскимъ шифромъ. Въ посольство явился какой-то англичанинъ, предложившій продать шифръ, служившій для связей между англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Индіей. Яновичъ разыгралъ съ нимъ снова комедію, и шифръ былъ сфотографированъ мадамъ Яновичъ. Англичанину же былъ данъ отвѣтъ, что посольство покупкой шифровъ не занимается. За оба эти подвига Яновичъ получилъ отъ Москвы благодарность и крупную денежную награду.

Въ связи съ покупкой шифровъ, я вспоминаю одинъ разговоръ, который происходилъ на квартирѣ Довгалевскаго во время игры въ поккеръ. Одно время эта игра была постояннымъ занятіемъ всѣхъ высшихъ совѣтскихъ чиновниковъ Парижа. Въ частности, и Довгалевскій и Пя-

таковъ отдавали много времени игрѣ въ поккеръ. Я также иногда принималъ участіе въ ихъ игрѣ, происходившей, обычно, на квартирѣ Довгалевскаго. Вскорѣ, однако, я прекратилъ играть, такъ какъ часто обыгрывалъ дочиста своихъ партнеровъ, и мнѣ было неловко передъ ними. Однажды я засталъ за игрой въ поккеръ Яновича. Онъ сильно нервничалъ, такъ какъ ему невезло, и онъ успѣлъ проиграть Довгалевскому нѣсколько тысячъ франковъ. На мое ироническое замѣчаніе, что ему незачѣмъ волноваться, такъ какъ осталось еще не мало дураковъ, безплатно отдающихъ шифры, Яновичъ съ огорченіемъ отвѣтилъ: «Да что тамъ я на этомъ заработалъ? Тысченку долларовъ. Вотъ у насъ одному дядѣ счастье привалило съ румынами. Это было дѣло. Удалось ему, черезъ одну бабу, подъѣхать къ руководителю румынской сигуранцы въ Бессарабіи, и онъ имѣетъ теперь въ своихъ рукахъ всѣ румынскіе шифры и самую секретную информацію обо всемъ, что происходитъ въ Бессарабіи и Румыніи. Вотъ тутъ была награда»...

Я былъ удивленъ этимъ заявленіемъ, и не удержался, чтобы не задать Яновичу нѣсколько вопросовъ. Обстановка игры въ поккеръ и нѣсколько выпитыхъ рюмокъ водки создали въ немъ расположеніе отвѣчать. Я сказалъ ему: неужели румыны могутъ прозѣвать такой фактъ, какъ работа для ГПУ одного изъ руководителей сигуранціи? Яновичъ только засмѣялся въ отвѣтъ: — Знаете, это такой гусь, котораго никогда не поймаютъ. Онъ буквально перепоролъ почти всю Бессарабію. Арестованныхъ коммунистовъ пытаетъ въ своемъ кабинетѣ, чуть ли не сдирая съ нихъ кожу. Какъ могутъ румыны подумать,

что такой гусь является нашимъ секретнымъ сотрудникомъ?..

Я остолбенѣлъ. Секретный сотрудникъ ГПУ, пытающій румынскихъ коммунистовъ, — это была дѣйствительно дьявольская выдумка. Я сказалъ Яновичу, что считаю такой фактъ позоромъ и дискредитированіемъ для всего совѣтскаго правительства, такъ какъ это ничѣмъ не отличается отъ самыхъ худшихъ методовъ самыхъ отвратительныхъ охранокъ. Это, пожалуй, превосходитъ такіе методы... Яновичъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ: «Да бросьте вы эту ерундистику разводить. Знаете, что значитъ имѣть такого сотрудника? Мы сами его попросимъ, чтобы онъ поролъ побольше, лишь бы онъ могъ продолжать свою работу для насъ. А когда произойдетъ революція въ Румыніи, пускай румынскіе коммунисты поставятъ его къ стѣнкѣ. Заступаться за него мы не станемъ. А пока что, онъ выполняетъ объективно революціонную работу и тѣмъ, что служитъ для насъ, и тѣмъ, что поретъ крестьянъ. Кстати, благодаря его информаціи, мы знаемъ иногда даже съ кѣмъ танцуетъ жена посла въ Парижѣ. (Яновичъ посмотрѣлъ при этомъ въ сторону Довгалевскаго, который покраснѣлъ). Потанцуетъ жена посла съ нѣсколькими румынами, и намъ это сразу же извѣстно. Да и не только это. Вѣдь румынская сигуранца обмѣнивается своими свѣдѣніями съ развѣдками другихъ странъ, и мы имѣемъ въ своихъ рукахъ такія свѣдѣнія, которыя стоятъ сотни тысячъ долларовъ. А вы вздумали вдругъ вспоминать о нѣсколькихъ лишнихъ выпоротыхъ бессарабскихъ крестьянахъ; это просто накладные расходы въ нашей работѣ и больше ничего»...

Въ связи съ дѣятельностью ГПУ, я не могу не вспом-

нить еще одной исторіи, чрезвычайно характерной для методовъ работы и нравовъ этого учрежденія. Какъ-то, въ маѣ 1929-го года, посольствомъ было получено письмо отъ Литвинова, въ которомъ сообщалось, что французское посольство въ Москвѣ обратилось въ народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ, съ просьбой сообщить о мѣстопребываніи французскаго гражданина Леже, пріѣхавшаго въ Россію и исчезнувшаго въ Москвѣ безслѣдно. Обратившись съ вопросомъ въ ГПУ, писалъ Литвиновъ, мы получили отвѣтъ, что они принуждены просить насъ отрицать передъ французскимъ посольствомъ фактъ пріѣзда Леже въ предѣлы совѣтскаго союза. Я думаю, что Леже находится въ одномъ изъ «госпиталей» ГПУ. Во всякомъ случаѣ, мы рѣшительно опровергаемъ свѣдѣнія французскаго посольства о прибытіи этого гражданина въ Россію. На случай, если министерство будетъ васъ безпокоить по этому поводу, вы должны такъ же категорически заявлять, что Леже никогда въ Россію не пріѣзжалъ.

Вскорѣ мы получили подробное письмо Кагана, сообщавшее подробности этой исторіи. Леже, въ свое время, проживалъ въ Болгаріи, въ Софіи. Будучи человѣкомъ крайне радикальныхъ взглядовъ (во время войны онъ былъ антимилитаристомъ), онъ пріютилъ у себя на квартирѣ двухъ болгарскихъ коммунистовъ, которымъ грозилъ разстрѣлъ. Болгарская полиція арестовала этихъ коммунистовъ, а вмѣстѣ съ ними и Леже. Военный судъ приговорилъ Леже къ смертной казни. Однако, французское правительство, черезъ своего посланника въ Софіи, заступилось за Леже. Онъ былъ помилованъ царемъ и высланъ изъ Болгаріи. Переѣхавъ въ Берлинъ, Леже всту-

пилъ въ коммунистическую партію и сдѣлался однимъ изъ крупныхъ работниковъ Мопра. Вскорѣ, однако, Леже началъ высказывать цѣлый рядъ сомнѣній по поводу дѣятельности и тактики коминтерна. Эти сомнѣнія и критика становились все болѣе и болѣе рѣзкими. Въ одинъ прекрасный день Леже было объявлено, что онъ вызывается въ Москву для доклада въ Мопрѣ. Леже уѣхалъ, успѣвъ прислать изъ Москвы нѣсколько писемъ своей женѣ Въ этихъ письмахъ онъ рѣзко критиковалъ жизнь въ Москвѣ и всю систему совѣтской работы. Одно изъ этихъ писемъ было перехвачено ГПУ. Оно рѣшило участь Леже. Онъ былъ арестованъ ГПУ и, безъ суда, по постановленію коллегіи, отправленъ на десять лѣтъ въ Соловки.

Французское посольство написало четыре ноты народному комиссаріату иностранныхъ дѣлъ по поводу Леже. Изъ комиссаріата отвѣчали, что фактъ прибытія Леже на территорію совѣтскаго союза остался неизвѣстнымъ совѣтскимъ органамъ. . .

Жена Леже, послѣ исчезновенія ея мужа, переѣхала въ Парижъ, гдѣ и проживаетъ въ настоящее время.

Глава X

ПАРИЖЪ

(окончаніе)

Неудача переговоровъ съ Макъ-Кенна о кредитахъ Мидландъ-банка не могла все же заставить меня отказаться отъ моей мысли о необходимости поставить передъ Москвой и добиться разрѣшенія вопроса о широкой финансово-кредитной схемѣ, которая дала бы возможность проводить индустріализацію страны безъ методовъ военно-феодальной эксплоатаціи русскаго крестьянства. Я прекрасно зналъ политическую обстановку въ Москвѣ и внутреннія тренія въ политбюро. Кредиты Мидландъ-банка были отвергнуты, но при обсужденіи этого вопроса въ политбюро противники использованія этихъ кредитовъ указывали на то, что кредиты, по существу, должны были финансировать англо-совѣтскую торговлю, являясь краткосрочными, и тѣмъ самымъ ставя насъ въ очень опасное положеніе въ виду все нарастающаго валютнаго кризиса и наступленія сроковъ по платежамъ германскихъ кредитовъ. Мнѣ было извѣстно, что это возраженіе

финансово-техническаго характера явилось рѣшающимъ при обсужденіи вопроса. Противники кредита едва ли смогли добиться своего, если бы имъ не удалось завуалировать свое принципіальное нежеланіе пойти на искреннее сотрудничество съ иностраннымъ капиталомъ разными соображеніями о «подготовляемой для насъ ловушкѣ».

Это заставило меня задуматься и разработать другую схему финансированія совѣтской индустріи. Я имѣлъ въ виду разработать такую схему, которая давала бы возможность осуществить планъ долгосрочныхъ вложеній иностранныхъ капиталовъ въ совѣтскую промышленность. Конечно, было ясно, что такія долгосрочныя вложенія потребуютъ соотвѣтствующихъ политическихъ уступокъ и вызовутъ не только необходимость поворота отъ намѣчавшагося уже Сталинымъ лѣваго зигзага, но могутъ заставить совѣтскую экономическую политику развить систему нэпа, переведя ее на слѣдующую, болѣе развернутую ступень.

Вопросъ этотъ представлялся крайне деликатнымъ. У меня было, правда, общее разрѣшеніе Москвы встрѣчаться съ англійскими политическими и финансовыми дѣятелями, но это указаніе не давало мнѣ никакихъ опредѣленныхъ полномочій по вопросу о программѣ моихъ разговоровъ.

Я зналъ, что правая группа политбюро была въ это время достаточно сильной для того, чтобы оказать сопротивленіе Сталину. Но я зналъ также, что эта правая группа была достаточно трусливой для того, чтобы взять на себя иниціативу столкновенія и выбрать удобную позицію для боя. Мнѣ представлялось поэтому необходи-

мымъ провести предварительную стадію переговоровъ на свой собственный страхъ и рискъ, съ тѣмъ, чтобы поставить впослѣдствіи политбюро передъ совершившимся фактомъ. Я прекрасно понималъ, что задуманная мною программа дѣйствій являлась ни чѣмъ инымъ, какъ заговоромъ противъ моего же правительства, и, что въ случаѣ провала, меня могутъ ожидать большія непріятности. Но я зналъ, въ то же время, что въ случаѣ принятія мною въ первой стадіи переговоровъ нѣкоторыхъ обязательствъ, я тѣмъ самымъ дамъ возможность правой группѣ начать бой со Сталинымъ на выгодныхъ для этой группы позиціяхъ.

Для проведенія въ жизнь моего заговора я долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ одного сообщника, который связалъ бы меня съ англійскими финансовыми и политическими дѣятелями. Мой выборъ остановился на Багговутѣ. Мое первоначальное знакомство съ нимъ давало мнѣ полное основаніе разсчитывать на его помощь и поддержку. Я не ошибся. Багговутъ принялъ самое дѣятельное участіе въ задуманной мною операціи, которая сорвалась впослѣдствіи лишь изъ-за полной никчемности и трусливости правой группы въ политбюро, прекрасно понявшей смыслъ проведенныхъ мною переговоровъ, но не сумѣвшей политически использовать данный мною въ ихъ руки козырь.

Багговутъ поѣхалъ въ Лондонъ лѣтомъ въ 1928-мъ году и тамъ связался съ нѣсколькими крупными консервативными дѣятелями, передъ которыми онъ развилъ, въ общихъ чертахъ, планъ широкаго финансированія совѣтской промышленности англійскими капиталами, указавъ, въ общихъ чертахъ, на возможныя политическія уступки совѣтскаго правительства. Этими дѣятелями были: редак-

торъ «Инглишъ Ревью» Эрнестъ Ремнандъ, майоръ Киндерслей и Бальфуръ (изъ общества Бальфуръ-битти). Душой всего дѣла, съ англійской стороны, явился сэръ Эрнестъ Ремнандъ. Онъ принялся съ большой энергіей за организацію вліятельной англійской группы, которая могла бы конкретно разработать, съ надеждой на успѣхъ, финансовую сторону моего плана. 8-го сентября 1928-го года я, оставшись повѣреннымъ въ дѣлахъ, принялъ въ своемъ кабинетѣ, въ присутствіи Багговута, сэра Эрнеста Ремнанда. Я сказалъ ему, что совѣтское правительство готово пойти на широко разработанную помощь англійскихъ капиталовъ въ дѣлѣ индустріализаціи Россіи. Я подчеркнулъ, что эта помощь, въ томъ случаѣ, если она будетъ имѣть значительные размѣры, дастъ возможность благопріятно разрѣшить рядъ вопросовъ внѣшней политики, какъ пропаганды, революціонной работы въ колоніяхъ и т. д., которые все время мѣшали установленію искреннихъ дружественныхъ отношеній между Англіей и совѣтскимъ союзомъ.

Я замѣтилъ, что сэръ Ремнандъ былъ явно ободренъ тономъ моего разговора и тѣми общими указаніями на возможныя уступки, которыя я сдѣлалъ. Мы говорили съ нимъ очень много, и я просилъ его поддерживать связь съ Багговутомъ, черезъ котораго я долженъ былъ передать ему разработанный въ общихъ чертахъ планъ финансовыхъ вложеній.

Черезъ недѣлю послѣ своего визита ко мнѣ сэръ Ремнандъ написалъ Багговуту слѣдующее письмо:

«Дорогой господинъ Багговутъ. Какъ было условлено въ прошлый четвергъ на моемъ свиданіи въ русскомъ посольствѣ съ шарже д-афферъ г-номъ Бесѣдовскимъ, на-

стоящимъ имѣю удовольствіе подтвердить сказанное мною господину Бесѣдовскому послѣ его завѣренія о томъ, что посѣщеніе Москвы депутаціею, представляющей руководящіе финансовые круги Великобританіи, его правительствомъ будетъ привѣтствоваться, а именно: что я завершу, сдѣланные уже въ видѣ попытки, въ Лондонѣ шаги и поставлю васъ до конца октября въ извѣстность объ именахъ лицъ, изъ которыхъ составится делегація.

«Передавая господину Бесѣдовскому списокъ предпріятій, могущихъ, съ наибольшей вѣроятностью, интересовать британскіе промышленность и финансы, я не имѣлъ намѣренія строго ограничить задачи миссіи указанными въ немъ областями, а руководствовался важностью заручиться содѣйствіемъ спеціалистовъ, которые были бы компетентны для дачи совѣтовъ, какъ по технической, такъ и финансовой сторонѣ предложеній. Если возможно положить начало хотя бы въ двухъ или трехъ направленіяхъ и установить довѣріе, рамки операцій могли бы быстро расшириться.

«Въ данной стадіи, какъ я объяснилъ господину Бесѣдовскому, полныя подробности о предложенныхъ дѣлахъ не нужны, разъ таковыя могутъ быть разсмотрѣны въ Москвѣ съ большимъ удобствомъ. При моей теперешней задачѣ мнѣ будетъ достаточно быть освѣдомленнымъ о природѣ имѣющихся правительствомъ въ виду работъ, съ приблизительной смѣтой инвестированныхъ въ каждую изъ нихъ капиталовъ.

«Разрѣшите мнѣ просить васъ о доведеніи до свѣдѣнія господина Бесѣдовскаго того, что я вполнѣ оцѣнилъ его откровенность и любезность, проявленныя имъ въ теченіе нашего свиданія, каковое, я увѣренъ, поведетъ къ

обоюдной пользѣ и къ болѣе благопріятнымъ отношеніямъ между обѣими странами. Искренне преданный вамъ Э. Ремнандъ».

Я срочно затребовалъ изъ торгпредства протоколы комиссій госплана, вырабатывавшихъ проекты капитальныхъ вложеній въ отдѣльныя отрасли совѣтской индустріи. На основаніи этихъ протоколовъ я составилъ себѣ общій планъ желательныхъ британскихъ вложеній, и передалъ этотъ планъ Ремнанду черезъ Багговута.

Вотъ этотъ планъ:

1. Возстановленіе котельнаго хозяйства морского и рѣчного флота .... 1.500.000.000 р.

2. Ремонтъ, перестройка и постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. 500.000.000 р.

3. Постройка кораблей для морского торговаго флота .... 250.000.000 р.

4. Постройка метрополитэна въ Москвѣ .... 150.000.000 р.

5. Прокладка пяти тысячъ верстъ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, со всѣмъ оборудованіемъ, станціонными и иными сооруженіями .... 150.000.000 р.

6. Устройство Волго - Донского канала .... 250.000.000 р.

7. Постройка заводовъ для выдѣлки автомобильныхъ шинъ и шинъ для аэроплановъ .... 100.000.000 р.

8. Постройка заводовъ для изготовленія сельско - хозяйственныхъ машинъ ..... 250.000.000 р.

9. Покупка сельско - хозяйственыхъ машинъ на условіяхъ долгосрочнаго кредита 250.000.000 р.

10. Постройка новыхъ гидро-электрическихъ станцій и финансированіе постройки Днѣпростроя .... 250.000.000 р.

11. Постройка новыхъ химическихъ заводовъ .... 100.000.000 р.

12. Покупка и переоборудованіе машинами текстильной промышленности ...... 250.000.000 р.

13. Финансированіе разныхъ коммунальныхъ предпріятій, строительство трамваевъ, газовыхъ заводовъ .... 150.000.000 р.

14. Расширеніе и улучшеніе морскихъ портовъ .... 100.000.000 р.

15. Устройство новыхъ нефтепроводовъ и крегинговъ .... 250.000.000 р.

16. Финансированіе лѣсной промышленности и постройка лѣсопильныхъ заводовъ и деревообрабатывающихъ предпріятій ... 100.000.000 р.

Общая сумма вложеній составляла 4.600.000.000 р.

Этотъ планъ грѣшилъ, конечно, схематичностью и недостаточнымъ обоснованіемъ приведенныхъ въ немъ цифръ, но въ основномъ онъ исчерпывалъ содержаніе плана работъ комиссіи госплана. Ясно, что въ случаѣ принятія обѣими сторонами такого широкаго плана, достигавшаго внушительной цифры пяти милліардовъ золотыхъ рублей (т. е., уже по тому времени, около десяти милліардовъ червонныхъ рублей, такъ какъ паденіе червонца уже шло стремительнымъ темпомъ), необходима была полная политическая договоренность и далеко идущее соглашеніе между обѣими сторонами. Этотъ планъ, въ случаѣ своего успѣха, подводилъ достаточно солидный ба-

зисъ подъ пятилѣтку, безъ того, чтобы отмѣной нэпа создать серьезный политическій конфликтъ въ странѣ и поставить подъ угрозу существованіе русскаго сельскаго хозяйства, а, слѣдовательно, экономики страны въ цѣломъ. Я надѣялся, что этотъ планъ можетъ явиться достаточно надежной платформой и для правой части политбюро въ ея стремленіи отразить все болѣе и болѣе развивавшееся наступленіе Сталина противъ экономической и политической системы нэпа.

Первые шаги заговора проходили, какъ будто, удачно. Сэръ Ремнандъ группировалъ въ Англіи финансовыхъ и политическихъ дѣятелей. Въ Москвѣ, съ своей стороны, уже начали подсчетъ общей цифры стараго русскаго долга. Шли разговоры по поводу возможныхъ предѣловъ политическихъ уступокъ.

Въ ноябрѣ положеніе начало измѣняться. Съ одной стороны, работа Ремнанда въ Англіи начала встрѣчать противодѣйствіе и сопротивленіе среди нѣкоторыхъ вліятельныхъ консервативныхъ круговъ, не вѣрившихъ въ возможность искренно договориться съ московскимъ правительствомъ. Все ухудшавшаяся экономическая обстановка въ совѣтскомъ союзѣ питала также чисто дѣловой пессимизмъ людей, указывавшихъ на экономическую опасность большихъ финансовыхъ вложеній, какъ неоправдываемыхъ состояніемъ народнаго хозяйства совѣтской Россіи.

6-го ноября 1928-го года я получилъ письмо отъ сэра Ремнанда. Въ немъ онъ сообщалъ, что встрѣтилъ рядъ препятствій въ своей работѣ. Эти препятствія создавали нѣкоторыя опасенія у Ремнанда относительно возможности проведенія плана въ цѣломъ. Онъ, однако, пи-

салъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы вы вѣрили и передали вашему правительству, что, какъ я, такъ и мои друзья, вполнѣ оцѣниваемъ дружеское и подбадривающее отношеніе вашего правительства». Дальше онъ писалъ: «Чувствую, однако, что я поступилъ бы несправедливо по отношенію къ вамъ и вашему правительству, если бы я скрылъ отъ васъ мои опасенія относительно возможности дальнѣйшей задержки, какъ результата атмосферы, созданной сообщеніемъ, появившимся въ нашей прессѣ и усугубленными ссылками на вашу «Правду», на «Извѣстія» и «Экономическую Жизнь» относительно критическаго положенія дѣлъ въ вашей странѣ».

Несмотря на эти препятствія, дѣятельность сэра Ремнанда проходила достаточно успѣшно. Вокругъ него собралось уже нѣсколько вліятельныхъ политическихъ и финансовыхъ лицъ. Но тутъ начали обрисовываться затрудненія съ другой стороны, изъ Москвы.

Проведя на свой собственный рискъ и страхъ первую стадію переговоровъ, я началъ, съ ноября 1928-го года, осторожно подготовлять Москву къ обязательствамъ чисто политическаго характера, которыя я принималъ на себя въ начальной стадіи переговоровъ. Я дѣлалъ это сначала въ двусмысленной формѣ, указывая, что **по моему мнѣнію,** проведеніе разработаннаго мною широкаго финансово-кредитнаго плана (цифры этого плана я послалъ въ Москву лишь въ ноябрѣ) невозможно безъ подготовки довольно далеко идущихъ политическихъ уступокъ. Находясь проѣздомъ въ Москвѣ, осенью 1928-го года, въ личныхъ бесѣдахъ старался соотвѣтствующимъ образомъ подготовить отдѣльныхъ крупныхъ совѣтскихъ дѣятелей къ необходимости вести индустріализацію стра-

ны за счетъ притока иностранныхъ капиталовъ, сдѣлавъ необходимыя для этого политическія уступки. Когда я называлъ цифру въ пять милліардовъ золотыхъ рублей, какъ возможную сумму будущихъ капитальныхъ вложеній, я чувствовалъ, что мои собесѣдники — нѣкоторые изъ нихъ примыкали къ лѣвымъ настроеніямъ — какъ одинъ, подпадали подъ гипнозъ называемой мною цифры. Мнѣ казалось, что этимъ гипнозомъ можно будетъ обезпечить успѣхъ заговора.

Однако, къ концу ноября 1928-го года внутренняя политическая обстановка въ СССР начала рѣзко измѣняться. Вліяніе и работа троцкистской организаціи развертывалась усиленнымъ темпомъ, создавая внутри партіи угрожающее для Сталина положеніе. Передъ лицомъ наростающихъ внутрипартійныхъ затрудненій, Сталинъ рѣшился на крайнія мѣры: вырвать жало троцкистской оппозиціи, безпощадно расправляясь съ ея сторонниками изъ числа руководителей и, въ то же время, усваивая ея программу и тактику, чтобы тѣмъ самымъ привлечь на свою сторону троцкистски настроенныя партійныя массы, особенно изъ круговъ комсомольской молодежи. Старшему поколѣнію партіи, умѣвшему реалистически подходить къ рѣшенію политическихъ задачъ, и даже партійному аппарату бюрократовъ-карьеристовъ, руководимыхъ Молотовымъ, Сталинъ не довѣрялъ. Онъ прекрасно понималъ, что опереться на эти круги въ своей борьбѣ съ Троцкимъ онъ можетъ лишь временно, и что такая опора явится для него ступенькой къ потерѣ своего положенія, какъ единоличнаго диктатора, распорядителя судебъ коммунистической партіи и совѣтской Россіи. Онъ искалъ въ качествѣ опоры другіе слои партіи, ту партійную и ком-

сомольскую молодежь, которая выросла на послѣднихъ рѣшеніяхъ партійныхъ съѣздовъ и конференцій, страдала фантастичностью своей политической мысли и готова была двинуться за тѣмъ, кто говорилъ самыя лѣвыя фразы, прикрывая ими сѣрыя и неприглядныя будни совѣтской дѣйствительности. Вдобавокъ, настроенія этой молодежи были гораздо родственнѣе примитивному сталинскому уму съ его фанатической вѣрой въ конечный приходъ міровой революціи, чѣмъ реальные, по необходимости, подсчеты Томскаго, Рыкова, Бухарина и трусливаго, но хитраго Калинина.

Поворотъ внутри партіи началъ обозначаться съ чрезвычайной рѣзкостью въ декабрѣ 1928-го года. Сталинъ уже усвоилъ въ основномъ троцкистскую программу, раздѣлавшись съ Троцкимъ и его главными сторонниками. Въ этихъ условіяхъ ему представлялось чрезвычайно удобнымъ дать бой правому крылу политбюро на вопросѣ будущихъ переговоровъ съ англійской финансовой делегаціей. Вопросъ о принятыхъ мною политическихъ обязательствахъ всплылъ въ политбюро во второй половинѣ декабря 1928-го года. Правое крыло политбюро, по трусости, не воспользовалось предоставленной мною въ его распоряженіе возможностью дать бой Сталину на выгодной позиціи. Въ политбюро меня никто не защищалъ. Изъ Москвы пришла шифрованная телеграмма отъ Сталина, въ которой сообщилось, что политбюро рѣзко осуждаетъ принятую мною линію въ переговорахъ съ Ремнандомъ. Въ будущемъ предлагалось никакихъ политическихъ разговоровъ съ руководителями делегаціи не вести, предоставивъ все это Москвѣ, послѣ пріѣзда туда делегаціи. Частнымъ образомъ, мнѣ сообщили, что въ по-

литбюро при обсужденіи вопроса о моихъ переговорахъ раздавались прямые упреки въ томъ, что я «устраиваю заговоры за спиной политбюро», что я «потенціальный предатель, котораго необходимо возможно скорѣй убрать, иначе намъ неожиданно всадятъ ножъ въ спину». Противъ этихъ упрековъ меня, однако, все же защищали нѣкоторые члены политбюро, и даже Литвиновъ, присутствовавшій на этомъ засѣданіи.

Въ началѣ января 1929-го года въ Парижъ пріѣхала основная группа организаторовъ англійской финансовой делегаціи. Къ нимъ присоединился и сэръ Робертъ Горнъ, взгляды котораго не совпадали полностью со взглядами руководителей делегаціи, но который заинтересовался идеей и, очевидно, рѣшилъ лично провѣрить, насколько далеко идетъ желаніе совѣтскаго правительства въ смыслѣ политическихъ уступокъ.

Къ этому времени я былъ уже окончательно связанъ рѣшеніемъ и выговоромъ политбюро. Довгалевскій былъ перепуганъ и не хотѣлъ бесѣдовать съ руководителями, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было политическихъ заявленій. Онъ притворился больнымъ и, принявъ Ремнанда, Бальфура, Киндерслея и Горна въ своемъ кабинетѣ въ присутствіи Боггавута и меня, уклонился отъ участія въ устроенномъ Ремнандомъ обѣдѣ въ ресторанѣ Лярю, на которомъ присутствовали я и Багговутъ.

Обѣдъ прошелъ вяло. Связанный постановленіемъ политбюро, я не могъ дать удовлетворявшихъ сэра Горна отвѣтовъ. Онъ указалъ на все растущую дѣятельность коминтерна въ Индіи и англійскихъ колоніяхъ, говорилъ о томъ, что у него имѣются прямыя доказательства участія въ этой работѣ совѣтскихъ агентовъ и т. д. Баль-

фуръ развивалъ свою идею урегулированія стараго русскаго долга. Онъ предлагалъ консолидировать старый русскій долгъ и выпустить новый заемъ, обязательный для совѣтскаго правительства, въ который вошла бы одна четвертая часть стараго русскаго долга, чѣмъ окончательно былъ бы урегулированъ вопросъ объ этомъ долгѣ. Онъ предвидѣлъ очень длительный мораторіумъ для уплаты этой части новаго займа. Несмотря на интересъ высказывавшихся мыслей, разговоръ не клеился. Я пытался кое-какъ принимать участіе въ разговорѣ, просто изъ любезности и чтобы какъ-нибудь замазать тотъ крутой поворотъ, который произошелъ въ настроеніяхъ Москвы. Говорилъ больше Багговутъ, тоже немало раздраженный новыми директивами Москвы и пытавшійся просто поддержать неклеющійся разговоръ. Поздно ночью мы разошлись. Бальфуръ, почувствовавъ настроеніе, пытался развеселить насъ шотландскими анекдотами. Но по лицамъ собравшихся было видно, что мы присутствуемъ при провалѣ всего грандіознаго замысла. Сэръ Горнъ не скрывалъ своего пессимизма. Майоръ Киндерслей также показывалъ признаки разочарованія. Ремнандъ былъ сдержанъ. Бальфуръ единственный не потерялъ шотландской веселости.

Когда я вышелъ вмѣстѣ съ Багговутомъ на рю Руаяль, изъ сосѣдняго кафэ къ намъ подошла одна фигура. Это былъ помощникъ Яновича. Онъ началъ разспрашивать, какъ прошелъ обѣдъ, о чемъ мы говорили, что говорили англичане. Его появленіе возлѣ ресторана и самый характеръ разспроса указывали на то, что Яновичъ успѣлъ уже получить заданіе по линіи ГПУ, внимательно

слѣдить за моими встрѣчами и разговорами съ англичанами.

Я чувствовалъ себя разбитымъ. Провалъ былъ налицо. Въ ту минуту я былъ склоненъ переоцѣнивать фактъ этого провала. Мнѣ казалось, что я присутствую при послѣдней попыткѣ мирнымъ путемъ вывести Россію изъ сталинскаго тупика. Теперь я думаю, что значеніе этой попытки было мною нѣсколько переоцѣнено. Но даже теперь я считаю эту попытку однимъ изъ важныхъ историческихъ моментовъ развитія новой Россіи. Недаромъ уже впослѣдствіи въ сталинскихъ кругахъ говорили о «дворцовомъ заговорѣ Багговутъ--Бесѣдовскаго». Это былъ, дѣйствительно, заговоръ. И, какъ заговоръ, онъ можетъ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе будущихъ историковъ россійской революціи.

Делегація выѣхала въ Москву въ мартѣ 1929-го года. Я не могъ оставить Парижа, и съ делегаціей выѣхалъ только Багговутъ. Послѣ нашей послѣдней встрѣчи съ англичанами, делегація потеряла всякій политическій интересъ, превратившись въ простую коммивояжерскую поѣздку представителей отдѣльныхъ англійскихъ фирмъ. Эта поѣздка не могла дать никакихъ, ни коммерческихъ, ни политическихъ результатовъ.

По возвращеніи изъ Москвы въ Парижъ Багговутъ заявилъ мнѣ въ самой категорической формѣ, что онъ прерываетъ всякій контактъ съ совѣтскимъ посольствомъ и съ какими бы то ни было совѣтскими хозяйственными организаціями за границей. Контактъ былъ имъ, дѣйствительно, прерванъ. Я увидѣлъ его снова лишь въ октябрѣ 1929-го года, послѣ моего бѣгства изъ посольства. Онъ явился ко мнѣ въ отель Мариньи и заявилъ,

что полностью раздѣляетъ мою политическую платформу и готовъ вмѣстѣ со мной начать борьбу со сталинскимъ режимомъ на новыхъ, революціонныхъ началахъ...

Провалъ моей послѣдней попытки использовать свое положеніе въ совѣтскомъ дипломатическомъ аппаратѣ для срыва сталинской линіи, хотя бы путемъ заговорщическихъ дѣйствій, вызвалъ во мнѣ состояніе полной апатіи и опустошенности. Я пересталъ интересоваться дипломатической работой, пересталъ заниматься дѣлами. Иногда я выѣзжалъ на одномъ изъ посольскихъ автомобилей за городъ и съ бѣшеной скоростью мчался по «національнымъ дорогамъ». Это было единственное, что давало нѣкоторый отдыхъ моимъ нервамъ. Идя со скоростью ста двадцати километровъ въ часъ, я чувствовалъ, что не все еще потеряно, и что нужно лишь не только пересмотрѣть въ цѣломъ, но и радикально измѣнить всю мою политическую дѣятельность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ апрѣля 1929-го года, я сначала почувствовалъ внутреннимъ чутьемъ, а затѣмъ прямо замѣтилъ слѣжку, организованную за мной Яновичемъ. Время отъ времени, кто-то рылся въ моемъ письменномъ столѣ, пробирался въ мою квартиру по воскресеньямъ, когда я уѣзжалъ съ женой и ребенкомъ. Однажды мнѣ удалось поймать одного изъ исполнителей работы Яновича. Я оставилъ открытымъ свой кабинетъ, выйдя въ находившееся противъ него помѣщеніе, гдѣ происходило очередное собраніе сотрудниковъ посольства. Просидѣвъ минутъ десять, пятнадцать, я поднялся съ мѣста, такъ какъ чувствовалъ буквально физическую тошноту отъ нуднаго словоговоренія очередного докладчика, и быстро прошелъ въ свой кабинетъ. Входя въ кабинетъ, я

засталъ одного изъ отвѣтственныхъ работниковъ торгпредства, который рылся въ бумагахъ моего письменнаго стола. Я хорошо зналъ этого типа: это былъ одинъ изъ секретныхъ сотрудниковъ Яновича. При моемъ появленіи онъ отскочилъ отъ письменнаго стола, быстро захлопнулъ ящикъ, и сдѣлалъ видъ, что ищетъ какую-то газету на столѣ. Я подошелъ къ нему и, со всего размаху ударивъ его по лицу, выгналъ изъ кабинета. Къ сожалѣнію, въ этотъ моментъ въ моемъ карманѣ не было револьвера.

Я замѣтилъ, что шофферы посольства послѣ каждой поѣздки, которую они совершали со мной (большею частью, впрочемъ, я ѣздилъ, самъ садясь за руль), выспрашивались въ укромномъ уголку секретаремъ посольства Гельдфандомъ о томъ, куда они со мной ѣздили. Эти разспросы вызвали уже послѣ моего бѣгства изъ посольства курьезный фактъ, проявившійся во время инсценировки процесса надо мной въ Москвѣ. Я довольно часто ѣздилъ днемъ, обычно, послѣ занятій, въ четыре съ половиной часа, на вокзалъ Сенъ-Лазаръ, гдѣ оставался 10-15 минутъ, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе чистить тамъ свои ботинки (въ Парижѣ, какъ извѣстно, нѣтъ чистильщиковъ на улицахъ). Сообщеніе объ этихъ поѣздкахъ, переданное въ Москву Гельфандомъ черезъ Яновича, дало основаніе клоуну Катаньяну, играющему роль прокурора при сталинскомъ балаганѣ, именуемомъ верховнымъ судомъ СССР, обвинить меня въ томъ, что я ѣздилъ на вокзалъ Сенъ-Лазаръ для встрѣчъ съ какими-то подозрительными лицами.

Однажды, это было уже въ началѣ лѣта 1929-го года, я не могъ долго заснуть. Я рѣшилъ спуститься внизъ, въ свой кабинетъ, и немного поработать. Спускаясь внизъ,

я прошелъ мимо двери, ведущей въ секретныя комнаты Яновича. Это было въ четвергъ, наканунѣ отправки дипломатической почты. Въ эти дни Яновичъ съ женой, обычно, работали до самаго разсвѣта, фотографируя почту. Вмѣстѣ съ ними, обычно, работало нѣсколько наиболѣе довѣренныхъ секретныхъ сотрудниковъ.

Дверь въ помѣщеніе Яновича была слегка пріоткрыта и, проходя мимо, я услышалъ свою фамилію. Я остановился и, тихо подойдя къ двери, началъ прислушиваться къ разговору, уловивъ конецъ фразы: «... Соловки ему обезпечены». Я быстро спустился внизъ и вошелъ въ свой кабинетъ. Было три часа ночи.

Мои политическія настроенія со дня на день все крѣпли по линіи осознанія необходимости начать борьбу съ тѣми, съ которыми я прошелъ девять лѣтъ своей политической дѣятельности. Несмотря на то, что я политически былъ вполнѣ готовъ къ этому, процессъ проходилъ въ мучительныхъ формахъ. Я понималъ, что оставляю по той сторонѣ баррикады многочисленныхъ друзей, политическихъ и личныхъ. Я хорошо зналъ, что сразу же послѣ разрыва меня начнутъ обильно поливать грязью, и мнѣ было больно думать, что, можетъ быть, нѣсколько друзей моихъ смогутъ повѣрить въ ту грязь, которая будетъ на меня вылита.

Стремленіе изолировать меня проявлялось все рѣзче и рѣзче. Въ концѣ весны 1929-го года должны были происходить выборы въ бюро ячейки сотрудниковъ посольства и торгпредства. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ выставили мою кандидатуру въ члены бюро и даже въ секретари ячейки. Понятно, что при моихъ настроеніяхъ я не имѣлъ никакого намѣренія принимать такое избраніе. Но

самый фактъ выставленія моей кандидатуры вызвалъ страшный переполохъ въ секретныхъ комнатахъ ГПУ. Одинъ изъ сотрудниковъ посольства, принадлежавшій къ числу секретныхъ агентовъ Яновича, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, питавшій ко мнѣ чувства симпатіи, явился ко мнѣ однажды въ кабинетъ и разсказалъ, что въ ячейкѣ ведется большая подготовительная работа противъ меня секретными агентами Яновича. Намекаютъ на то, что я буду скоро вызванъ въ Москву, гдѣ меня предадутъ сначала партійному суду, а затѣмъ совѣтскому суду, или же просто расправятся черезъ ГПУ. Игра начинала принимать почти открытый характеръ.

Я также постепенно пересталъ стѣсняться. Въ своихъ разговорахъ съ отдѣльными лицами, въ томъ числѣ съ иностранцами, я не скрывалъ своихъ оппозиціонныхъ настроеній. Въ числѣ лицъ, съ которыми я бесѣдовалъ на эту тему, былъ секретарь одного изъ иностранныхъ посольствъ въ Парижѣ, Р. Кольцо постепенно замыкалось.

23-го сентября 1929-го года Довгалевскій проѣзжалъ изъ Москвы въ Лондонъ, черезъ Парижъ. Онъ оставилъ меня повѣреннымъ въ дѣлахъ. Но въ день его пріѣзда изъ Москвы была получена телеграмма, въ которой говорилось, что мнѣ предлагается немедленно выѣхать въ Москву «для проведенія своего отпуска въ предѣлахъ СССР». Я черезчуръ хорошо зналъ кремлевскіе нравы, чтобы не понять, что меня просто заманиваютъ въ СССР для расправы. Когда я сказалъ это Довгалевскому, онъ явно побѣлѣлъ отъ волненія и заплетающимся языкомъ началъ говорить, что мнѣ въ Москвѣ ничего не грозитъ, но что, конечно, «Вамъ придется объясниться въ политбюро по поводу поѣздки англійской делегаціи, а также нѣкото-

рыхъ мыслей, высказанныхъ вами за послѣднее время». Я поставилъ вопросъ въ упоръ: «Значитъ, меня сняли съ работы въ Парижѣ и требуютъ для объясненій?». Довгалевскій подтвердилъ, что это такъ и есть.

Я сообщилъ въ Москву личнымъ письмомъ, что не желаю проводить отпуска въ СССР, и открыто высказалъ всѣ тѣ политическія сомнѣнія, которыя накопились у меня за послѣднее время. Я сообщилъ, что 2-го октября покидаю посольство и что по окончаніи отпуска я дамъ опредѣленный отвѣтъ о линіи своего будущаго поведенія. Я не могъ уже скрыть факта политическаго разрыва, но формы моей будущей дѣятельности казались мнѣ еще не ясными. Я чувствовалъ страшную усталость и мнѣ хотѣлось рѣшить вопросъ въ полномъ спокойствіи, послѣ предварительнаго отдыха и длительнаго размышленія.

Эти послѣдніе дни жизни въ посольствѣ были настоящимъ адомъ. Я видѣлъ кругомъ себя секретныхъ и явныхъ сотрудниковъ ГПУ, слѣдившихъ за каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ. Моя жена проявляла большое безпокойство: она все время повторяла мнѣ, что ждетъ самаго худшаго въ день отъѣзда 2-го октября, либо наканунѣ этого. На всякій случай я постоянно носилъ съ собой два заряженныхъ револьвера съ запасной обоймой къ каждому изъ нихъ. Порой сидя въ своемъ кабинетѣ я слышалъ шорохъ за дверью маленькаго темнаго корридора, который находился рядомъ съ моимъ кабинетомъ и служилъ мнѣ библіотечнымъ помѣщеніемъ. Я нѣсколько разъ выскакивалъ въ этотъ корридоръ и стрѣлялъ изъ револьвера въ потолокъ.

Тогда за дверью слышны были удалявшіеся шаги. Если бы такое положеніе продлилось одну, двѣ недѣли я

бы несомнѣнно сошелъ съ ума, предварительно изрѣшетивъ потолокъ своего кабинета револьверными пулями. Время тянулось медленно. Казалось, что день второго октября никогда не наступитъ. Но этотъ день наступилъ.

Второго октября 1929 года, въ три часа дня прiѣхалъ изъ Берлина членъ коллегiи народнаго комиссарiата инспекцiи и членъ коллегiи ГПУ Ройзенманъ. Онъ немедленно потребовалъ меня къ себѣ въ комнату № 82. Я отвѣтилъ, что могу прiйти не раньше пяти часовъ. Ройзенманъ былъ явно раздраженъ моимъ отвѣтомъ. Однако категорическiй тонъ моихъ словъ произвелъ впечатлѣнiе. Ройзенману пришлось согласиться.

Когда я вошелъ въ комнату № 82 было ровно пять часовъ. За окномъ моросилъ мелкiй дождь. Парижское небо хмуро посылало во всѣ стороны пучки разорванныхъ облаковъ.

— Здравствуйте, товарищъ Бесѣдовскiй. Я говорю съ вами отъ имени политбюро нашей партiи. У насъ имѣются свѣдѣнiя, что вы позволяете себѣ высказывать передъ безпартiйными сотрудниками и даже передъ иностранцами критическiя мнѣнiя относительно политики совѣтскаго правительства. Характеръ вашихъ мнѣнiй таковъ, что вы подрываете престижъ совѣтскаго правительства за границей и тѣмъ самымъ подрываете обороноспособность нашего союза, то-есть совершаете актъ государственной измѣны. Вдобавокъ мы узнали, что вы неожиданно рѣшили провести отпускъ за границей, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ СССР. Политбюро поручило мнѣ поэтому потребовать у васъ объясненiй.

Я посмотрѣлъ на продолговатое тупое лицо Ройзенмана, на его скопческiя отвислыя щеки, на его большой

съ изсиня-бурыми, скользкими губами ротъ. Раздраженіе наростало во мнѣ. Захотѣлось сразу сказать то, что накипало мѣсяцами, зрѣло годами...

— Да, вы правы. Я критиковалъ и критикую дѣйствія правительства. Я имѣю на это право. Я заработалъ его своею кровью, борьбой за свои идеи. Вы меня знаете хорошо. Я не искалъ чиновъ въ революціи. Я не бѣгалъ отъ опасностей. Но я пошелъ въ революцію не для того, чтобы режимъ Николая замѣнить режимомъ Сталина, вмѣсто живой правящей народной массы поставить жалкую клику тупыхъ лакеевъ съ оберъ-диктаторомъ во главѣ. Я не отрицалъ необходимости диктатуры въ моментъ гражданской войны, когда надо было желѣзной метлой вымести старый вѣковой соръ изъ Россіи. Мы сдѣлали это скорѣй и лучше, чѣмъ могли это сдѣлать другіе, и въ этомъ наше историческое оправданіе, оправданіе того мучительнаго процесса, черезъ который проходила страна. Теперь надо поставить точку. Надо рѣшительнымъ образомъ демократизировать совѣтскій строй, ввести подлинную демократію въ совѣты. Надо отбросить прочь гнилую систему одной партіи въ странѣ. Надо развязать производительныя силы деревни, вырвать съ корнемъ систему военно-феодальной эксплоатаціи крестьянства, избавить село отъ мерзости накладныхъ расходовъ, монополіи внѣшней торговли. Надо закрѣпить землю въ длительное пользованіе за крестьянами, развязать свободу торговли въ городѣ и въ деревнѣ, раскрѣпостить ремесленника и кустаря, раскрѣпостить мелкую и среднюю промышленность. Намъ нуженъ термидоръ. Я говорю это безъ боязни словъ. Я считаю, что каждая революція должна имѣть свой термидоръ. Таковы законы исторіи. Тѣ, кто не хочетъ под-

чиниться этимъ законамъ совершаютъ тягчайшее преступленіе передъ революціей. Они компрометируютъ ея цѣль, они компрометируютъ ея историческій смыслъ. Ихъ надо свалить безжалостно въ помойную яму исторіи вмѣстѣ съ соромъ, который они раньше такъ успѣшно выметали.

Я почти прокричалъ послѣднія фразы. И остановился. Ройзенманъ сидѣлъ блѣдный съ широко-раскрытыми глазами. Сначала я увидѣлъ въ нихъ ужасъ, тотъ ужасъ, съ которымъ смотрятъ на буйно помѣшаннаго. Затѣмъ въ нихъ сверкнула ненависть. Онъ всталъ и подошелъ ко мнѣ вплотную.

— Вы сошли съ ума. Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что говорите. Вы стали милюковцемъ на всѣ сто процентовъ. Не читаете совѣтскихъ газетъ, забыли о линіи партіи. Это — явная контръ-революція, все, что вы только что, какъ помѣшанный, орали. Но вы забываете о своемъ положеніи. Отвѣтственный работникъ за границей не имѣетъ права высказывать такихъ взглядовъ. Это государственная измѣна, и вы за это отвѣтите въ Москвѣ, куда я вамъ предлагаю немедленно выѣхать вмѣстѣ со мной.

— Я не поѣду въ Москву, такъ какъ увѣренъ, что вы не дадите мнѣ возможности хотя бы на судебномъ процессѣ открыто высказать свои взгляды и тѣмъ выполнить свой гражданскій долгъ. Я останусь здѣсь и найду способы отсюда довести до народныхъ массъ Россіи крикъ своей гражданской совѣсти.

— Вы поѣдете въ Москву. Вы что думаете, что мы оставимъ васъ за границей послѣ всей той отвѣтственной работы, которую вы здѣсь вели. Нѣтъ, товарищъ Бесѣдов-

скій, вы здѣсь не останетесь. Вы поѣдете со мной, — прокричалъ онъ, стуча кулаками по столу.

— Я съ вами не поѣду и вообще не поѣду въ Москву послѣ того, какъ вы предъявили мнѣ обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Я готовъ это сдѣлать такъ же, какъ готовъ былъ жертвовать собой во время революціонной борьбы. Но я знаю, что вы посадите меня въ подвалы Лубянки и разстрѣляете тайно безъ суда, какъ сдѣлали это съ нѣсколькими оппозиціонерами, обвиненными въ государственной измѣнѣ. Я этого не желаю, потому что моя жизнь принадлежитъ не мнѣ, а тому народу, среди котораго я выросъ и въ жертву интересовъ котораго я всегда готовъ принести себя цѣликомъ. Я уѣзжаю сегодня въ отпускъ, разрѣшенный мнѣ въ свое время коллегіей НКИД. Во время отпуска я окончательно продумаю свое политическое кредо. Конечно, я не останусь въ рядахъ коммунистической партіи. Я уже сегодня своимъ разговоромъ съ вами рву съ партіей, вѣрнѣе съ ея диктаторомъ, ибо десятки и сотни тысячъ членовъ партіи думаютъ въ уннисонъ со мной, и лишь гнусная полицейская сѣть ГПУ не даетъ имъ возможности открыто высказать эти взгляды. Попробуйте отрицать, что за такіе взгляды, высказанные въ Москвѣ вы не отправите члена партіи навсегда въ Нарымъ, въ Соловки и, можетъ быть, и подальше.

— Я не желаю вступать съ вами въ дискуссію. Вы для меня контр-революціонеръ, обманувшій довѣріе партіи и наносящій ударъ въ спину СССР. Вы черезчуръ много знаете, и поэтому мы васъ за границей не оставимъ. Я вамъ могу обѣщать, что мы васъ не тронемъ, если вы поѣдете въ СССР. Вы будете жить и отдыхать гдѣ нибудь

на югѣ, гдѣ захотите, уйдете изъ партіи и отойдете отъ политики. Мы вамъ будемъ платить пенсію, какъ платимъ теперь Шейману 1.000 марокъ. Но здѣсь, за границей, мы васъ никогда не оставимъ. Никогда. Слышите. Я говорю это вамъ, какъ уполномоченный политбюро. Помните, что весь партійный составъ полпредства и торгпредства подчиняется только мнѣ. Тумановъ и Аренсъ получили объ этомъ спеціальное увѣдомленіе изъ Москвы. И, если вы не захотите поѣхать добровольно, мы повеземъ живымъ или мертвымъ. Даю вамъ честное слово стараго партійца, что въ СССР васъ никто не тронетъ. Я погорячился, обвинивъ васъ въ государственной измѣнѣ. Поймите, какъ я былъ взволнованъ той милюковщиной, которую вы тутъ наговорили. Но мы васъ хорошо знаемъ. Мы знаемъ, что вы больны тяжелой формой наслѣдственной неврастеніи. Мы знаемъ, что во время кризиса неврастеніи покончилъ самоубійствомъ вашъ отецъ и нѣсколько двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Мы знаемъ, что въ порывѣ вспышки вы можете наговорить ужасныхъ вещей. Но мы знаемъ, что вы человѣкъ идейный, что вы руководились всегда только своей совѣстью, что вы никогда не были карьеристомъ, или примазавшимся. Мы уважаемъ васъ и поэтому не тронемъ, если вы поѣдете со мной. Подумайте, что вы дѣлаете. Тамъ въ СССР пролетарскія массы ведутъ героическую борьбу, а вы наносите имъ ударъ въ спину. Опомнитесь. Вы вѣдь революціонеръ, а не милюковецъ. Вы никогда не уживетесь со всей этой эмигрантской сволочью. Вы расплюетесь съ ней и останетесь сами оплеванный и опустошенный. Поѣдемте со мной. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ. Я — старый человѣкъ, мнѣ 54 года. Вы могли бы быть моимъ сыномъ. Вы имъ будете. Я клянусь вамъ, что

ни одинъ волосъ не упадетъ съ вашей головы. Я лично буду защищать васъ отъ всякихъ нападокъ. Поѣдемте со мной. Вы переживаете какой то нервный кризисъ, но это пройдетъ и вы снова будете съ нами. Намъ такъ тяжело васъ терять. Подумайте о своемъ будущемъ. Съ вашими способностями, съ вашимъ ораторскимъ талантомъ, вы будете еще играть большую роль въ СССР.

— Нѣтъ, товарищъ Ройзенманъ. Довольно. Я не изъ тѣхъ, кто идетъ на компромиссъ со своей совѣстью. Вы сыграли роль катализатора въ томъ процессѣ политическаго перерожденія, который бурно наросталъ во мнѣ за послѣдніе мѣсяцы. Сейчасъ для меня все ясно и я твердо буду бороться за свои новыя идеи, такъ же честно и искренно, какъ боролся раньше. Впрочемъ, я не считаю эти идеи новыми. Онѣ вытекаютъ изъ основной идеи моей жизни, той, для которой и во имя которой я шелъ всегда на политическую борьбу. Я былъ и остался романтикомъ въ политикѣ. Я всегда боролся во имя своей прекрасной дамы — демократіи. Я думалъ раньше, что демократія требуетъ немедленнаго осуществленія соціальнаго равенства, и я перешелъ прямо къ вамъ, черезъ короткую стадію лѣваго эсэрства. Но я всегда и въ рядахъ вашей партіи не могъ примириться даже въ первые медовые мѣсяцы моей партійности съ грубымъ механическимъ подавленіемъ основныхъ принциповъ демократіи. Поэтому я входилъ въ ряды оппозиціи въ 1920 и 1921 г.г., требовавшей развернутаго демократическаго децентрализма въ партіи. Съ этимъ лозунгомъ я выступалъ на губернской партійной конференціи въ Полтавѣ въ февралѣ 1921 г. и свалилъ губернскій комитетъ, состоявшій изъ бюрократовъ. Спросите объ этомъ у тогдашняго предсѣдателя гу-

бернскаго исполнительнаго комитета Порайко, нынѣшняго народнаго комиссара юстиціи Украины. Спросите у Кона, Мануильскаго. Изъ за этого демократизма я попалъ на заграничную работу. Но и оттуда, изъ за границы я поднималъ всегда голосъ протеста противъ системы тупого централизма, превратившаго партію въ удѣльное княжество сначала кучки сатраповъ, а затѣмъ одного диктатора Сталина, отвратительнаго представителя самыхъ мерзкихъ формъ азіатской деспотіи. Да, да, товарищъ Ройзенманъ. Нечего вамъ возмущаться — это такъ. Вспомните исторію съ Камо, случайно задавленнымъ на улицѣ Тифлиса проѣхавшимъ автомобилемъ. Вы помните личное распоряженіе Сталина. Помните, какъ онъ приказалъ ГПУ разстрѣлять злополучнаго шоффера, рабочаго и члена партіи, виновнаго лишь въ томъ, что онъ случайно задавилъ личнаго друга Сталина. Это — что? Демократія? Рабочее правительство? Революціонная власть? Гдѣ, въ какой странѣ диктаторъ могъ бы позволить себѣ подобное преступленіе? А гдѣ были вы, центральная контрольная комиссія, «совѣсть» партіи? Кто изъ васъ посмѣлъ хоть пискнуть, хотя нѣкоторые изъ васъ и возмущались этимъ преступленіемъ Сталина. Никто! Вы боялись за свои теплыя мѣстечки, за циковскіе значки, за партійную карьеру. И послѣ этого вы смѣете мнѣ говорить о героической борьбѣ пролетаріата. Да, народныя массы Россіи ведутъ героическую борьбу, но эта борьба не подъ нашимъ руководствомъ, а противъ насъ. Это борьба за экономику страны, за основныя позиціи ея народнаго хозяйства. Крестьянинъ съ трудомъ отстаиваетъ свое хозяйство отъ жадныхъ лапъ чрезвычайныхъ хлѣбозаготовителей. Вы манитe его фордовскимъ тракторомъ и одновременно лиша-

ете послѣдней коняги. Вы платите ему не больше одной пятой вольной рыночной цѣны на хлѣбъ и продаете ему товары по непомѣрно раздутой цѣнѣ. Вы душите его хозяйственную инициативу, загоняя его въ колхозы, отбираете подаренную ему революцей землю для совхозовъ. Вы гробовщики революцiи, вы хороните навсегда ея идею. Вы — преступники и я буду бороться съ вами до конца.

Ройзенманъ сидѣлъ молча, подавленный. Выраженiе манящей сирены исчезло съ его лица. Только ненависть тупая и злобная сквозила въ зрачкахъ. Онъ всталъ и торжественно произнесъ:

— Именемъ центральнаго комитета партiи, я предлагаю вамъ немедленно ѣхать въ Москву. Въ случаѣ неподчиненiя будутъ примѣнены самыя крайнiя мѣры репрессiи. — Онъ на секунду остановился и добавилъ: — Не забывайте, что вы находитесь на совѣтской территорiи. Я приказалъ не выпускать васъ изъ помѣщенiя полпредства. Ваша семья сегодня также не выѣдетъ.

Я хлопнулъ дверью и вышелъ изъ комнаты № 82. Длинный полу-темный корридоръ. Мягкiй пыльный коверъ. Шаговъ не слышно.

Нѣсколько дверей изъ комнатъ сотрудниковъ прiоткрыто. Изъ одной двери бурнымъ ритмомъ доносятся звуки «Бубличковъ»... «Въ ночь ненастную, меня несчастную, съ торговлей частною, ты пожалѣй».

Я поневолѣ улыбнулся. Вотъ онъ фокстротизированный термидоръ. А Ройзенманъ? Его угрозы? Пустяки. Не посмѣетъ идти на скандалъ...

Я зашелъ къ себѣ въ комнату и сказалъ женѣ, что нужно собираться. Чемоданы были снесены внизъ еще ут-

ромъ до пріѣзда Ройзенмана. Оставалось уложить лишь разные домашніе пустяки.

На всякій случай, я осмотрѣлъ свои револьверы. Браунингъ и Маузер 6,35. Взялъ по запасной обоймѣ. Подсчиталъ мысленно $(2 \times 7) + (2 \times 6) = 26$. Въ случаѣ крайности хватитъ.

Я началъ спускаться внизъ по лѣстницѣ. Прошелъ мимо своего кабинета. Остановился на мгновеніе. Посмотрѣлъ на бѣлую фарфоровую табличку: «conseiller d'ambassade». Скоро «conseiller» превратится въ «шофферъ». Тѣмъ лучше. Это лишній разъ покажетъ, что не чиновъ искалъ я въ революціи. Пусть правовѣрные сталинскіе чиновники сидятъ въ этомъ кабинетѣ и наслаждаются властью. Мой удѣлъ отнынѣ — борьба съ ними, борьба за демократію, за ея идеалы, за свободу народныхъ массъ. Я вошелъ во дворъ. Мокрый гравій сочно хрустѣлъ подъ ногами. Дождь моросилъ надоѣдливо, съ монотонной пронзительностью разрѣзая красноватое небо. Снова изъ пріоткрытаго окна вырвались звуки «бубличковъ»... «Стою несчастная здѣсь на углу». Да, термидоръ нуженъ немедленно, во что бы то ни стало. Прекратить страданія милліоновъ несчастныхъ, зажечь огнемъ энтузіазма народное хозяйство страны. Духъ революціи превратился въ духъ реакціи. Надо отбросить его съ той желѣзной рѣшительностью, съ какой отброшены были духи царизма. Я прошелъ черезъ небольшую комнату ожидальню и очутился въ выходномъ корридорѣ. Впереди съ лѣвой стороны виднѣлась пріоткрытая дверь изъ комнаты консьержей. Я медленно шелъ по корридору, продолжая внутренне слѣдить за ходомъ своихъ мыслей. Слово «термидоръ» неотвязно преслѣдовало меня. Я вдругъ очутился

у самой двери. Передо мной стоялъ одинъ изъ консьержей торгпредства, Жилинъ. Онъ сталъ между мной и выходной дверью. Онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна. Губы тряслись, руки дергались, какъ въ тикѣ.

— Товарищъ Бесѣдовскій, у меня есть приказъ не выпускать васъ изъ посольства. Будьте добры возвратиться въ свою комнату.

— Какъ не выпускать изъ посольства. Кто вамъ далъ приказъ. Что вы дѣлаете въ посольствѣ и съ какихъ поръ вы стали здѣсь работать. Какъ вы смѣете говорить со мной такимъ тономъ. Вы забыли, что я повѣренный въ дѣлахъ. Убирайтесь вонъ, — и я сдѣлалъ движеніе къ выходной двери.

Лицо Жилина сдѣлалось еще блѣднѣе. Онъ быстро выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его на меня.

— Товарищъ Бесѣдовскій. Я васъ всегда очень уважалъ. Но я — членъ партіи, и у меня есть приказъ тов. Ройзенмана, подъ моей личной отвѣтственностью не выпускать васъ изъ посольства. Я отвѣчаю головой. Предупреждаю васъ, что если вы сдѣлаете еще одно движеніе, я застрѣлю васъ на мѣстѣ.— Я на секунду задумался. Что дѣлать. Продолжать разговоръ, незамѣтно вытащить револьверъ и стрѣлять въ него?.. Но въ дверяхъ комнаты для консьержей увидѣлъ вторую фигуру съ револьверомъ наготовѣ. Нѣтъ. Такъ ничего не выйдетъ.

Я повернулся спиной къ Жилину, постоялъ съ полъминуты, прошелъ снова черезъ комнату-ожидальню и вышелъ во дворъ полпредства. Изъ комнаты консьержей за мной никто не шелъ. Я быстро подошелъ къ воротамъ посольства, обычно закрывавшимся только на засовъ, под-

нялъ засовъ и хотѣлъ открыть ихъ. Ворота не открывались. Они были заперты въ этотъ вечеръ не только на засовъ, но и на ключъ.

Картина ловушки принимала все болѣе ясный характеръ. Впереди предстояла жуткая ночь. Убійство меня одного, а можетъ и всей семьи. Внезапно я вспомнилъ, какъ черезъ часъ послѣ пріѣзда Ройзенмана два дипкурьера ввозили во дворъ только что купленный необъятныхъ размѣровъ чемоданъ для тяжелаго багажа. Я подумалъ, что этотъ чемоданъ достаточно вмѣстителенъ для труповъ всей семьи. Надо рѣшаться. Пойти къ женѣ и послать ее за такси безцѣльно. Ее, конечно, не выпустятъ, а у дверей нашей квартиры поставятъ кого-нибудь и тогда все кончено. Городской телефонъ соединяется черезъ коммутаторъ въ комнатѣ консьержей. Попытаться звонить въ городъ безцѣльно.

И вдругъ я вспомнилъ. Имѣется одинъ возможный выходъ — садъ, съ его высокимъ каменнымъ заборомъ.

Раздумывать не приходилось. Я пробѣжалъ черезъ темную комнату въ боковомъ флигелѣ — столовую для сотрудниковъ. Открылъ дверь въ узкій длинный проходъ и черезъ нѣсколько секундъ очутился въ саду. Быстро подошелъ къ каменному забору. Снялъ съ себя пальто и, свернувъ его въ клубокъ, перебросилъ черезъ заборъ. Подскочилъ и ухватился руками за острый выступъ. Подтянулся въ мускулахъ, какъ дѣлалъ когда то на урокахъ гимнастики въ школѣ, и очутился на гребнѣ забора. Изъ боковыхъ оконъ моей квартиры, выходившихъ въ садъ, до меня донесся голосъ жены, разговаривавшей съ кѣмъ то. Въ эту секунду я вспомнилъ Полтаву, мои ученическіе годы, первое юношеское чувство къ моей женѣ и

лазаніе через чужіе заборы въ поискахъ яблокъ, сливъ и сирени. Я чувствовалъ, какъ улыбаюсь въ темнотѣ. «Еще одинъ циклъ сомкнулся. Между его крайними точками ровно шестнадцать лѣтъ жизни, упорной борьбы, большой государственной работы. Начинается новый циклъ». Спрыгнулъ внизъ на мокрую землю. Поднялъ свое пальто и подошелъ къ закрытой двери большого темнаго дома. Началъ стучать. Никакого отвѣта. Вспомнилъ, что домъ необитаемъ. А между тѣмъ выходъ изъ сада, куда я забрался, только черезъ домъ, протянувшійся отъ стѣны до стѣны. Отчаяніе начало завладѣвать мной. Неужели нѣтъ выхода, неужели придется остаться здѣсь въ саду. И снова изъ раскрытыхъ оконъ моей квартиры донесся до меня голосъ жены. Это придало мнѣ бодрости. Я рѣшилъ, что надо продолжать попытки выбраться во что бы то ни стало на улицу.

Подошелъ къ стѣнѣ, граничившей съ сосѣднимъ домомъ. Оцѣнилъ взглядомъ высоту, 3 съ половиной метра. Пододвинулъ къ стѣнѣ стулъ, стоявшій въ саду, взобрался на него, снова перебосилъ свое пальто черезъ стѣну и подскочилъ. Неудача. Сорвался и упалъ внизъ, ударившись объ острые выступы и о стулъ. Приходилось начинать сначала. Снова поставилъ стулъ. Сдѣлалъ прыжокъ. На этотъ разъ удачно. Я былъ на вершинѣ стѣны. Внизу чернѣла мокрая земля, а прямо напротивъ, съ уютной мягкостью свѣтились окна большого дома.

Я прыгнулъ внизъ. Упалъ въ кусты и только оцарапалъ лицо. Быстро поднялся и подошелъ къ освѣщенному окну. Нѣсколько разъ ударилъ по стеклу.

Окно открылось и чей то испуганный голосъ спросилъ меня, что я дѣлаю въ саду, и какъ я туда попалъ. Въ

нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ причину своего появленія и попросилъ разрѣшенія пройти черезъ домъ на улицу.

Добродушный и словоохотливый консьержъ, г-нъ Рамбо, взялся сопровождать меня въ комиссаріатъ и префектуру...

Черезъ полтора часа я возвратился въ сопровожденіи г-на Бенуа, директора судебной полиціи, взялъ жену и ребенка и навсегда оставилъ посольство...

Я ѣхалъ въ отель на улицѣ Аркадъ. Дождь по прежнему косыми полосами рѣзалъ красноватое небо. Наше такси сдѣлало крюкъ, въѣхало на рю Матюренъ и мимо «Искупительной часовни» повернуло на рю Паскіе.

Я увидѣлъ въ темнотѣ изящные контуры «chapelle expiatoire». Подъ ней, въ братской могилѣ стараго кладбища Мадленъ, лежатъ Дантонъ, Камиллъ Дюмуленъ и столько другихъ революціонеровъ, не дождавшихся термидора.

Дождусь ли я термидора россійской революціи?

Шумъ большого города, наслѣдника трехъ революцій, отвѣтилъ мнѣ:

— Да!

Парижъ, мартъ 1930 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Гл. I. Москва 3
Гл. II. Токіо 23
Гл. III. Токіо (продолженіе) 51
Гл. IV. Токіо (окончаніе) 89
Гл. V. Харбинъ 123
Гл. VI. Москва 137
Гл. VII. Москва (окончаніе) 153
Гл. VIII. Парижъ 183
Гл. IX. Парижъ (продолженіе) 237
Гл. X. Парижъ (окончаніе) 255

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE — MENILMONTANT, PARIS 20e. —